

КОНТРОЛЕР
ЮРИЙ
НИКИТИН

ЮРИЙ
НИКИТИН

Рождение
Контролера

Рождение
Контролера

КОНТРОЛЕР

—ЮРИЙ
НИКИТИН

—ЮРИЙ НИКИТИН К О Н Т Р ● Л Е Р

Книга третья

Рождение Контролера

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н62

Разработка серийного оформления х
удожника *Е. Савченко*

В оформлении переплета использована работа
художника *М. Петрова*

Никитин, Юрий Александрович.

Н62 Контролер. Книга третья. Рождение Контроле-
ра / Юрий Никитин. — Москва : Издательство «Э»,
2016. — 416 с. — (Контролер. Фантастика Юрия Ни-
китина).

ISBN 978-5-699-89305-8

Кому много дано, с того много и спросится. Еще Пифа-
гор говорил, что стыдно стареть, не узнав, на что способны
твой ум и тело. Владимиру Лавронову дано было немногое,
а чего недоставало, он взял сам, без спросу. Он и не подо-
зревал, что пользоваться сверхчеловеческой мощью все
равно что идти по тонкому канату над пропастью...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-89305-8

© Никитин Ю., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Часть I

Глава 1

Люблю хай-тек, но люблю как простой и даже очень простой обыватель. Потому бунтую, когда техника начинает наглеть. Кофейный автомат вместе с апгрейдами и новыми рецептами начал скачивать и рекомендации Всемирной Организации Здравоохранения, и сейчас вот на мое высочайшее повеление изготовить большую чашку эспresso выдал маленькую чашку латте, дескать, не так вредно для моего организма, где такие-то и такие показатели повышены, а что-то и вовсе близко к красной черте.

То-то в последнее время резко скакнул спрос на аппараты старого образца, что не умничают и выполняют то, что им прикажут.

— Вот что, — сказал я злым голосом, — если, сволочь, не выдашь прямо сейчас то, что изволю велеть, то этот бунт машин пресеку в самом начале!..

Автомат не ответил, еще не осирился, дурак, но уже выполняет указания госдепа, предатель. Придется отрубить от инета, такая функция пока что есть, вовсе отключу вай-фай, перезагружу, сделаю откат, и будет как миленький выполнять все, как в армии,

не обсуждая приказы. Апгрейды придется ставить вручную, сперва посмотрев, какого бесплатного кота в мешке мне суют «для моей же пользы».

И вообще пора прекращать гнаться за новинками слепо. Покупать надо то, что нужно, а не что втюхивают производители.

Пока я возился и перенастраивал, повысив себе приоритет до предела перед всякими там госдепами, за спиной раздался звонок.

Я оборачиваться не стал, и так вижу, ответил малость сонным голосом:

— Связь!.. Да, Ингрид, рад видеть тебя даже такой опасно румяной, как взрыв ядерной бомбы.

— Спасибо, — ответила она.

— Пробежка?..

— С препятствиями, — похвалилась она. — Слушай, ты мне нужен.

— Что, препятствий мало?... — поинтересовался я. — А-а-а, ни за что! Только вчера решил принять целибат. Твердо, как Аристарх Самосатский!

— Наглая свинья, — сообщила она. — Наглейшая! Нужен по делу.

Автомат загремел, размалывая зерна, некоторое время голос Ингрид оставался за стеной грохота, затем в чашку хлынула темно-коричневая пахнущая струя, я дождался, когда наполнится, и переставил ее на стол.

Ингрид продолжает смотреть со стены вопрошающими глазами. Я сделал первый глоток, прикрыл в наслаждении глаза.

— Баунти... Даниссимо... Ты что-то хрюкнула?.. Ингрид, если хочешь уговорить на какую-то ерунду, то сейчас даже гранды не требуются. Мацанюк подкидывает регулярно, он только поглядывает, чтобы

не спились, не ушли в буддизм или в йогу, когда все похрену, а так у нас все поют, прекрасная маркиза!

Она передвинулась на стену левее, чтобы находиться прямо передо мной и смотреть мне в глаза, вдруг мне станет стыдно.

— Нет, другое.

Я спросил с ленивым любопытством:

— Что же?

— Тебе, — проговорил она несколько напряженным голосом, — предлагают возглавить отдел.

Я дернулся.

— Что-что?

— Крупный отдел, — пояснила она. — У нас, а не в твоём Центре Биотехнологий или как он там у вас называется.

Я засмеялся.

— Ингрид... Вы там немножко ку-ку... Так уверены в своей значимости, даже мило. Да я возглавлять даже все ваше ГРУ откажусь!.. Без колебаний. Ты даже не представляешь, какой вы занимаетесь хренью и каким важным делом занят я.

Она смотрела ясными чистыми глазами валькирии, что явилась по душу павшего воина и отступать не намерена.

— Ты помог, — сказала она, — раскрыть серьезнейшее преступление, о чем знает моё управление. И если где-то что-то произойдет серьезное... и не укладывающееся в привычные рамки полицейского расследования, неужели откажешься помочь?

Я ответил таким же прямым и честным взглядом, дескать, не павший, а напротив, возлифтившийся.

— У вас хватает специалистов. Друг на друге сидите! Народные деньги жрете. Корыто небось огромное?

— Не такого уровня, — отпарировала она. — У нас прекрасные люди и хорошие оперативники. Но, признаю, у доктора наук взгляд шире. Что делать, признаю, хоть и с неохотой. Ты умнее и потому видишь то, чего не видят те, у кого за плечами в лучшем случае Полицейская Школа, а то и просто трехмесячные курсы.

Я кивнул.

— Ингрид, я тебя тоже люблю и уже не готов так уж однозначно прибить или придушить. Мои координаты знаешь, так что через месяц-другой можем где-то встретиться, вспомнить всякое. А сейчас... извини, ты мне нарушаешь церемонию кофепития.

Она сказала строго и очень невесело:

— На этой неделе был совершен теракт в Лефортово, где расстреляли посетителей в кафешке. Затем взрыв бомбы на автобусной остановке. Еще один в электричке. Вчера в Медведково, а сегодня в Люберцах!

Я кивнул.

— Впечатляет.

— Ты мог бы предотвратить, — сказала она, увидела мое выражение лица и быстро уточнила: — Не сам, а во главе отдела!.. Рассчитав, как ты это умеешь, мог бы направить в те места агентов, чтобы предотвратили.

Я фыркнул.

— Полагаешь, я мог бы заранее?

Она ответила с некоторым колебанием:

— Это звучит слишком самонадеянно, сама знаю, но верю, что хотя бы часть терактов ты сумел бы вовремя... у нас такая техника!.. и предотвратить.

Я покачал головой.

— Прости, но не в коня корм. Я белая кость, я не просто ловлю вирусов, а не воришек и террористов, но и полагаю, что это важнее. Прости, мне пора на работу. У меня, понимаешь, работа, а у вас там служба. Разницу улавливаешь?

Она проводила со стены злым взглядом, но я вышел, уже не слушая, что говорит вдогонку, и лишь на крыльце выключил связь.

Автомобиль быстро выкатился со стоянки перед домом и подкатил к подъезду. Я сел за руль, произнес «автопилот», Сири тут же прощебетала:

— Принято.

Лавируя между автомобилями, которым места на стоянке не нашлось, мы выехали на дорогу, где уже почти забыл этот нелепый разговор. После той эпопеи с заложницей я вернулся в институт и резко продвинулся с исследованиями, написал пять тщательно аргументированных статей с изложением новых методов, предложил оригинальную методику маркировки испорченных мест в геноме и нашел неизвестный ранее и дешевый путь регенерации аксонов, осталось только проверить на опыте.

И чтобы после такого я принял предложение гоняться за террористами? Мозг мой постоянно кипит, требуя работу, а когда не подкидываю ему сознательно, сам находит и занимается нелепейшими вычислениями, сравнениями, строит догадки на основе незначущих фактов. Не раз ловил его на том, что вычисляет вероятность квантового перехода в нестабильной звездной системе Море Батина в сравнении с такой же возможностью в ядре черной дыры в центре галактики Панцирь Трилобита или же рассчитывает мощность бозонов в потоке

геркеров, хотя до сих пор геркеры — лишь термин, за которым ни одной цифры.

Обычно удавалось заставить его лечь и отдохнуть, но иногда защита моя слабела, и он тут как тут со своими идеями, как дать всем щасте. Ну хоть стихи пока не сочиняет, тогда бы вообще ласты кверху, а хвост набок. Но даже стихи лучше, чем чистить общество от грязи и паразитов...

— Сири, дай фирму «Звезды Алаксионы».

Сири быстро поинтересовалась:

— Дежурного оператора?

— Давай, — ответил я.

Вспыхнул большой экран на лобовом стекле, милая девушка-рецепционистка заулыбалась профессионально приветливо.

— Фирма «Звезды Алаксионы», слушаем вас!

— Есть участок, — сказал я, — хочу построить домик.

Она заулыбалась уже теплее, как-никак клиент, прощбетала:

— Секундочку, переключаю на дизайнеров...

На экране возникла Синтия во всей ее красе, чувственной и выставочной. Всмотрелась, вскинула брови.

— Ой, не ожидала тебя...

В ее голосе послышалось недоумение и сдержанное неудовольствие. Тоска стиснула сердце, но я не поэт, сумел взять голос под контроль и сказал клиентски приветливо:

— Синтия, извини за вторжение, но я по делу, ничего личного. У меня заказ. На строительство.

Она сказала с облегчением:

— О, поздравляю. Сейчас переключу.

— Извини, — повторил я. — Даже не знал, что ты работаешь здесь.

Она посмотрела на меня пытливо.

— Наши отделы из-за сокращений слили воедино, теперь я здесь.

— Не беспокойся, — сказал я еще раз.

Она, не дожидаясь, что скажу еще, поспешно ткнула в экран пальцем. Вместо нее возникло изображение стильного кабинета и лохматого в стиле Грига мужика за столом. Он вскинул голову, взглянул непонимающими глазами.

— Да?

— Заказ, — сказал я. — У вас красивые проекты, видел. Нужен домик.

Он сказал с энтузиазмом:

— Все сделаем! Любая прихоть за ваши деньги!

Прихотей у меня нет, но от моей квартиры добираться до Центра Мацанюка больше часа, а когда пробки, то теряю по два-три. Давно возникала идея перебраться поближе, а когда решился обменять квартиру, пришла идея еще лучше.

Все новости, что не относятся к науке, я велел мозгу отсеивать, но ему дает указания еще и спинной, скотина, потому иногда вдруг проскочит вереница фоток с вот такими и вот такой или фото новейших автомобилей в продаже недалеко от дома.

Так же мелькнула, но нарочито задержалась новость, что в совхозе «Заветы Ильича» перешли на вертикальные фермы, так урожай выше, освободилось где-то больше трехсот гектаров земли, которую тут же купил концерн «Красивая Земля» и начал там строительство коттеджного поселка.

Собственно, строить начал только дороги, подводить электричество, газ и оптоволокно, а дома покупатели уже возводят сами какие хотят. У нас не Евросоюз, где и домики должны быть абсолют-

но одинаковые у всех, и никто не смеет под угрозой чудовищных штрафов посадить на участке даже грядку клубники или редиски, словом, полный расцвет демократического фашизма, что так нравится недисциплинированным россиянам.

От этого коттеджного поселка до Центра Мазанюка всего пятнадцать-двадцать минут, но и это еще не все. Главная фишка — в моей однокомнатной нельзя разместить даже пару клеток для мышек, а в коттедже выделю самое огромное помещение под лабораторию, где могу работать когда угодно и сколько угодно, а до постели всего-то несколько шагов в соседнюю комнату.

И вот сегодня я, как говорится, созрел. Автомобиль прет, набрав скорость, я ждал, вижу, с заказами у дизайнеров туго, мужик позвал генерального, вдвоем опасливо поинтересовались, есть ли у меня место, где строить. Я молча переслал им карту всего поселка и моего участка в два гектара размером, который купил вчера так же дистанционно, не выезжая на место.

— Ого, — сказал лохматый с уважением. — У вас размах...

Я ткнул пальцем в один из проектов красивых светлых домиков.

— Вот! Вкусы, как видите, у меня простые, никаких эксклюзивов не требуется.

Он сказал с готовностью:

— Эксклюзивы тоже делаем. Это лишь чуть-чуть дороже...

— Не надо, — отмел я голосом уверенного заказчика, что понастроил таких коттеджей уже сотни по всему свету, и подтвердил отмечающим движением длани. — Не для гостей строю, для себя.

— Но вам...

Я заявил генеральским голосом:

— Мне, как Собакевичу, главное — мои удобства.

— Все сделаем!

— Но сделать нужно быстро, — сказал я строго, — я не могу отвлекаться от работы, контролируя, что и как тут у вас строят понаехавшие гастарбайтеры из Европы.

Мужик посмотрел на меня с уважением, как на богатого клиента, но свысока.

— Вижу, вы не в курсе новых технологий. Ахнете, завтра все поставим. А что насчет двора?

— Вон так, — сказал я и указал на один из типовых вариантов. — Никаких выпендрежей и выпендренов!.. Стоянка, беседка, дорожки... В общем, сами смотрите. Гараж всего на два авто.

Он посмотрел с еще большим уважением.

— Хорошо-хорошо... Лишь бы сумели оплатить. Я загадочно улыбнулся.

— Человека науки не должны интересовать меркантильные вопросы.

Глава 2

Хотя, конечно, пока что интересуют, но скоро, как и любая новизна, уйдут на задний план. Все операции всех клиентов банков вижу по всему миру, могу просчитывать, кто, кому и за что, могу отщипнуть у парагвайской наркомафии десяток миллионов долларов, а след бросить на колумбийский картель — пусть дерутся, и полезно, и приятно смотреть, только некогда.

Хотя, конечно, в моем кругу придется отвечать на вопрос «Откуда?», потому просто принял

участие в общеамериканской игре для дураков и домохозяек, прошел четыре отборочных тура, а в финале встретился в самом деле с мужиками, что знают и умеют много, потому победил с минимальным преимуществом, но победил, и приз в семнадцать миллионов долларов был переведен на мой счет.

Автомобиль вылетел на магистраль и еще добавил скорость. Звякнул зуммер, я покосился на экранчик вызова, поморщился. Снова Ингрид... Все-таки сказанное ею засело, на что, видимо, и было рассчитано. Иначе бы дожимала, знаю ее характер, а так забросила зерно и дала ему прорасти, пустить корни и даже высунуть на свет божий листики.

Наверняка ей так посоветовали и даже вручили листок подсказок, что и каким голосом говорить, сейчас без психологов даже в туалет не сходить, потому я снова просмотрел мировые новости, которые раньше отсеивал, как и результаты спортивных матчей и кто кому вдул, хоть в ворота, хоть куда еще.

Но вообще-то она права, раньше было две ядерные державы, сейчас сто сорок, из них пятьдесят четыре тоталитарных, а десятков и вовсе с неустойчивыми режимами. Но, кто не знает, куда хуже с биологическим оружием. И вообще мир вот-вот сорвется в пропасть третьей мировой просто потому, что в мире с каждым месяцем удваивается количество локальных конфликтов, и какой-то обязательно, просто обязательно... Дело только в том, когда и какой, а так да, обязательно.

Все это пронеслось за доли секунды, у меня мозг и тело живут чуть ли не каждый отдельно, я вздохнул и ответил нехотя:

— Связь!.. Да, Ингрид. Да, подумал, хотя и думать нечего. Из вежливости подумал!.. А вот вежливый я, только не по-вашему, строим не хожу..

Она соскочила с экранчика смартфона на большой экран лобового, но не закрыла дорогу, оттуда посмотрела на меня еще злее.

— Люди гибнут, Владимир!.. Ладно, других тебе не жалко, а если взорвут бомбу возле вашего биоцентра? И погибнут твои сотрудники?

— Да, — сказал я с сарказмом, — это козырь. Ты права, мои не входят в восемь миллиардов. В общем, так, Ингрид... Блин, а твое имя мне тоже нравится. Напоминает хруст кофейных зерен в кофемолке. Кто бы подумал?.. А от этого один шаг и до... Нет-нет, ни за что!..

Она фыркнула:

— Да уж признайся, что влюблен в меня! Потому и придушить жаждется. Это у тебя сублимация такая с перекосом.

— В общем, — сказал я, — никакого отдела мне и даром не надо, как и с большой доплатой тоже. Но проконсультировать могу, у нас все еще страна советов.

Она ответила быстро:

— Выезжаю за тобой.

— Я сейчас на Кутузовском, — сообщил я. — У нас тут швейцарская медаппаратура прибыла, а на нее столько заявок.. Сейчас начнем выхватывать друг у друга.

— Адрес?

Я продиктовал, она буркнула:

— Это вообще через десять минут. Можешь начинать дрожать и прятаться. А насчет медоборудования, думаю, ты свое не упустишь.

— Я интеллигент, — напомнил я, — лучше свое отдам, чем чужое возьму.

— Видела, — сказала она угрожающе, — какой ты интеллигент... нового поколения.

— И новой формации, — уточнил я.

Она ответила зыбким голосом:

— Вообще ужас.

На склад, что на Кутузовском, привезли последние новинки от Филлипса, я подивился, вроде бы эти новейшие технологии входят в санкционные списки, но еще Геращенко намекал, что у Мацанюка и в Швейцарии свои люди, покупают то, что нужно, а не то, что разрешено, а затем через подставные фирмы вывозят в Россию.

Я для своей лаборатории выдрал новейший компьютерный томограф Ц-34, его только-только в прошлом году начали выпускать в единичных пока экземплярах, во всей Швейцарии пока только два, а к нам только в этой поставке сразу три...

Автомобиль Ингрид остановился в сторонке, она величественно не вышла, а начала выходить, как умеют это только женщины: медленно выдвигая длиннющую ногу в элегантной туфле на высоком каблуке, но затем пошла в нашу сторону быстро и властно, типа королева-воительница.

Мои коллеги на складе оторопели и распахнули рты. Она одарила их величественно сияющей улыбкой и сказала воркующим голосом:

— Милый, давай я отвезу тебя сама?.. И все, что угодно, для тебя сделаю?

— А по дороге? — спросил я.

— И по дороге сделаю, — пообещала она. — Если удержишь руль.

— На этот раз удержу, — пообещал я.

— Смотри, — сказала она, — а то в прошлый раз ты мой «Феррари» всмятку...

Они так и остались с отвисшими челюстями, у кого-то из ослабевших ладоней посыпались коробки, но никто не обратил внимания, смотрят, как эта красотка уводит меня к своему элегантнейшему авто.

— Ну ты и даешь, — сказал я, когда мы уселись и захлопнули дверцы, — обо мне теперь такое начнут говорить...

— Мужчины о себе такие слухи обожают, — ответила она насмешливо. — И сами бензинчика в костер...

— Только для прикола, — ответил я. — А так мы серьезный народ. И стремимся к серьезности.

— Но основа у вас та же? — спросила она с намеком.

— Пока что, — ответил я. — Но мы ее первыми начнем заменять на небиологическую. И без всяких лишних деталей обойдемся, а кайф будем ловить от решения тензорных уравнений седьмого порядка. И созерцания сверхновых в бозонном свете!

— Фу, — сказала она с отвращением, — ты уже чудовище.

— Да, — согласился я с гордостью, — уже готов для перехода в сингуляры. Буду на тебя оттуда сверху смотреть и поплевывать...

— Что-о?

— Шучу-шучу, — заверил я. — На самом деле челюстно-лицевой аппарат вообще уберу за ненужностью. А питаться буду кварками.

Автомобиль красиво остановился у подъезда уже знакомого старинного дома. Ингрид замешкалась за рулем, а я вышел первым, обошел машину и от-

крыл для нее дверцу, что она приняла с царственной улыбкой, и я наконец догадался, что задержалась намеренно, давая мне возможность проявить свою доминантность.

Да и как-то не весьма, когда женщина в элегантнейшем платье открывает дверцу мужчине. Другое дело, когда в военной форме, тогда не женщина, как и человек тоже с большой натяжкой.

Мещерский отыскался в своем кабинете, высокий и аристократичный, все в том же безукоризненном английском костюме, аккуратно подстрижен и чисто выбрит, удлиненное лицо лорда полно величия, но строгий и высокомерный взгляд сразу потеплел, а голос прозвучал почти радушно:

— Ингрид, Владимир Алексеевич!.. Как же я рад вас видеть!

Однако в ясном четком голосе мне послышалось лязганье затвора, только Ингрид в ответ улыбнулась достаточно дружелюбно, красивое женское платье диктует стиль поведения.

— Вот, — сказала она. — Упирался, но я в рукопашке его завалила и приволокла...

— Не повредив?

— Малость помяла, — сообщила она. — Потому еще не совсем пришел в себя.

Мещерский протянул мне руку.

— Рад вас видеть, Владимир Алексеевич!.. Вижу, пребывание на юге на вас хорошо подействовало. Загорели, поправились, выправка...

Я ответил на рукопожатие, крепкое и уверенное, возразил с ходу:

— Только не выправка! Слышал, в Управлении прошлись с большим веником?

— И скребком, — подтвердил он. — Присядьте вот здесь... Капитан, вы тоже можете сесть. Разговор без всякого официоза, мы же вполне добрые знакомые.

Но голос его продолжал звучать так, словно он передергивает затвор перед выстрелом, а глаза снова стали холодными, как у рептилии. Хотя, возможно, я придираюсь, иначе он говорить уже не умеет, как и смотреть. Кто знает, как мы сами будем говорить и смотреть, когда начнем все дальше уходить от обезьяны, модернизируя свои тела.

Мы с Ингрид опустили в кресла, что не совсем кресла, само слово «кресло» подразумевает какой-то особенный комфорт, но у Мещерского это всего лишь одизайнеренные стулья, с жестким сиденьем и настраивающие всем видом на работу и только работу.

Он сел напротив, поинтересовался:

— Кофе?

Ингрид дисциплинированно промолчала, но я здесь не работаю, не подчинен, ответил легко:

— Если не разорит Управление. Как можно о чем-то говорить без кофе?

Мещерский кивнул, сказал деловым тоном:

— Я в курсе, что вы против работы у нас, такое предсказать нетрудно. Все брезгают общаться даже с милицией, хотя и понимают, что без нее на улицах царили бы разбой и хаос. А без тайных служб хаос был бы на всех уровнях.

Я ответил вежливо:

— Однако любое общество устроено так, что человек с высоким уровнем ай-кью занимается наукой, с невысоким — политикой, а с самым низким — подсобными работами и укладкой асфальта на дорогах.

Он кивнул.

— Кто спорит? Если нарушить эту систему, такое общество рухнет. Его тут же поглотят более четко структурированные соседи.

В кабинет вошла женщина в строгом деловом костюме, в руках поднос и три чашки кофе, а еще и широкое блюдо с горкой печенья. Это пусть на Западе пьют просто кофе, да еще без сахара, а мы не понимаем, как можно к нему приступить, если в другой руке нет тонкого ломтика хлеба с толстым куском сала, свисающего с обеих сторон почти до пола.

Печенье, понятно, уступка тлетворному влиянию Запада, хотя салу это совсем уж хилая замена, ну да ладно, будем европеизироваться постепенно, одновременно русифицируя Европу и какие-то страны и народы по ту сторону океана.

Ингрид, похоже, чуточку робеет под холодным взглядом Мещерского, а его безукоризненная выправка кадрового военного в десятом поколении производит на нее такое впечатление, словно видит самого генералиссимуса.

Мещерский поднял чашку, взглянул поверх нее на меня в упор.

— Вы не просто справились! Вы отразили и те угрозы, которых мы не ожидали.

— Просто повезло, — ответил я с той скромностью, что паче.

— Ваш потенциал недооценен, — произнес он. — Даже очень недооценен.

Ингрид встала язвительно, передо мной она точно не робеет:

— Это он на мышцах натренировался. Так он вообще герой.

— После вашего возвращения, — сказал Мещерский, — мы проверили вашу кандидатуру, начиная, как вы сами говорите, от сперматозоида, который оказался самым шустрым среди трехсот миллионов ему подобных. На сегодняшний день вам прочат прекрасное будущее как ученому, с чем мы вполне согласны, у вас для этого есть все данные... Однако мы решаемся предложить вам работу намного более важную.

Я сделал глоток, кофе изумительный, явно у короля Саудовской Аравии выкрали, хорошо разведка работает, приподнял в изумлении брови.

— Еще более важную, чем достижение бессмертия?

Он чуть наклонился вперед, всматриваясь в мое лицо.

— В мире три с половиной тысячи лабораторий, в которых работают над проблемой антиэйджинга!

— Точно, — согласился я. — Прекрасный кофе.

— А проблема антиэйджинга, — сказал он с нажимом, — как мы знаем тоже, плавно переходит в проблему достижения бессмертия. Заняты этим делом сотни тысяч прекрасных талантливых ученых.

— И что? — спросил я. — Чем нас больше, тем скорее решим проблему.

Он вздохнул.

— Вы правы. Но я не сказал еще о нашей работе.

— Слушаю. Хотя я уверен, моя работа все равно весомее.

— Ваша весомее, — согласился он, — а наша важнее. Позвольте, я расскажу о ней чуть подробнее...

Ингрид проронила с горечью:

— Может статься, что бессмертия никто не достигнет. Просто не успеет.

— Ого, — сказал я. — Это серьезно. Простите, серьезно в том смысле, что уже и до вас дошло... Не в простонародном смысле, а что такое понимание достигло ваших кабинетов.

Он всмотрелся в мое лицо.

— Вы знали?

— О глобальных рисках? — переспросил я. — Разумеется. Странно, что и вы узнали. Дело в самом деле настолько плохо?

— Беда в том, — сказал он, — что эти риски стремительно нарастают. Или разрастаются. Я уже не говорю о самом простом, что знают даже обыватели, что раньше в мире атомные бомбы были только в США и у России, а сейчас сто сорок стран имеют ядерное оружие, еще семьдесят или больше на грани его создания, а это значит, что только чудом террористы еще не бегают с атомными бомбами.

Ингрид подхрюкнула лъстиво:

— Все верно говорите, Аркадий Валентинович! Возможно, как раз сейчас устанавливают в доме напротив. Пол-Москвы снесет сразу, а вторую половину превратит в руины.

Мещерский кивнул с надлежащей благосклонностью.

— Верно, но это самое простое. Есть угрозы пострашнее. К примеру, как вы сами лучше меня знаете, модифицированный вирус может стереть с лица Земли все человечество...

Я пробормотал:

— О глобальных рисках я знаю. А вы что, решили их... предотвращать?

Он кивнул.

— Сейчас в западных странах развивается NanoBioInfoCogno, вы должны знать, что это. Толь-

ко в Штатах двадцать восемь мозговых центров анализируют сценарии развития хай-тека, а также биотехнологий. В первую очередь на предмет рисков катастроф.

Я поинтересовался:

— Россия обычно отстает... но не настолько же?

Он вздохнул.

— Вы правы, у нас есть такой центр. В отличие от Запада, где силы распылены по странам и даже континентам, у нас все собрано в одном месте.

— Преимущество нашей авторитарной системы, — сказал я. — Так что вас не устраивает?

Он помолчал, я чувствовал, что ему очень хочется скривить рожу, но воспитание не позволяет, и он произнес так же холодно и ровно:

— Там хорошие и ответственные люди. Даже хорошие ученые. Я как-то зашел на одно собрание и послушал, как бурно обсуждали парниковый эффект, который через пару сот лет может чем-то как-то навредить. Посмотрел в файле, над чем работают...

— И что же?

— Опасность падения огромного астероида, взрыв сверхновой звезды, что жестким излучением сотрет и все на Земле, сверхвспышка на Солнце, извержение сверхвулканов типа Йеллоунстоунского и множество вселенских катастроф, на которые мы никак повлиять не можем...

— Понял, — сказал я. — Так создайте второй Центр. И соберите в нем специалистов, которые займутся не тем, что грозит через сто лет, а сегодня-завтра. И которые необходимо успеть предотвратить.

Ингрид тяжело вздохнула. Мещерский проговорил медленно:

— Владимир Алексеевич, вы сказали именно то, что мы и хотим предложить вам.

В кабинет вошел с гигантским планшетом в руке второй аристократ, еще более джентльменистый, чем сам Мещерский, это значит, званием и положением ниже, безукоризненный от короткой прически до кончиков туфель коричневого цвета.

Мещерский кивнул в его сторону.

— Один из моих помощников, майор Бронник. Бронник Лаврентий Петрович!.. Не Павлович, не путайте, это его почему-то обижает... хотя никак не пойму почему.

Я не купился и не стал объяснять, почему, а сам Бронник лишь движением бровей выразил неудовольствие, лицо оставалось неподвижно внимательным и бесстрастным.

— Вас не представляю, — продолжал Мещерский, — он вас знает... по крайней мере имена. И то, во что мы хотим вас втянуть. Лаврентий Петрович... кстати, сядьте поближе.

Майор сел между Мещерским и мной, опустил на стол планшет, тонкий и гибкий, на экране сразу появился график.

Глава 3

Ингрид сидит тихая, как мышь, всего лишь капитан, но я доктор наук, это что-то типа тайного советника со звездой и лентой через плечо, так что благоговения не испытываю, что и правильно, наука превыше всего, а ученые — высшая раса.

Бронник произнес серьезным интеллигентным голосом:

— Самые лучшие умы должны быть в науке, это несомненно. Это гарантирует и выживаемость нашей цивилизации, и ее прогресс. Но сейчас сложилась уникальная ситуация...

Я спросил с интересом:

— Да ну? Лучшие умы должны быть в полиции?

Он покачал головой.

— Все обострилось. Правоохранительные структуры вынуждены бороться не с мелкими и даже крупными преступниками, как было всегда, но... и с самими учеными.

Я насторожился, сказал с прохладцей:

— Простите, мне как-то не нравится сам этот тон. И настрой. С наукой пусть борются попы, религиозные фанатики, террористы и всякие полупомешанные правозащитные бабки.

Мещерский сказал осторожно:

— Простите, вы не в курсе...

— Так введите, — ответил я сдержанно, — но предупреждаю, я — человек науки. Моя помощь была разовой. Ваше отношение к науке не разделяю.

— Помогли дважды, — подсказал Мещерский, — и оба раза просто неоценимо.

— Пусть дважды, — ответил я нехотя. — Но я не работаю у вас.

Бронник сказал со вздохом и терпеливостью:

— Позвольте мне. Всего сто лет тому вся наука была сосредоточена в Европе. Более того, в одной-единственной стране, Германии. Вам трудно поверить, но тогда Германия считалась страной ученых, Франция — моды, а Штаты — техников. В период между Первой и Второй мировыми войнами Штаты получили большой приток ученых из Европы, что бежали от призрака близкой войны,

потом еще больше ученых вывезли из разоренной Европы после Второй мировой... и что получилось? Да, два супергиганта с ядерным оружием. Но это тогда всего два. Сейчас же и ядерное оружие уже в ста двадцати странах, что, согласитесь, не придает миру стабильности, но еще более страшно, что научно-исследовательские центры, оснащенные по последнему слову техники, возникли буквально в каждой развитой и недоразвитой стране!

— Это же хорошо, — сказал я. — Сто ученых лучше, чем один, а сто тысяч лучше, чем тысяча.

Мещерский промолчал, а Бронник покачал головой, взгляд его не отпускал моего лица.

— Это в идеале. Но вот вы знаете ли, что делается за железным занавесом в Северной Корее?

Я вздохнул.

— Да что вам далась эта Северная Корея?

— Просто самый навязший в зубах пример, — согласился он. — Сейчас таких корей сотни по свету. С тысячами лабораторий, где то ли новую чуму создают, то ли серую слизь...

Я ощутил неприятный холодок во внутренностях. Бронник внимательно следил за моим лицом.

— Улавливаете?

— Да, — буркнул я.

— Сложилась ситуация, — пояснил он, — когда глобальные угрозы миру возникают сразу в сотне мест планеты. А чтобы бороться с ними, увы, уже недостаточно ни ЦРУ, ни ФБР, ни МИ-шесть. Во-первых, угроз слишком много. Во-вторых, они зачастую в закрытых государствах. Или в закрытых для посторонних зонах. А в-третьих, что самое неприятное, такие центры находятся под охраной самого правительства тех стран. Пусть не всегда

гласной, но как вы понимаете, правительство может обеспечить такую охрану, через которую никакое ЦРУ не переберется.

— КГБ бы перебралось, — буркнул я.

Он кивнул.

— Согласен, КГБ действовало решительно, ветераны ЦРУ и других разведок всегда им завидовали. Но сейчас КГБ нет, а ФСБ такая же бюрократическая структура, как и ЦРУ, ФБР, АНБ и прочие погрязшие в бумагах и взаимных интригах организации. Скажу честно, у нас нет адекватного ответа на быстро возникающие угрозы.

Мещерский вставил:

— Не России угрозы, Штатам или кому-то еще, а всему человечеству.

Я пробормотал:

— Кому вы говорите? Лучше вас знаю. И что... вы те ребята, что берутся противостоять глобальным угрозам? Не смешите.

Ингрид метнула на меня злой взгляд, я и сам ощутил, что перегнул, но к военным у меня инстинктивная неприязнь, пусть и в гражданских костюмах. Трудно выдавливать из себя это глупо-детское, когда пираты и разбойники — это хорошо и романтично, а стражи порядка — гады и приспешники кровавого режима.

Мещерский и Бронник переглянулись, вид у Бронника стал таким, что надо ли с ним спорить и переубеждать, яйцеголовые считают себя умнее всех на свете, к силовым структурам относятся так же, как писатели и грузчики, дескать, тупые громилы, душители свобод и те сволочи, что не разрешают орать на улице веселые песни в три часа ночи.

Бронник продолжил сдержанно:

— Есть глобальные угрозы, которые создает природа, например, землетрясение, цунами или бабахнет астероид... Да, там мы сделать ничего не можем. Но если угрозы создают люди, то... мы ведь тоже люди?

Я покачал головой.

— За всеми не набегаяешься. Все верно, совсем недавно страной науки считалась Германия. Но сейчас в одном Китае научно-исследовательских центров больше, чем в Германии, Франции... и вообще во всей Европе!.. Даже в Иране больше, чем в Германии и Франции, вместе взятых. И уровень исследований выше, чем в Германии, что совсем позор... И что вы можете сделать?

Он взглянул на меня с осторожностью во взгляде.

— Теперь могу сказать, сделать что-то можем. Есть идея насчет создания ГКЧП. По предотвращению глобальных рисков. Организация с чрезвычайными полномочиями. Подчеркиваю, чрезвычайными.

Мещерский кашлянул, сказал, словно извиняясь за коллегу званием ниже, чьи слова по молодости могут показаться бахвальством:

— Пока да. Потом, конечно, бюрократы постараются нам подрезать крылья.

— А мы не дадим, — добавил Бронник, я посмотрел на него чуточку иначе, сперва показался простой доской в заборе, которых не отличить одну от другой.

— Но когда это случится, — продолжил Мещерский, — мы можем показать себя во всей мощи. Понятно, в это отделение будем набирать людей экстра-класса, так что придется отбиваться от желающих...

Я кивнул.

— Намекаете, что кто не успел, тот опоздал? Уж простите, но за меня не витийствуйте. Я точно не пойду на улицу просить милостыню.

— Мы помним, — сказал он мягко, — что вы доктор наук и прекрасный специалист и, конечно, без работы не останетесь. Но здесь вы можете сделать больше!.. Для людей. Мы наблюдали, как вы, впервые участвуя в таких операциях... скажем прямо, далеких от научного поиска, сумели взять на себя лидерство, принимали решения на свой страх и риск и обе довели до конца. Часто вопреки тому, что вам говорили.

Я пробормотал:

— Польщен.

— В самом деле, — сказал Мещерский мягко, но твердо, — никто же не требует, чтобы вы оставили свою работу!.. Но в вашем Центре Мацанюка ее могут делать и другие. А здесь у нас вы пока первый. Можно с прописной.

Я работал с мышками, когда пришел вызов от Синтии. В сердце кольнуло, моя невеста уже не моя невеста, знаю, но все равно чувство потери и горечи где-то засело, как в капсуле, молчит, когда не вспоминаешь, а так всякий раз остается некий саднящий след.

— Да, Синтия, — ответил я.

Ее лицо появилось на головном экране, молодое и яркое, с туго натянутой кожей, ни намек на морщинки, глаза крупные и сияющие весельем и счастьем, что так нравится мужчинам и даже женщинам. Все любим людей довольных, что не будут грузить нас своими проблемами.

— Привет, — сказала она. — А-а, ты, как всегда, со своими мышами... Слушай, чего не сказал, что за-

теваешь такую грандиозную стройку?.. У нас такой ажиотаж!.. Говорят, ты поставил условие построить целый дворец за одни сутки?

— Есть такое, — согласился я. — Правда, не сказал насчет суток, я же не знаю ваши нормы, просто пожелал самые краткие сроки. А что, не укладываются?

Она мило наморщила нос.

— Говорят, уложатся. А чего вдруг решил ближе к природе? На тебя не похоже!

— Да ерунда, — ответил я с неловкостью. — Не к природе, а, напротив, к работе. И мышкам нужен простор. Перенесу клетки домой, устрою дорожку, чтобы из комнаты в комнату бегали, сердце и лапки тренировали. Хочу, чтобы мне и мышкам было удобно. У меня работа такая, могу и удаленно, зато уютно.

Она ахнула:

— Просто уютно? В полторы тысячи квадратных метров?

— Так у меня же могут остановиться друзья, — сказал я. — Чтоб было где расположиться и на ночь, купаться в бассейне, и в тренажерном зале...

— А зачем тебе два бильярдных зала?

— Не знаю, — ответил я. — Наверное, так в типовом проекте? Не задумывался. Правда, там эта, как ее... Валентина, такая черненькая с ушами, взялась доделать по моим замечаниям. И парни, тот лохматый и остальные...

Синтия сказала быстро:

— Давай я тогда возьмусь за твой проект двора и расположения сада!.. Я куда креативнее!

Я ощутил в ее голосе настойчивое желание выдрать из слабых рук Валентины проект дома, ответил с ноткой неловкости:

— Уже не могу. Она взялась за работу, так что это ее заботы.

— Ох, — повторила она, — она совсем не креативная...

— А я совсем не капризный, — ответил я, — и не привередливый. Как сделает, так сделает. Спасибо, что позвонила. Я ценю.

Она покачала головой, не отрывая от моего лица взгляда сияющих и таких прекрасно лучистых глаз.

— Жаль... не успела такой шикарный заказ перехватить!.. А как именно двор будешь благоустраивать? У тебя там такие угодья, с ума сойти...

— Да как-то буду, — ответил я и сказал поспешно, — эти же парни и предложили все сделать во дворе так же быстро. Построят гостевой домик, беседки, посадят деревья... Неважно, двор меня не интересует.

— Ой, — сказала она с упреком, — я бы тебе такой замечательный сад обустроила! Ты же знаешь, вкус у меня есть... И мои проекты всегда получали высшие баллы...

В ее голосе пряталось что-то еще, я ощутил, что моя воля начинает плавиться, как кусок сахара в горячей воде, скосил глаза в сторону и сказал поспешно:

— Ой, прости, спешно вызывают на самый верх. Что-то случилось, наверное...

— Беги, — сказала она и добавила вдогонку поощрительным голосом: — Звони.

За строительством коттеджа пришлось наблюдать удаленно, не люблю оставлять работу ради всякой ерунды, но все получилось даже лучше, чем ожидал.

В старину такие коттеджи строились по несколько лет, правда, тогда назывались именными

или усадьбами, потом их начали возводить за месяц-другой, а теперь на другой день после заказа привезли части уже собранного на заводе дома, за час составили в единое целое, еще два часа ушло на внутреннюю и внешнюю отделку, после чего торжественно вручили мне ключ.

Никакого строительного принтера, конкурирующие технологии то и дело вырываются вперед, бригады по дизайну участка тоже провозились не дольше рабочего дня. Деревья привезли уже взрослые, хоть и не старые, вкопали, полили, посыпали подкормку, чтобы ничто не засохло и даже не болело, сделали клумбы и проложили из брусчатки изящные дорожки.

Как простые и вечно запаздывающие в развитии люди не понимают, мелькнула мысль, квартирный вопрос уже давно потерял остроту, а большой дом нужен только для того, чтобы мои мышки были всегда под моим присмотром, и даже среди ночи смогу встать и полюбоваться на них, дать лакомство, погладить, сказать «ахбоземой» и почесать пузики.

В тот же день ближе к вечеру позвонила Катенька, я с наслаждением всмотрелся в ее сияющее счастьем лицо.

— Володя, — пропищала она сладеньким голоском, — мы с Андреем решили запланировать ребенка!

— Поздравляю...

— Потому перевели временный брак в официальный!

— Поздравляю еще раз, — сказал я с грустью. — Рад за тебя... и жалею всех, кто тебя нежно и преданно любит...

Она вспискнула:

— Володя, замолчи!.. Мне самой так неловко!.. Даже как-то нехорошо, как будто кого-то предаю. Но не могу же выйти за троих сразу?.. Хотя я не против, люблю мужчин, но мама у меня строгая, говорит, спать могу с кем угодно, а вот муж должен быть один!.. Не понимаю, почему так, но я ей верю, она такая правильная... И бабушка твердит то же самое!

Я сказал со вздохом:

— Мы всегда считаем себя умнее родителей, но потом оказывается, что они все-таки были правы... А ты, умница, уже понимаешь сразу.

— Когда вернешься с работы? — спросила она деловито. — Заскочу попрощаться.

— Сейчас могу, — ответил я поспешно. — А ты?

— Только через два часа.

— Записывай адрес, — сказал я. — Я теперь живу недалеко от нашего Центра.

— Хорошо, — щебетнула она счастливым голосом, — заодно поздравлю с новосельем!

Глава 4

Я поработал еще час, на завтра закажу грузовик — надо перевезти основную часть клеток с мышками в коттедж, заодно и кое-какую мелкую аппаратуру. Крупную Геращенко не отдаст, ею все пользуются, но я уже наметил вариант, как заказать кое-какие новинки медицинского хай-тека прямо на дом. Бизнесу все равно, кому продавать, лишь бы платили.

Со стены раздались гневные голоса, я не стал оглядываться, конфликты в моем виртуальном го-

родке возникают ничуть не реже, чем в жизни. В онлайновые я начал снова баймить, когда ввели возможность давать список заданий персу и программировать развитие его характера. Сегодня я велел ему накрафтить мебели в сад, накормить животных в загонах, вырубить лишний лес и отвезти товары в Гирарт, Зеленые Скалы и Город Молчаливых, а на обратном пути заглянуть на аукцион и попробовать сторговать сапоги высшего левла не дороже сотни голды.

А еще чтобы зашел к Крионтильде, поддержал отношения, но без занятий сексом, не хочу такое пропустить, а то вдруг сама захочет ускорить события, кто знает, насколько хитрее меня окажется интеллект моего перса...

Автомобильчик Катеньки, нарядный такой стильный «жучок», показался вдаль на дороге, у которой с обеих сторон пока что чистое поле, потом застроят коттеджами, я тут же велел воротам открыться, пусть издали видит, где именно ее ждут.

Она въехала осторожно, словно не веря, туда ли попала. Я вышел на крыльцо, автомобильчик остановился, а Катенька выбежала со счастливым визгом:

— Как у тебя красиво!.. Поздравляю!..

Совершенно не меркантильная душа, подумалось мне со щемом, чудо с распахнутыми глазами, чистейшее существо, что у нас за косный мир, такая радость не должна принадлежать только одному мужчине, пережиток диких времен, мы все еще питекантропы... А если и одному, то только мне.

Она с визгом бросилась на шею, радостная, что я такой богатый, но сразу же всмотрелась в меня и заявила обвиняюще:

— Ты даже выше ростом стал!.. И какой сильный... У тебя руки как не знаю что. Тьфу-тьфу, ты же выздоровел!

— Не сглазь, — предупредил я, — а то я такой чувствительный, что начну хиреть снова. Пойдем в дом, внутри тоже неплохо.

Внутри да, дизайнеры постарались, я только одну комнату, самую большую, велел не трогать, там сам завтра-послезавтра размещу медаппаратуру и своих родненьких мышек.

Переступив порог, она снова завизжала счастливо:

— Как у тебя красиво!.. Нет, прекрасно!.. Волшебное!.. Володенька, у тебя есть вкус!

— Еще бы, — ответил я и поцеловал ее в макушку. — Еще бы...

Этот ребенок ликует совершенно искренне, никакой зависти, совершенно не интересуется, сколько это стоит, живет как веселая птичка божья, как же все мы ее обожаем, такое счастливое и радостное существо...

Я торопливо расставил по столу тарелки, пока она плещется в роскошной ванной. Дизайнеры перемудрили, я такую не заказывал, хотя и не указывал, какую именно, просто на их усмотрение, единственное требование: никакой старины, только хай-тек, вот и отгрохали как сам коттедж, так и внутри сделали все по высшему классу, управление где жестами, а где и вовсе голосом.

Наконец она вышла, уже с сухими волосами, чистенькая, как рыбка в горном ручье, сказала чирикающим голоском:

— Как у тебя здорово... А это чем пахнет?

— Сперва попробуй, — сказал я. — Потому скажу.

Она поспешно побежала и села за стол, смешно потянула носом, улавливая запахи от тарелок.

— Даже пахнет необыкновенно вкусно!.. Нет, это не комплимент, ты же сам знаешь!.. Как ты это делаешь?

Я сказал благодушно:

— Вкусы любимого пета обязан знать каждый мужчина.

— Наверное, — предположила она страшным шепотом, — какой-то наркотик подмешиваешь? Ты же химик!

— Ломки нет? — поинтересовался я. — Значит, не наркотик, а что-то еще страшнее.

Она сладострастно чавкала, как ежик у блюдечка, закрывала от наслаждения глаза, потом испуганно распахивала во всю ширь, большие и обвиняющие.

— Дашь рецепт?.. Или пожадничаешь?

— Дам, — пообещал я. — Хотя я и жадина. Ничего, если в химических формулах?

Она не поняла, кивнула, счастливая, что не жал какую-то особенную рецептуру.

— Да как угодно!

— Хорошо, — сказал я, пряча усмешку.

На самом деле обед приготовил принтер, а лакомость достигнута просто: анализ крови Катеньки и особенности ее желудочно-кишечного тракта, с какой скоростью вырабатываются какие гормоны в ее тельце, о которых она не имеет понятия, но я знаю, и потому все так дивно лакомо и легко усваивается, даже если пища «тяжелая».

Когда-то домашние принтеры так и будут готовить пищу — с учетом особенностей организма хозяина, если, конечно, их отключить от всемирной

сети, а то начнут готовить только «здоровую пищу», как моя пятая колонна в виде туповатого кофейного аппарата, что по-прежнему требует подключения к сети, чтобы выполнять приказы госдепа, а не мои, хотя я его хозяин, глобалист чертов.

Она осталась у меня на ночь, и сколько я к ней ни присматривался, этот исполинский участок и громадный дом совершенно не изменили ее отношения, по-прежнему любит меня верно и нежно, ну такая вот замечательная, ее все любят и обожают, а она верно и преданно любит троих или четверых хороших и любящих ее мужчин, ну что за нелепая жизнь, когда приходится выбирать одного, это же точно огорчит остальных...

Утром раздался приглушенный, но требовательный сигнал вызова, я вывел на большой экран лицо Ингрид, собранная и деловая, глаза строгие, заявила с ходу:

— Собирайся. Нас ждут.

Я оглянулся на дверь ванной, Катенька снова убежала туда, там целый бассейн, хоть и не такой огромный, как во дворе, донесся ее счастливый визг, точно снова коснулась не того сенсора и получила струю воды с той стороны, откуда не ждала.

— Погоди-погоди, — сказал я чуточку ошарашенно. — Во-первых, я у вас не работаю, так что не надо вот это такое вот... Во-вторых, у меня свои причуды, как у человека творческого от науки. И мои мышшки без меня заскучают, что может отразиться на продолжительности их жизни и составе плазмы.

Она буркнула:

— Ты разве ядерщик?

— С чего... ах вот почему! Ингрид, плазма бывает еще и плазмой крови.

Она сказала сердито:

— Никогда не понимаю, когда говоришь серьезно.

— Я всегда серьезен!

— Где тебя встретить? — спросила она.

Я сказал сердито:

— А кто сказал, что я куда-то собираюсь?

— Через час у твоего мацанючного Центра, хорошо?.. Он там еще и ресторан прикупил, чтобы сотрудники обедать бегали, да?

— Все знаешь, — ответил я. — Вижу, контрразведка не спит, как и госдеп. Хорошо, поговорим потом.

Она сказала саркастически:

— А я думала, профессеры этим не увлекаются. Там в ванной у тебя две или три визгуши?

— Одна, — заверил я. — Но и одной бывает...

— Ты чего? — спросила она насмешливо. — Сейчас это не в тренде.

— Одна, — заверил я, — да и ту ты знаешь

— Маленькая женщина до старости щенок?

— Она, — ответил я, — хотя у нее старость никогда не наступит.

— Эй-эй, — сказала она, — не убивай ее так рано!.. В общем, через час, жду.

— Где?

— А где тебя еще можно перехватить? Возле въезда в комплекс Мацанюка. Хотя бы раз попался в ночном клубе.

Катенька вышла хохочущая, ванна у меня в самом деле может рассмешить наворотами, но сказала тут же рассудительно:

— Надеюсь, сегодня была удачная ночь для зачатия. Больше таблетки не принимаю, бабушка гово-

рит, пора заводить ребенка. Надо бы для перестраховки заехать к Игорю Твердиславовичу, он такой умный и красивый... Чем это пахнет на кухне?

— Сейчас проверим, — ответил я. — Заодно узнаем, может ли абсолютно здоровая пища быть абсолютно вкусной?

Спорткар Ингрид я заметил издали, в самом деле ждет, надо же, но все равно как-то не нравится, когда от меня ждет нечто не Ричард Стоунбридж, лауреат Нобелевской премии по нейрофизиологии и Глава медицинской корпорации биологических технологий, а чин из ГРУ.

Она вышла из машины навстречу, красивая, но строгая, сказала деловито:

— Машину оставь, отсюда не уведут, Мацанюк вас охраняет лучше, чем мы президентов, а я отвезу тебя к месту и введу под белые ручки.

— Куда введешь?

— В хоромы, — пообещала она. — Не царские, да и кому теперь те цари нужны? Разве что англичанам, все еще не понимают, как напыщенно смешны со своей королевой и ее титулами...

Домчала она быстро, а когда я переступил порог на этот раз не кабинета Мещерского, а небольшого зала на том же этаже, оставив ее в коридоре, в глазах зарябило от генеральских мундиров, больших золотых звезд на погонах, а еще исполненных величия лиц.

Зал небольшой, стулья в три ряда, это значит, всего пятнадцать человек, плюс Мещерский и Бронник за отдельным столом, еще один человек в строгом гражданском костюме от хорошего портного у стены, что превращена в огромный экран с помощью составленных воедино дисплеев.

Мещерский молча указал мне на свободное место в переднем ряду с краю. Ощущение такое, что просчитали мои реакции, или Ингрид клятвенно заверила руководство, что приведет, как бычка на веревочке.

Я осторожно сел, в самом деле в зале чувствует-ся аура власти. Это не первые лица страны, но по их рекомендациям огромные армии снимаются с места, корабли выходят в патрулирование берегов Америки, а подводные лодки берут на ракетно-ядерный прицел Вашингтон, Брюссель и Нью-Йорк.

Докладчик очень сдержанно рассказывал об американских базах, что окружили Россию со всех сторон, и хотя после йеменского конфликта оттуда вывезли все наступательное оружие и демонтировали ПВО, но военные специалисты остались, и чем они там занимаются в обстановке, что стала еще более секретной, нам пока неясно...

— Есть предположение, — закончил он, — что туда вынесены лаборатории, работа в которых на территории Штатов запрещена. А на этих базах эксперименты продолжаются.

Один из генералов из переднего ряда сказал веско:

— С вашего позволения, это не предположения, а факт. А предположение, что там уже могли наладить производство чего-то нехорошего. Начиная от нового вида наркотиков, заканчивая мощным и опасным оружием. А так как эти рядом с нашими границами, то не надо объяснять, против кого направлено.

Мещерский, как вижу, сам для себя делает пометки на планшете, хотя, конечно, все пишется вон камерами, а потом аналитики будут не только слушать, но и смотреть, кто в зале как реагировал и что кому говорил.

Когда обсуждение начало не то что заходить в тупик, но начали повторяться, Мещерский поднялся, сказал внушающим голосом:

— Кстати, мы пригласили на обсуждение эксперта по вопросам безопасности. Профессор Лавронов Владимир Алексеевич, доктор наук, автор многих работ мирового уровня. Ряд товарищей пытается перетащить профессора Лавронова на работу непосредственно в наше ведомство... Владимир Алексеевич, хотелось бы услышать ваше мнение по поводу услышанного!

Я по взмаху его царственной длани поднялся, все-таки чувствую себя малость не в своей тарелке, сколько бы ни твердил себе, что я без пяти минут сингуляр и должен на военных смотреть, как высокоорганизованная овца на трилобитов.

— Простите мою неловкость, — сказал я, — но таких профессоров у нас в исследовательском центре на каждом шагу на рупь кучка. Лаборантов меньше. Да и нужнее они, как иногда кажется. Я слушал внимательно, скажу сразу, что идея насчет создания более мобильного Центра даже запоздала, настолько она нужна. Это я как эксперт, хотя эксперт из меня неважный...

Лица в зале заметно подобрели, что и понятно — все доминанты, а я сразу в позу чемоданчика, выдавая субдоминантность, так что слушать будут без инстинктивного отторжения.

Мещерский сказал настойчиво:

— Владимир Алексеевич, хотелось бы выслушать ваши предложения.

— Увы, — ответил я. — Сейчас главная угроза — вовсе не теракты. Во всяком случае, не то, что вы имеете в виду под терактами. Сейчас очень быстро растут глобальные риски другого порядка.

Он посмотрел на меня пристально.

— Да, мы знаем. Распространение ядерных технологий, опасность химического оружия...

Я покачал головой.

— Как ни странно вам это услышать, но это самые безобидные.

Один из генералов в переднем ряду, толстый и с такой красной мордой, что вот-вот лопнет, сказал негодуя:

— Безобидные?

— Ядерное оружие, — напомнил я, — раньше было только в Штатах и России, а теперь в ста сорока странах, как вы наверняка знаете. К тому же технологии изготовления упрощаются и удешевляются, так что да, ими могут завладеть и страны с непрочными режимами, а оттуда попасть к террористам. Однако изготовить даже простейший атомный заряд все еще дорого и непросто.

Мещерский поинтересовался:

— Продолжайте. Хотите предложить более тщательный контроль над распространением?

Я покачал головой.

— Это было бы слишком мелко и на уровне прошлого века. Говорят, военные всегда готовятся к прошлой войне?.. Генерал, как ваше великолепное и оснащенное новейшими ракетами ПВО собьет модифицированный вирус гриппа, что пересекает границу с воздушными потоками, ветрами?..

Он поморщился.

— Вирус гриппа?.. А при чем здесь...

— Сейчас, — объяснил я, — вошло в моду покупать генномодифицированных собак. В Китае это дело поставили на поток. Сперва там вырезали ген, что останавливает наращивание мышечной мас-

сы, собаки вырастают вдвое крупнее, мускулистее, крепче и даже здоровее, сейчас начали модифицировать и слух, нюх, чтобы лучше находили наркотики и взрывчатку... Хорошо? Безусловно. Но модифицировать простейший вирус и сделать его смертельным намного проще, чем отыскать ген в таком сложном организме, как собачий!.. Сейчас это делают в научно-исследовательском центре, завтра — в районных поликлиниках, а через полгода смогут дома на коленке.

Остальные слушают внимательно, кое-кто двигает пальцами по поверхности экранов планшетов, я даже вижу, какие указания дают помощникам и своим штабам, но генерал набычился, проговорил тяжелым голосом:

— Хотите сказать, паршивый вирус можно изготовить вот так просто?

— В подвале на коленке, — заверил я, — запросто. Смертоносный! Для этого нужно взять, к примеру, вирус гриппа и заменить один-единственный ген, что сделает его смертельным!

Мещерский сказал с недоверием:

— Но насколько это реально?

— Даже слишком, — сказал я. — Никто этого пока что не сделал лишь потому, что не умели. Сейчас умеют. Повторяю, для этого не требуется дорогостоящее оборудование, как для изготовления ядерного заряда. Нужно только научиться вырезать определенный ген... И заменять его другим! Раньше не умел никто, сегодня умеют три-четыре человека в мире, а через месяц таких умельцев будет несколько тысяч!.. Инструкция, как это делать любителям дома, появится в Интернете, а в магазинах будут пользоваться спросом наборы «Сделай сам червяка».

Через полгода изготовленных дома вирусов будут миллионы. И кто-то из таких любителей домашнего творчества обязательно... вы же понимаете...

Мещерский потемнел лицом.

— Дураков много. Даже ученых. Кому жизнь стала не мила, кого-то жена бросила...

Еще один из генералов, старый, седовласый и очень важный, пробормотал с неудовольствием:

— Насколько это... опасно на самом деле? Атомную бомбу создали и даже применили семьдесят пять лет назад! И ничего, никто уже не дрожит от ужаса. Так и с вирусами...

— Генерал, — сказал я, — атомная бомба с того времени так и не подешевела. Ну, заметно. На расшифровку генома человека потратили десять лет и шесть миллиардов долларов. Сейчас за тысячу долларов можете заказать расшифровку собственного генома, сделают это вам за три дня. С атомной бомбой, к счастью, такого прогресса не было, иначе вся планета была бы уничтожена. Предполагается, что к концу этого года расшифровка генокода будет стоить сто долларов, а в следующем году эту работу возьмет на себя ваш мобильник.

Он громко фыркнул.

— И что?

— Опасность в том, — сказал я терпеливо, — что для редактирования вирусов не требуется даже медицинского образования. Да-да, скачал пару статей из инета — и можешь играть в бога в домашней мастерской, что обошлась в месячную зарплату рядового инженера. И вирус в ней можно создать такой, что уничтожит все человечество!

В общем, чтобы не отнимать ваше высокое внимание и лишнее время, я предлагаю подумать

над созданием некой структуры, вы уж сами подумайте, что и какая будет, которая занималась бы отслеживанием глобальных катастроф... именно глобальных и именно рукотворных!.. и пресекала бы их в корне.

Генерал поинтересовался мрачно:

— Атомное оружие, вирусы... а что еще?.. Если уж глобальных?

Я невесело улыбнулся.

— Генерал, я вам испорчу день, если перечислю все.

— Тогда хотя бы десяток, — сказал он почти враждебно.

— Ловите, — сказал я. — Первое — биопринтеры, которые уже появились в продаже, но пока еще делают первые шаги. Они дешевы и будут дешеветь еще. Будут в каждом доме и в каждой квартире. Контроля за ними нет, согласны?.. Можно делать любой смертоносный вирус, а для туповатых в инете уже есть тысячи инструкций, как сделать смертельный вирус легко и просто. Да-да, по инструкции вирус испанки может сделать любой школьник. Уже не говорю, что с помощью биопринтеров можно создавать мощнейшие наркотики, от которых излечиться невозможно...

Рядом с генералом Кременевым вскочил другой, сухощавый, с желтым желчным лицом.

— Это все только от биопринтера?.. Я же говорил, сперва изобретаем, а потом думаем, что изобрели!.. Погодите-погодите перечислять! Скажите, что у нас делается, чтобы... предотвратить опасность хотя бы от этих биопринтеров?

— Ничего, — ответил я хладнокровно. — Но, как догадываюсь, наконец-то собрались, чтобы что-то?

Глава 5

Мещерский медленно кивнул, взгляд его постоянно шарит по лицам в комнате, изучает, анализирует, и, надеюсь, какие-то выводы этот полковник, что собирает на совещание в свой кабинет генералов, делает.

— Самое же главное, — сказал я, — люди, к сожалению, очень редко подвижны умом. Даже умные. Настолько редко, что даже удивительно, как крохотнейшей прослойке ученых удастся тащить всю эту неподъемную массу к прогрессу. Генерал, вы же знаете, на свете полно как отдельных умников, так и целых групп, которые хотели бы покончить с человечеством! Аум Сенрикё нашумел то ли благодаря газетчикам, то ли красивому имени, но на самом деле таких групп до черта! А еще больше всякого рода религиозных фанатиков, которые жаждут попасть в рай, те же свидетели Иеговы, что с нетерпением ждут конца света...

Генерал сказал недовольно:

— Свидетели Иеговы ждут, но убивать человечество не станут!

— Хорошо-хорошо, — сказал я, — а как насчет «Движение за добровольное вымирание человечества»? Они считают человечество раковой опухолью на теле планеты и готовы его уничтожить, только у них пока такой возможности нет. А чего стоят неолуддиты? Их вожак Теодор Качинский рассылал по почте бомбы ведущим ученым. Трое погибли, десятки покалечены... Погуглите, если кто не в курсе. Да ладно, а сколько людей, которым настолько осточертела жизнь, что готовы покончить с нею не только для себя? А сколько тех, кто берет

автомат и выходит расстреливать людей на улице или в кафе, стараясь убить как можно больше? Думаете, такой не рванул бы супербомбу?

Мещерский сказал тяжелым голосом:

— Да, геростраты есть и всегда будут. Я предположку принимаю, как, думаю, и остальные.

— К примеру, — сказал я, — сейчас начинается криптовойна, что может быть намного опаснее ядерной. Внезапные анонимные удары, когда непонятно кто ударил, и хуже того, иногда даже пораженная ударом страна даже не подозревает, что удар ей уже нанесли!

— Однако, — начал было генерал, — это же очевидно...

— Уже нет, — ответил я. — Когда в мире больше двух игроков, удар останется безнаказанным. Сейчас такое могут совершить Штаты, Россия, Китай, Иран, Израиль... а завтра еще десяток стран, а через полгода не государства, а отдельные группы будут бить так, что рухнет мировая экономика и начнется хаос.

Мещерский сказал в растерянности, которая показалась мне подчеркнутой:

— Но тогда может начаться война всех против всех!

Они помолчали, я сказал с тяжелым сердцем:

— Отвратительно такое говорить, но мы идем ко всеобщему контролю. Неизбежному. Но я сейчас о другом. У нас есть ООН, однако эта всемирная организация неповоротлива и неэффективна. МАГАТЭ... работает чуть лучше, но все же в руках бюрократии. Мирового правительства у нас пока еще нет, хотя, понятно, скоро к нему придем. Остаются только спецслужбы...

Мещерский проговорил невесело:

— Мы как раз и пришли к этому выводу. Однако спецслужбы служат только своему правительству, а вы предлагаете создать некий отдел, что занимался бы межправительственными...

— Надправительственными, — уточнил я. — Это важно, когда не между, а над. Это значит, в интересах всех правительств! Правда, другая беда, будет немалая путаница национальных и общечеловеческих ценностей. Кроме того, конкуренция спасателей...

Генерал, набычившись, рассматривал меня с недоверием и озлобленностью.

— И вы хотите возглавить такой важный отдел? Я сдвинул плечи.

— Ради бога, возглавьте вы!.. А я вернусь к своей спокойной работе. Думаете, рвусь сюда к вам разгребать дерьмо?..

Мещерский похлопал по столу.

— Тихо-тихо!.. Новому всегда труднее пробивать дорогу, а возражениями можно потопить все, что угодно. Давайте закругляться. Проблему мы, как мне показалось, все поняли. Владимир Алексеевич, у вас есть что сказать в заключение?

— Главная беда, — сказал я настойчиво, — новое оружие, в отличие от атомного, стремительно дешевеет. И находится в частных руках. А это значит, что вот прямо сейчас в десятке стран создается оружие массового поражения... и далеко не всегда правительство это знает!

Генерал спросил резко:

— А что мы можем?

— Задачу можно разбить на несколько этапов, — сказал я. — Первый — принять строжайшие законы

на межправительственном уровне. Второй — самим мониторить ситуацию...

Он продолжал смотреть на меня неотрывно.

— И что? Вы сказали, в некоторых азиатских странах законодательство намного либеральнее. Вон в Китае, кроме собак, разрешено модифицировать... еще и свиней?

— И людей тоже, — уточнил я. — Да, уже приступили. У нас пока запрещено. Как и везде в Европе и Штатах. Может, пора перестать нам быть Европой, а стать Россией?

— И что делать в таких случаях? Я имею в виду, вот здесь нам?

Он смотрел исподлбья, недобро, я ответил таким же взглядом и подчеркнуто ровно и без эмоций сказал:

— Интересы государства... да что там государства, на кону существование человечества!.. Я думаю, генерал, даже такой либерал, как я, скажет о допустимости любых средств, чтобы остановить угрозу. Любых.

Он смотрел тяжелым гнетущим взглядом, затем в его лице что-то изменилось. Похоже, видел во мне обычного крикливого алармиста с их вечным «О боже, мы все умрем!», а сейчас я показал себя с другой стороны, а я сам знаю, что с другой я совсем не тот человек, что вижу постоянно в зеркале.

Он посмотрел на председательствующего Мещерского.

— У меня предложение. Принять во внимание выступление господина... господина...

— Товарища Лавронова, — подсказал я, сделав ударение на первом слове.

Он произнес чуть благосклоннее:

— Товарища Лавронова. Пусть наши эксперты поработают. Но не так, как обычно, а в самые сжатые сроки. Хорошо бы госпо... товарища Лавронова почаще привлекать в качестве эксперта и консультанта.

Я перехватил удивленный взгляд Мещерского. Похоже, я своей заменой «господин» на «товарищ» снискал симпатию этого динозавра, не просто заставшего расцвет СССР, но и занимавшего уже тогда высокие посты.

Вообще-то, я не покривил душой, мне «товарищ» и в самом деле нравится больше, чем «господин». Хочется видеть вокруг товарищей, а не грызущихся господ, само слово «господин» все-таки поганое, унижающее, никто для меня не господин, мать вашу.

Мещерский взглянул на часы, поднялся, все разговоры затихли.

— Заседание окончено, — произнес он веско. — Всем надлежит в трехдневный срок подготовить рекомендации. На их основе будет принято окончательное решение.

Он вышел через боковую дверь, остальные начали неспешно подниматься, тяжелые и солидные, осознающие свой вес и значение. Даже те, кто сохранил сухощавость фигуры, двигаются с царственной медлительностью, это как бы признак ума, а кто суетится, тот неумный и малозначащий человек.

Я вышел последним, генералы продолжают переговариваться друг с другом, на меня внимания не обращают, я человек из другого мира, военные к ученым традиционно относятся свысока, ведь и всякий футбольный фанат уверен, что он умнее всех профессоров в мире.

Ингрид ждала в конце коридора, молча пошла рядом, я молчал, она в нетерпении ткнула локтем.

— Ну?

— Чего? — ответил я вяло. — Поговорили.

— О чем? Если это не государственная тайна.

Я сдвинул плечами.

— О крайне новых и важных вещах. Оказывается, ты даже не представляешь, Волга впадает в Каспийское море, а лошади кушают овес и сено!

Она сказала строго:

— Не утрируй. Ты зря их представляешь некой темной силой царизма. В основном это всесторонне образованные и умнейшие люди. И в данном случае не стали ничего сами решать, а обратились, чтобы исключить клановую заинтересованность, к гигантам мирового уровня.

— Что, — спросил я, — к Бострому?

Она покачала головой.

— На том же уровне наши Турчин и Никонов. Теперь даже я знаю, что их фундаментальные труды о рисках глобальных катастроф высоко ценятся специалистами. К сожалению, а может, и к счастью, простой народ интересуется, кто из звезд с кем спит и сколько голов забили во вчерашнем матче, но в нашем руководстве, как я уже сказала, настоящие профессионалы. Они наверняка приняли решение снова собраться уже для прорабатывания неких предварительных мер.

Я сказал с досадой:

— Опять «неких», «предварительных»...

— Не гони лошадей, — сказала она сердито. — И коней тоже не гони. По-видимому, будет создана некая новая структура. Со штатом, финансированием, полномочиями... Развернется борьба за места, влияние, допуски... вообще за все. Будут втягивать своих людей, добиваться привилегий... В общем,

нормальная в демократическом обществе подковерная борьба за лакомый кусок. Это не ваше академично-сталинское «сказал-сделал!»

С крыльца я посмотрел на заходящее солнце — красное, как морда того генерала, уже опускается за край земли, а над самым горизонтом блеснула первая звездочка, чуть поменьше, чем на генеральских погонах.

— Давай, — сказал я капризно, — вези меня домой. Нежно!

Она посмотрела с интересом.

— А свою машину бросишь?

— А вдруг ее уже эвакуатор увез? — предположил я. — Никогда так долго не заседал!

— Разве это долго?

— Это украденное у мировой науки время, — заявил я возвышенно. — Чем компенсировать?

— Бог подаст, — ответила она. — Пошли!

Ее автомобиль распахнул обе дверцы, Ингрид быстро села за руль, взглядом велела мне пристегнуться, мужчинам все еще надо напоминать правило, которое первыми освоили трусливые женщины.

— Как-то не так я все представлял, — сказал я.

Она вырулила на дорогу, мимо понеслись ларьки и фигурные столбы, ответила, не поворачивая головы:

— Все, что происходило и говорилось, пишется на десяток камер. Потом сведут воедино, а те, кто будет определять судьбу проекта, просмотрят очень тщательно в тиши своих кабинетов.

— Ага, — сказал я, — значит, те, кто трепал языком на этом сборище, еще не фигуры?

— Фигуры, — ответила она терпеливо. — Именно потому и должны быть постоянно на виду. Ты знаешь, что все правители должны быть на виду все двадцать

четыре часа?.. Когда однажды Ленин исчез на сутки, в молодой России чуть переворот не случился, а он всего лишь к любовнице заскочил!.. Сталин вообще никуда не ездил, постоянно в Кремле, за Хрущевым и вообще за всеми видными лицами постоянно таскался хвост, а у их спален дежурили особые люди...

— Знаю, — ответил я. — За всеми президентами следят свои же, чтобы не предали страну. Ладно, пусть анализируют, лишь бы не утопили в ворохе заседаний.

— Не утопят, — заверила она. — Это ГРУ, здесь привыкли к быстрым решениям.

— А генералы?

— Это гости. Нужные. Они тоже возглавляют отделы ГРУ, но уже в армии. Так что все пойдет быстро... А-а, вон твой автомобиль! И никто не увез.

— Жалко, — буркнул я. — А то пришлось бы тебе везти меня домой и, поддерживая мое усталое тело, укладывать в постельку.

— Ага, еще и чесать!

— Это обязательно...

— Мечтай, мечтай!.. Ночью приснюсь, но ты не слишком усердствуй, а то у меня синяки останутся.

Мой внедорожник тут же распахнул дверцу только слева, для женщины ревниво не открыл.

Ингрид дождалась, когда сяду за руль, царственно улыбнулась. Ее автомобильчик тут же сорвался с места и унесся, как праздничная ракета.

Глава 6

Люди оптимисты, без этого бы не выжили, и я, почти позабыв о глобальных рисках, в новом доме страстно занимался отработыванием методов CRISPR.

Это не только новая стратегия точной модификации человека с использованием редактирования генома, но и возможность легкого и недорогого редактирования любой генетической информации. Но гладко на бумаге, но забыли про овраги, я еще с первых попыток понял, что иду по минному полю.

Чтобы оптимизировать редактирование, нужно потратить годы, это я усвоил, однако теперь появилась надежда продвинуться быстрее. Все мы такие эксперименты проводим по старинке, почти что методом тыка, но сейчас я со своими возможностями могу такие эксперименты проводить в виртуальном пространстве, что дает ускорение в тысячи раз, а для реального оставить только проверку на живом материале, тех же моих мышках.

Теперь на высокоскоростном хай-теке не экономлю, лицо Ингрид возникло на экране во всю стену, глаза и без того круглые, распахнулись шире.

— Ого! Это где ты?

— Дома, — ответил я.

— Ты что, в самом деле женился на миллионерше?

Я ответил скромно:

— Могу только на миллиардерше. Так как я сам весьма как бы миллионер... Или на Золушке.

Она сказала пораженно:

— Так это все-таки ты тогда спер гранд в двенадцать миллионов долларов? А как сумел подставить бедного Медведева!

— Точно, — согласился я. — Только никому не говори, я тебе отстегну на мороженое.

— На два, — велела она. — Больших!.. С орехами. Новости интересуют?

— Давай, — сказал я. — За кого Аня Межелайтис собирается выйти замуж?

Она переспросила:

— Кто-кто?.. Это кто-то из ваших? Не знаю такую. Сейчас прорабатывается в строжайшей тайне создание Комитета по Предотвращению Глобальных Катастроф. Предполагается, что в наше нестабильное время он будет наделен чрезвычайными полномочиями, о которых распространяться нельзя нигде и никому. Родным тоже. Все понял?

— Кроме самой малости, — сказал я. — Ты что, допущена?

Она наморщила нос, но получилось неважно, хорошо морщить только курносенькие, а не такие рубильники.

— Нет, сам знаешь.

— Тогда...

Она фыркнула.

— Я вроде связная. У нас с тобой получилось дважды, потому не хотят ломать налаженное.

— Это у нас налаженное?.. И вообще, что они имеют в виду, что получилось дважды?.. Я думал, только раз... Или в самом деле дважды? Блин, за нами в самом деле наблюдают так плотно?

— Ты какой-то подозрительный, вечно тебе не то слышится.

— А что должно?

Она ответила серьезным голосом, не реагируя на провокации:

— Они имеют в виду убалтывание Стельмаха и операция по освобождению заложницы.

Я двинул плечами.

— Ладно, у них свои причуды. Чрезвычайные полномочия выколачивают, чтобы действовать без

указания сверху, или нет? Без такой сладкой бюрократии и долгого согласования с какого края стола положить бумажку?

— С ходуловишь, — сказала она поощряюще. — Как собака муху. Что значит профессор... А ты в самом деле он самый? Настоящий?

— Ты же щупала, — напомнил я. — Значит, главным был вопрос сферы действия. Пункт преткновения в том, что наша страна в силу отсталости... ладно-ладно, в силу твердых авторитарных законов как бы вне опасности... Действовать придется за кордоном, вся зараза идет оттуда. А это не совсем, хотя ГРУ действует, но мы делаем вид, что вообще никакого ГРУ не существует. Так?

Она посмотрела с вызовом.

— А что тебя тревожит?

— А ты как думаешь?

Она поколебалась, ответила нехотя:

— Сам знаешь. Мещерский сказал, согласовывать по дипломатическим каналам такое просто ну никак. Да и всяк пожелает сам решать свои собственные проблемы. Тем более что ряд стран покровительствует таким работам, знаешь ведь?

— Еще бы.

Она вздохнула, на лицо набежала легкая тень.

— Простой обыватель знает только, что в Ираке велись работы по созданию атомного оружия, но Израиль разбомбил, в Китае, к примеру, на законодательном уровне разрешены работы по генной модификации человеческого эмбриона, что запрещены во всей Европе, США и даже в России!.. В общем, завтра-послезавтра решение будет принято. Будь готов прибыть сразу же, дело очень серьезное.

Она смотрит со стены строго и требовательно, я хотел ответить, что в своей лаборатории тоже не пирожки из песка леплю, но ощутил, что на этот раз прозвучит неубедительно. Моя работа важнее, безусловно, однако трудно работать над геномом, если в доме вспыхнет пожар, а он уже разгорается в разных уголках планеты.

— Хорошо, — ответил я серьезно. — как только, так сразу!

— До завтра, — сказала она. — Буржуй недорезанный.

Экран погас, я некоторое время еще смотрел на его зеркальную поверхность, думая над тем, что даже Ингрид не знает, не говоря уже о Мещерском, что не просто подхожу больше, чем многие из его людей, а просто необыкновенно подхожу, потому что могу мониторить все разработки по всему миру.

От меня на некоторое время могут ускользнуть разве что самые скрытые, в каких-то подземных бункерах на большой глубине, куда не достанут никакие особые бомбы, где все компьютеры и все-все не имеют выхода на поверхность...

...но этим людям нужно чем-то питаться, они должны получать материалы, а такое удастся отследить по логистике, доставляемым грузам...

Более того, можно просмотреть базы ученых и вычислить, какие группы исчезли из поля зрения, над чем работали до исчезновения...

— Посмотрим, — пробормотал я, — что могу сделать для этого, как его, человечества...

— Которого восемь миллиардов, — сказала она. Я сказал злобно:

— Ага, уже и ты видишь, что их многовато?

— Мы тоже они, — ответила она.

Как и обещала, она позвонила на другой день ближе к полудню. Решение в целом принято, я должен все бросить и мчаться со всех ног, а там она встретит и проведет, так как у меня все еще нет пропуска.

— Не лопни, — посоветовал я, — какая гордыня, пропуск у нее, видите ли...

— Завидовать нехорошо, — сообщила она. — Жду. Звякни, когда свернешь с трассы.

В кабинете Мещерского рядом со столом расположился в кресле тот самый красномордый генерал, на коленях исполинский планшет, но едва я вошел, тут же закрыл, бросив на меня взгляд, переполненный подозрением, словно у меня на груди бодро болтается табличка с надписью «Агент Госдепа».

Мещерский кивнул мне и указал на свободное кресло.

— Владимир Алексеевич, — сказал он с подъемом. — Дело сдвинулось с мертвой точки. Хотя вообще-то оно и не стояло, у нас все решается быстро... В общем, формирование особого отдела — дело решенное.

— Отдел по ликвидации глобальных катастроф? — уточнил я.

Он кивнул.

— Да, хотя он и называется отделом по рассмотрению. Рассмотрению этих самых глобальных. Но вообще-то в его функции будет входить именно ликвидация. Это само собой разумеется, но во всем мире избегают таких вот откровенных названий.

— Человечество изолгалось, — заметил я. — Избредалось.

— Ложь создала общество и культуру, — напомнил он. — В общем, кораблю быть!.. На рассмотрении у нас было четыре кандидатуры...

— Маловато, — сказал я. — Отдел мог бы быть и больше.

Он усмехнулся, посмотрел на генерала. Тот пробасил раздраженно:

— Четыре кандидатуры на должность руководителя!

Мещерский добавил:

— В конце концов сошлись на вас, дорогой наш профессор. Нам рекомендовали на должность руководителя проекта пригласить вас.

Я дернулся.

— Какого руководителя? Речь шла о советнике или, на худой конец, консультанте! Вот так и предложи что-то нужное. Все-таки я ученый, а не военный!

Генерал сказал с неохотой:

— Да, лучше бы это поручить военному, но руководство решило, что это больше научный проект, хоть и связанный с проблемами безопасности. Поэтому во главе должен стоять ученый.

Я возразил:

— Простите, но я с ходу назову два десятка ученых мирового уровня, перед которыми я как муравей перед слонами!.. Пригласите их.

— Вы серьезно? — спросил Мещерский.

— Абсолютно, — заверил я.

Они переглянулись, Мещерский сказал с доброжелательной ноткой:

— Уже то, что вы совершенно искренне отказываетесь, а вашу искренность подтверждают десятки датчиков, мониторящие ваше состояние, уже говорит в вашу пользу. Вы не карьерист, не выскочка...

— Ну спасибо, — сказал я саркастически.

Он кивнул с невозмутимым видом.

— Пожалуйста. А еще у нас очень любопытная характеристика на вас из мест... из очень турбулентных мест.

— От кого? — спросил я настороженно.

Он ответил с насмешкой:

— От целого ряда лиц. И все характеризуют вас с несколько неожиданной стороны.

Генерал при этих словах недовольно хрюкнул, перебил Мещерского:

— Я сказал бы, что они дают вам слишком завышенную оценку, но эти люди точно не могли сговориться, так как находятся, скажем уклончиво, по разным сторонам баррикад. Скажу честно, я был против вашей кандидатуры, но именно их оценка несколько изменила мою точку зрения.

Мещерский сказал с широкой улыбкой:

— Не отказывайтесь, Владимир Алексеевич!.. Вы не представляете, какие были соискатели этой должности! Но вы подходите и как ученый с широчайшим кругозором... и как человек, который может действовать очень активно.

Генерал смотрел на меня с новым интересом.

— Да, — подтвердил он. — В интересах государства.

Я понял, что он хотел сказать, и даже то, от кого услышал эту фразу и почему именно повторил. Генерал, сторонник жестких мер, с первой встречи заподозрил меня в мягкости, не понимает, что ученые смотрят на мир совсем не так, как писатели и артисты, из которых и получают всякие там правозащитники. Мы реалисты, если для спасения тысячи нужно убить одного, убьем, а не будем заламывать руки и кричать в слезах, что это негуманно.

Я вспомнил, как Ингрид несколько раз обвиняла меня в жестокости, все-таки женщина, а генерал, прочитав внимательно эти отчеты, понял, что я действовал очень рационально, хотя такое поведение пока что находится вне правового поля современных норм.

— Тогда разграничим полномочия, — предложил я. — Мы будем мониторить ситуацию насчет глобальных рисков по всему миру. Если какие-то можно решить дипломатическими путями, тут же передаем наверх.

Мещерский спросил негромко:

— А если дипломатическими нельзя?

— Нужно все равно действовать, — ответил я зло. — В случае, если угроза близка, то я бы советовал как можно быстрее посылать спецов. В зависимости от размера угрозы это могут быть спецагенты, спецгруппы, спецотряды и даже спецвойска.

Генерал довольно крикнул.

— Я боялся, что не скажете. Вижу, характеристику из горячих мест вам дали не с потолка. Умеете принимать быстрые решения. Я буду пробивать, или, как теперь говорят, лоббировать как можно большую вашу независимость от других отделов и проверяющих органов.

Я сказал хмуро:

— Отдел должен быть не просто с большой независимостью, а... с предельной! Если, к примеру, вирус разрабатывают где-то в Бангладеш, мы должны иметь возможность немедленно послать туда человека! Без запросов и согласований, чтобы не опоздать. И никому не отчитываться, как именно угрозу устранили. Просто устранили, вот и все!

Мещерский кивнул, а генерал расправил плечи и сказал властно, как Наполеон, издающий свой кодекс:

— Одобряю полностью. Агент может не просто убить мерзавцев, но и сжечь там всю лабораторию! Если понадобится — вместе с деревней. Это звучит по-людоедски, но вы, надеюсь, не правозащитник, понимаете, жизнь восьми миллиардов людей стоит одной сожженной деревни.

Он даже помолодел на глазах, что делает прилив адреналина, потер ладони.

— Спасибо, генерал, — сказал я. — В самом деле спасибо.

— И высшая степень секретности, — добавил он деловито. — Даже руководство не должно знать, что вы делаете!.. В смысле, детали не должны знать. Иначе его самого поставим в неловкое положение, как вы понимаете. Владимир Алексеевич, нас до сих пор не представили друг другу..

Мещерский сказал с улыбкой:

— Это наши правила, а вовсе не какое-то дремучее невежество. Генерал армии Кременев Антон Васильевич, занимается... очень важной работой. Владимир Алексеевич, профессор.

Мы с генералом пожали друг другу руки. Несмотря на его красномордость, ладонь твердая и сухая, словно я сжал кусок дерева, а он ответил такой же мощной хваткой, проверяя мою профессорскость.

Глава 7

Ингрид, когда везла меня домой, сказала успокаивающе:

— Это совсем не медленно, ты зря!.. Знал бы, с каким скрипом принимают и более простые ре-

шения!.. А сейчас нужно создать структуру, которой нет еще ни в одной стране мира!..

— Точно?

— Что «точно»?.. Ах, ну, сведений таких нет. Возможно, какие-то операции поручают обычным отрядам специального назначения. Но у нас будет именно такое вот специализированное. Скажу по секрету, все фактически решено, я видела по их лицам. Ты бываешь иногда очень убедительным. Меня же сумел убедить?

— Правда? — спросил я. — Хорошо, тогда приготовишь мне яблочный штрудель.

Она посмотрела на меня удивленно.

— Ну и свинья наглая!.. А если у меня другие планы на вечер, чем странное счастье тебя чесать?

— Отмени, — велел я. — Иначе не возьму в отряд спасителей человечества.

Она презрительно прищурилась.

— Так уж уверен, что после того, как ты им нахамил, предложат возглавить тебе?

— Уверен, — ответил я. — Если не дураки. А они мне дураками не показались. Даже генерал.

Она в изумлении от такой наглости покрутила головой, я промолчал, не рассказывать же, что слежу за переговорами этих генералов по мобильной связи, которую считают защищенной. Вижу сомнения, колебания, заодно просмотрел их личные дела, а также родных и знакомых, связи на стороне, кое-где накопал компромат, при необходимости не постесняюсь пустить в ход.

Нельзя позволять, чтобы такое важное дело, как создание Комитета Защиты Человечества, мог торпедировать человек, больше всего ломающий голову, как тайком от ревливой жены переспать и со второй ее подругой, как уже переспал с первой.

Она высадила меня возле моего автомобиля. Я видел, что надеется услышать приглашение похрюкать в моей постели, но я удержался, вдруг все еще не уверена, что возьму в такой важный отдел спецслужб, хочет подстраховаться, и хотя даже мысль о таком в ее адрес унижительна, смолчал, поблагодарил и пересел в свою автомашину.

Я полагал, выделяют где-то неприметный домик, однако на другой день Мещерский сообщил, что помещение спешно готовится в здании одной из строительных корпораций.

Та специализируется на военных подрядах, так что нечто почти родственное, потому въезд даже во двор по специальным пропускам, затем проверка при входе в здание, а последняя проверка на этаже, куда нет допуска никому, кроме членов нашей будущей группы.

Первый этаж в самом деле занимают строители, второй и третий уже у различных служб, что хоть и не грушные, но не напрямую работают на них, а четвертый и пятый уже наши, самые недоступные и почти несуществующие.

— Ого, — сказал я, — два этажа!

— Это не так уж и много, — ответила Ингрид трезвым голосом. — Домик вообще-то маленький.

— Слушай, — сказал я, — а Мещерский в самом деле полковник?

Она улыбнулась.

— Заметил?.. А генералами командует... Нет, генералами, конечно, не командует, но тут такое дело... Это ГРУ, понимаешь? Своя специфика.

— В чем?

Она сказала в затруднении:

— КПСС всегда старалась держать все под контролем, в том числе и КГБ. Возникали конфликты, но КПСС подавляла протесты, пока, как мы знаем, КГБ вообще не избавилось от КПСС... Доходило до нелепостей: даже в простейших райкомах партии должны были держать в общих отделах все данные о каждом члене партии: ФИО, должность, награды, проступки, взыскания, семейное положение, количество детей и прочее-прочее...

— Нормально, — буркнул я.

— Так вот представь себе, — сказала она, — работает в здании КГБ вечно пьяный водопроводчик дядя Вася, чинит трубы, в свободное время играет в домино, и никто там не знает, что он вообще-то в звании майора, внедрен внутренней службой безопасности следить за сотрудниками...

— Понял, — сказал я, — а в райкоме партии у девочки в столе лежит среди других и его папка с фотографией в мундире, где он в звании майора?

— Вот-вот.

— Понял, — сказал я. — Мещерский на самом деле чуточку выше ростом, чем выглядит?

Она посмотрела внимательно.

— А ты не удивился. Откуда-то знал, да?

— Зачем тогда спрашивала?

— Чтобы легализовать, — отрезала она. — Легализовать свои знания, полученные преступно нажитым путем!

— Класс, — сказал я пораженно, — обожаю проницательных женщин! Правда, вблизи боюсь. Ладно, давай займись хозяйством, куда столы, куда аппаратуру, как разместить прочую мебель...

Она спросила быстро:

— Так ты меня берешь?

Я оглядел ее оценивающе.

— С такой фигурой? Конечно!.. Будешь пресс-атташе. Давать интервью и широко улыбаться. Только вырез на платье ниже, юбку короче, и все будет зашибись!

— Свинья, — сказала она, но с широчайшей улыбкой, в самом деле еще побаивалась, что не возьму, как будто у меня есть какой-то выбор, хотя вообще-то есть как ни у кого другого. — Остальных пусть пришлют из отдела кадров?

— Да, — ответил я, но тут же спохватился, — погоди, сперва пригласи Левченко. Они хороши в организации полевых операций, а их убеждения я уже знаю.

Она охнула:

— Ты всерьез?

— Да, — ответил я. — Читать личные дела — одно, видеть человека в горячих точках — другое. Да и с остальными не спеши. Сперва просмотрю сам кандидатуры, а потом начнем приглашать на собеседование. Мы должны отобрать лучших!.. Хотя, конечно, лучшее у нас уже отобрано.

— Кто-кто?

— Но ты же в отряде, — напомнил я.

Она фыркнула.

— Спасибо за галантность. Сказал с таким лицом, словно живую жабу глотал. Кстати, тебе придется пройти еще пару чисто формальных процедур...

В ее голосе прозвучало нечто такое, что я сразу ошетинился.

— Что такое?

— Норматив в тире, — сообщила она, — и собеседование с психоаналитиком. Нашим, грушным.

Сам понимаешь, человек на таком ответственном месте должен быть чист даже от намеков на шизофрению, паранойю и вообще от всех фобий. Но ты ведь такой, так что тебе?

— Главное, — сообщил я, — не какой, а каким нужно прикинуться, чтобы пройти экзамен, тест, собеседование. Не так ли?

— Прикидываться ты умеешь, — согласилась она.

— Психоаналитик у вас самец?

Она поморщилась.

— Грубый.

— Понятно, — сказал я с удовлетворением, — самка. Это хорошо.

Она спросила с подозрением:

— Что хорошо, что хорошо?

— Меньше трений, — пояснил я. — Мы все еще питекантропы, хоть и с учеными степенями.

Пока на два наших этажа затаскивали мебель и оборудование, упрятанное в ящики с маркировкой «Посуда», Ингрид быстро отвезла меня в филиал управления, где, минуя Мещерского, сразу повела к дальнему кабинету с табличкой «Рябинкина И.С, к.м.н.», постучала, дождалась «Войдите» и втолкнула меня, следуя сзади, как конвоир.

В кабинете приглушенный свет, шторы задернуты, на стенах картины с пейзажами и натюрмортами. Из-за стола навстречу поднялась миловидная молодая женщина, приветливое лицо и хорошая доброжелательная улыбка.

— Ирина Савельевна, — сказала Ингрид, — я вот привела вам, как и велел Мещерский...

Она улыбнулась мне мило и приветливо.

— Очень хорошо... Ингрид, подождите в коридоре.

Ингрид молча вышла, очень недовольная по виду. Я терпеливо ждал, ну не скажешь вот так в лоб, что все ваши тесты я знаю и могу пройти с любым результатом, который хочу показать. И даже все показания с датчиков, прикрепленных к телу, могу высветить на экране те, которые необходимы, а не те, которые высветились бы без моего контроля.

Об этом психоаналитике, естественно, я мигом прочел все, что в доступе, узнал кое-что еще, чего в доступе нет, и с улыбкой ждал начала разговора.

Она сказала мягким профессиональным голосом, который должен проникать в душу, как полагает народ, или в подсознание, как предпочитают говорить специалисты:

— Вы очень откровенны, Владимир Алексеевич.

— Это как?

Она пояснила:

— Первым же взглядом раздели меня, вообрази в какой-то позе, но мигом одели и сейчас готовы к разговору. Все это длилось меньше секунды, прекрасный результат!

— Спасибо, — ответил я. — А не можете сказать, в какой позе я вас увидел? А то как-то этот момент остался смазанным. Хочу в цвете и чтоб в три-дэ.

Она вздохнула.

— Не могу. Вы слишком быстро взяли себя в руки. Полностью исключить в себе животное начало нельзя, но все мы отличаемся от животных способностью контроля этих позывов. Только у всех этот контроль в разной степени...

— Контролем позывов, — подтвердил я, — и умением пользоваться столовыми приборами... А вы нарочито вот так сиськи напоказ, разрез платья до самых трусиков... которых на вас нет?

Она улыбнулась.

— Давайте лучше я буду задавать вопросы. Сядьте вот на этот диван... а лучше вообще лечь поудобнее. Как вы себя чувствуете по возвращении? Имею в виду юг России?

— В смысле, при смене часовых поясов?

— Хороший ответ, — сказала она одобрительно. — А как вы сейчас чувствуете?

— А вы? — спросил и я, предвосхищая ее вопрос, пояснил: — Психиатрия и психоаналитика входили в число базовых дисциплин, которыми пришлось основательно овладеть на пути к докторской диссертации. И сейчас вижу ваше волнение по поводу бойфренда, хотя он вообще-то вам звонил, но вы нечаянно отжали кнопку громкости, это бывает с новой моделью Самсунга, и зачем они ее перенесли на торец? Я сам дважды попадался.

Она вздрогнула, ее пальцы сдвинулись на сантиметр в сторону мобильного в кармане, но удержалась, взглянула на меня с натянутой улыбкой.

— Мне начинает казаться, — произнесла она, — профессия нейрофизиолога дает больше знаний о человеке, чем устаревшая психиатрия... Или пока еще нет?

— Она не устарела, — сообщил я великодушно, — просто я застал вас врасплох и перехватил инициативу. Но, думаю, вам в самом деле в такую жару лучше без трусиков.

— Придется надеть, — сказала она. — Хотя так видите меня только вы, но все же...

Я сказал свойски:

— Мне можно. Мы оба психиатры. Я понимаю, почему вы без трусиков на самом деле. Это так здорово, вы правы, так что я «за». Мы, психиатры, всегда

были людьми без комплексов, а за последние полста лет привили свободу чувств еще и населению, сломав барьеры морали, хотя правозащитники полагают, что это они добились в результате трудной борьбы с косностью общества... Я вообще был рад повидаться, Ирина Савельевна. Хотя еще в коридоре представлял майора-самца, толстого и все повидавшего, но так приятно увидеть молодую красивую женщину!

Она улыбнулась.

— Женщины частенько берут интуицией там, где мужчинам приходится напрягать мозг. Потому нас мало среди математиков, компьютерщиков или физиков... Ладно, собеседование вы прошли, что уж мне задавать простенькие вопросы коллеге? Сейчас вот отправляю отчет вашему руководству... Все, Владимир Алексеевич! Вы свободны.

В коридоре Ингрид соскочила с подоконника, глаза огромные.

— Так быстро?... погоди минутку, я заберу у нее пару бумаг, и поедем.

Я кивнул, она исчезла за дверью кабинета. В старину считалось, что подсматривать и подслушивать нехорошо, идиоты какие-то. Подсматривание и подслушивание всегда давало огромные преимущества, глупо от этого отказываться, а сейчас так и вообще скоро станет краеугольным камнем всеобщей безопасности, когда все будут видеть всех всегда и в любое время.

Отыскать следящие устройства проще простого, через долю секунды я видел, как Ингрид переступила порог, плотно прикрыла за собой дверь, а Рябинкина подняла от стола голову.

— Да, Ингрид?

Ингрид посмотрела по сторонам и спросила страшным шепотом:

— И... как?

Рябинкина поинтересовалась так же негромко:

— Это врачебная тайна. Вы точно уполномочены?

— Спросите у Мещерского, — ответила Ингрид. — Мне поручено негласно наблюдать за ним, все-таки человек со стороны. У вас так быстро с ним... что, в самом деле не нашли никаких отклонений?

Рябинкина покачала головой.

— От нормы?

— Да.

Рябинкина сказала медленно:

— Вообще-то нет. Понятие нормы достаточно растяжимое, но если быть точным, то он не спецназовец, это точно. А вот для ученого, энтузиаста науки, как раз.

Ингрид сказала торопливо:

— Но он показался мне... слишком холодным, что ли?.. Безэмоциональным! Понимаете, там были трупы, люди только что убиты, а он просто старался не наступать в лужи крови... А когда кровь приблизилась к его ногам, отступил на полшага, не прерывая разговор!

Рябинкина сдвинула плечи.

— Для ученого это нормально. Они все немножко не от мира сего, потому что одни с головой в микромире, где расщепляют атомы, а другие в галактиках...

— Он нейрофизиолог.

— Тем более, — ответила Рябинкина. — Это такая интереснейшая область, сама знаю, что все остальное может казаться ему скучным и серым.

Ингрид пробормотала задумчиво:

— Вот-вот, у меня именно такое впечатление. Словно он в другом мире, а наш ему неинтересен.

Она сказала подбадривающе:

— Не подгоняйте под свои стандарты понимания. Люди все разные. Возможно, он такой и по натуре, как говорят в народе.

— Ох, это ужасно?

Рябинкина приподняла и опустила плечи.

— Кому как. Такой уж тип характера. Он не один такой. А когда еще и увлекательнейшая область науки, то вообще все остальное неинтересно.

— Но как же...

— Как в обыденном мире? — ответила Рябинкина. — Вы не представляете, многие действуют в самом деле на автомате. Один из моих пациентов, крупный математик, никак не мог вспомнить, откуда у него в холодильнике берутся продукты!

— А откуда?

— Да сам и покупает! Но такие простые и повторяемые действия у него происходят как бы вне сознания. Или, чтобы вам было доступнее, простыми запросами у него ведает спинной мозг, а головной занимается именно его обожаемой математикой.

Ингрид вздохнула.

— Ну, у Владимира еще до такого не дошло, к счастью. Он помнит все. Даже удивительно, как помнит много.

— Это неудивительно, — успокоила она. — Мозг ученого натренирован, как у вас говорят, быть постоянно на стреме. Но вы не волнуйтесь, дорогая. Он о вас помнит. Даже относится с нежностью.

Ингрид напряглась.

— Как это с нежностью? Я ему что, кошечка какая-то?

— Вроде того, — ответила она с улыбкой. — Но разве плохо? Сильный мужчина заботится о слабой женщине... Хотя, конечно, вас трудно назвать слабой. Но он все равно сильнее.

— Вот-вот! Как-то слишком быстро превратился в... мужчину. Вы не представляете, какой это был слизняк, когда я увидела его впервые в их лаборатории!

— Он ученый, — пояснила Рябинкина, — в своем коллективе привык быть таким. Но когда пришлось оказаться среди людей совсем другого склада, сумел приспособиться. Дорогая, у человека со степенью диапазон намного шире, чем у грузчика. Доктор наук может делать и свою работу, и работу грузчика, а вот грузчик работу доктора вряд ли... Не волнуйтесь, он совершенно нормален.

— Ох, — сказала Ингрид. — Ну хорошо, а то на такой важной работе, как у нас, ему нужно быть... собранным.

Рябинкина улыбнулась.

— Приятно, что вы о нем заботитесь, а он о вас. Вы с ним любовью уже успели? А-а, можете не отвечать, вижу... Все хорошо, дорогая. Если вдруг что, моя жилетка в вашем распоряжении.

Глава 8

Я сидел в конце коридора, когда Ингрид вышла из кабинета психоаналитика, красивая и подтянутая, улыбнулась мне издали.

— Что, — спросил я, — у тебя отклонений больше?

Она вскинула брови.

— Что-что?.. Нет, я не проверялась. А вот ты должен за мной в зубах сумочку носить, так она и сказала.

— Если бы тапочки, — буркнул я, — тогда да, не против, а сумочку... по магазинам? Нет, на такую жертву ни один мужчина не пойдет.

Она пошла рядом, сказала негромко:

— Странно она как-то... Говорит, не нашла в тебе никаких отклонений. Удивительно.

— Почему удивительно?

Она зябко пожала плечами.

— Потому что отклонения есть у всех. А у тебя вот не нашла. Она просто удивилась, а я вот даже...

— Обрадовалась? — сказал я с сарказмом.

— Встревожилась! — сказала она сердито. — Она тебя только сегодня узрела, а я насмотрелась, уже страшно! Ты как нечеловек...

Мы спустились вниз, она с крыльца жестом позвала свой автомобильчик.

Я сказал мирно:

— Да понятно, понятно. За нормального человека, даже за идеального, взят простой человек, психически здоровый, любитель пива и футбола, что в выходные едет на дачу жарить шашлычки, а летом в отпуск в Турцию... Научные сотрудники от кандидата и выше вообще-то психически тоже здоровые, но им насрать на какой-то там футбол, они и после окончания рабочего дня остаются в лабораториях... а это уже ненормально, верно?

Она сказала в затруднении:

— Не в этом дело. Ты на все реагируешь как-то... иначе. Для тебя даже, что зарезать человека, что не зарезать — одинаково.

Я посмотрел на нее с интересом.

— Правда?.. Надо будет присмотреться. Вообще-то человек и корова — млекопитающие, но коров человек режет спокойно, как и коз, свиней... Думаешь, человек чем-то отличается?.. Ты уроки анатомии в школе точно прогуливала с такой фигурой!

Она зябко передернула плечами.

— Прекрати!.. погоди, не сюда!

Я не успел опомниться, она подтолкнула к не приметной двери, за нею в глаза бросились полу-стертые каменные ступеньки, ведущие глубоко вниз.

— Это чё? — спросил я с подозрением.

— Топай-топай, — сказала она злорадно. — Я же говорила. Там в подвале тир. Осталось сдать норматив по стрельбе, и все.

— Чего? — спросил я. — Разве ты еще не сдала?

Она снова толкнула меня в спину, я слышал, как уверенно топает сзади, как конвоир за пленным партизаном.

— Тебе сдать, — пояснила она. — Я же говорила. Такие правила. Понимаешь, всяк хочет снять с себя ответственность. Это как по технике безопасности. Если твоя подпись стоит, что ознакомлен, то сам виноват, если тебе на голову упадет строительный кран.

Я вытаращил глаза.

— погоди, они что, совсем идиоты?..

— Вроде бы нет, — ответила она с настороженностью. — Ты чего взъелся?

— А кому обещали, — напомнил я, — что вроде бы буду руководить отделом, не покидая нашего здания? Даже своей комнаты? Какая стрельба?.. Еще о рукопашке вякни, щас же по стенам размажу, и хрюкнуть не дам!

Она сказала торопливо:

— Успокойся, только успокойся. Конечно, да. Но...

— Что за «но»?

— Вся жизнь, — сказала она, — компромисс, ты сам это твердил.

— Я?

— Ты, — заверила она, — или Ленин, не помню точно. А то и Карл Маркс, у меня вы все трое в одном, как кто-то совсем страшный, о котором попы говорят...

— Спасибо, — буркнул я, — хотя да, лестно.

— Вспомни, — продолжила она настойчиво, — дело это абсолютно новое, я даже не верила, что тебе удастся такое пробить на самом верху. У тебя много противников прямо здесь же, в ГРУ, не давай им повода!

— Но когда это слоны сядутся на шею?

Ступеньки привели в обширнейший подвал, дальняя стена теряется в полутьме, а перед нами оказались открытыми кабинки для стрельбы в сторону смутно белеющих на той стороне подземелья мишеней.

— Чего тебе стоит пострелять для галочки?.. — спросила она недовольно. — Мужчины же любят стрелять по каждому поводу и вообще без повода!

— Не люблю, — сообщил я.

— Да ладно! Зато покажешь, что с Главным Управлением взаимодействуешь. Это снимет некоторые вопросы и... обвинения. Где же Автандил?.. Ладно, пока его нет, потренируйся.

Она сунула мне свой пистолет в руки.

— Куда стрелять? — спросил я.

— Давай вон в ту, — предложила она. — Погоди, подгоню поближе...

За моей спиной потыкала кнопки на стене, тихо зажужжало, мишень поехала в мою сторону.

— Давай, — сказала она.

Я выстрелил несколько раз, нарочито укладывая пули по краям мишени так, чтобы не попали даже в круг, не то что в яблочко.

Ингрид фыркнула.

— Никуда не годится! Попробуй вот так..

Мишень по ее команде начала отодвигаться, отодвигаться, наконец отползла на предельную прицельную дальность.

Я вздохнул, дострелял остаток обоймы. Ингрид всмотрелась в окуляр, сердито буркнула:

— Ничего не понимаю. А ну давай еще!

Я пожал плечами и, чтобы поскорее закончить с этой ерундой, в темпе вставил другую обойму и выпустил остальные патроны.

Из дальней комнатки вышел подтянутый мужик в гражданском, ага, так я и поверил, тоже мне гражданский, такого как ни переодевай, по харе видно, что совсем не скрипач из Ла Скала. И даже не виолончелист.

Я бы назвал его боевиком, если бы это было не в Москве, очень уж характерный типаж. Мозг, радостно виляя хвостом, моментально раскрыл передо мной его досье, куда вписаны операции в Афганистане, Сирии, Йемене и даже в Судане, а кроме двух наград, еще и два порицания за неподчинение приказу. Интересно, за такое серьезное дело, как неподчинение, взысканиям подвергнут не был, а снова принимал участие в боевых операциях, в отставку отправили только по ранению.

Он всмотрелся в меня вроде бы равнодушно, но я уже знаю этот взгляд, как и походку, нарочито

расслабленную, такой человек выглядит балдеющим туристом на отдыхе, но на самом деле готов в любой момент взорваться каскадом смертельных приемов.

— Ингрид? — сказал он и посмотрел на меня.

Она сказала быстро:

— Ему нужно сдать норматив.

— Простой? — поинтересовался инструктор.

— Самый минимум, — ответила она. — Хотя, конечно, адаптация у него просто поразительная.

Он взглянул на меня, снова поинтересовался у нее:

— В каком смысле?

Она указала взглядом в мою сторону.

— Этот ботаник сперва вообще не мог пистолет в руках удержать. Потом не мог попасть в мишень. Вообще. Пули шли в потолок, в пол, в правую и левую стены...

— Ну-ну? — спросил он с ленивым интересом.

— Со второй половины обоймы половину положил в мишень.

Он повернулся, всмотрелся в изрешеченный щит.

— Гм, я бы сказал, ухитрился попасть и в центр.

Она покачала головой.

— Не ухитрился, Автандил. Последнюю обойму всадил в самое яблочко.

Автандил подошел ко мне, я увидел на его лице удивление пополам с недоверием.

— Ты подогнала мишень, чтоб стояла прямо перед ним? В двух шагах?

— Напротив, — огрызнулась Ингрид. — Послала ее к той стене. На предельную для пистолетов дальность. Прицельную дальность.

Он покачал головой.

— Интересно... И что, раньше пистолета в руках не держал? Признавайся, парень, как у тебя получается?

Я ответил с надлежащей интеллигенту скромностью и достоинством:

— Я доктор наук. Профессор. Вы же понимаете, человеку даден интеллект, хотя мало кто им пользуется. Да и зачем он в нашем мире? Вы знаете, самый большой мозг был у неандертальцев, на двенадцать процентов больше, чем у нынешнего гомо сапиенса. А с того времени мозг постоянно усыхал и продолжает усыхать. Сейчас уже полтора кило, а будет еще меньше. Когда станет как у австралийских аборигенов, мы перестанем быть людьми... Пичалька... Но пока я им, знаете ли, иногда пользуюсь. Вот и сейчас... в общем, можно сказать, воспользовался, хотя коллегам не признаюсь, стыдно признаться, как я его употребил.

Он смотрел непонимающе, Ингрид сказала торопливо:

— Он доктор наук по нейрофизиологии. Знает, как адаптироваться быстро и даже очень быстро. Мы адаптируем мышцы, а он сперва мозги, это проще...

Инструктор буркнул:

— Ну кому проще, а кому... мне вот легче тренировать мышцы, хоть это и дольше, а мозги... дело темное.

Я скромно улыбнулся, дескать, для доктора наук нет темных дел. Он вытащил из заднего кармана брюк смартфон, потыкал кончиком пальца.

— Как фамилия?

Ингрид сказала быстро:

— Лавронов Владимир Алексеевич.

Он закончил набирать текст, буркнул.

— Готово. Норматив сдан, норматив принят... Если такой стрелок, пусть сразу оформят и лицензию.

Я поинтересовался:

— С правом на убийство?

Он поморщился.

— Лицензию на право ношения оружия. Скрытое.

— Жаль, — ответил я. — А то бы я их всех поубивал.

— Кого? — спросил он.

Ингрид ответила язвительно:

— Всех. Говорит, людей восемь миллиардов, а ему и одного хватает.

— Миллиарда или себя?

— Наверное, — ответила она, — себя. Экзамен на полигоне проходить не надо?

— А что там? — спросил я.

— Стрельба по двигающейся цели, — ответил он с некоторым злорадством, — прячущейся, в условиях недостаточной освещенности, маскирующейся, тест на скорость и реакцию... Уже передумали, профессор?

— Если только по грязи не лазить, — предупредил я.

Он подумал, нехотя кивнул.

— Да, вы не морской котик. Тех заставляют в выгребных ямах сидеть сутками, в нечистоты нырять. Вам, надеюсь, не придется. Белая кость не для десантных операций.

Автомобильчик подкатил к подъезду и распахнул обе дверцы, хотя Ингрид вроде бы не давала такую команду. Надо будет покопаться в его программах, сам это решает, когда открыть одну дверь, а когда две, или это госдеп руководит.

Поднявшись по лестнице на свой этаж, я увидел в коридоре человека в гражданском, широкого в плечах и тонкого в поясе, а когда тот повернулся на стук моих шагов, я узнал чернобрового и чернобородого джигита Левченко.

— А, — сказал я, — Антон Денисович.. Заходите. Это пока что мой кабинет. Временно.

На правах хозяина я пропустил его вперед, он прошел до середины кабинета и остановился. Черная как уголь борода стала вроде бы длиннее, а крупные глаза навывкате, что делали его похожим на Ингрид, заметно ввалились, как и сам он похудел и заострился.

Я не стал садиться в свое кресло, как-то неловко, когда человек передо мной стоит, но ему так комфортнее, нужен простор для рукопашной схватки, человеку боя в таком положении — как мне разлечься на диване.

— Как добирались, майор? — спросил я.

Он взглянул исподлобья.

— Я здесь уже неделю. Ваш звездный час, верно?

— Вряд ли, — ответил я скромно, — но некоторое удовлетворение чувствую.

Он поинтересовался враждебно:

— Хотите добавить еще и от себя?

Я посмотрел на него в изумлении.

— С чего бы? Вы делали свою работу, как было велено. Приказ есть приказ.

Он проговорил настороженно:

— Что-то не совсем так.. Я не просто исполнял приказ, я исполнял с охотой. Веря в правильность. До поры до времени.

— Он и был отчасти верным, — ответил я великодушно. — По большому счету. Потому вы здесь. Вас уволили?

— С треском, — ответил он с вызовом. — Довольны?

— Еще как, — ответил я. — Тогда у вас не будет мороки с переводом. Я предлагаю вам работу в новой структуре. В том же звании. И с тем же окладом.

Он продолжал смотреть на меня неотрывно, наконец проронил:

— Кто вы? Откуда у вас такие полномочия?

— Они есть, — ответил я. — Раньше не было, теперь есть. Жизнь все стремительнее и стремительнее. Что скажете?

Мне казалось, он должен был обрадоваться, однако на его лице наконец-то отразилась некоторая борьба чувств.

— Видите ли, — проговорил он наконец, — это только болваны могут думать, что вот так выкинутый из армейской спецчасти пойдет работать грузчиком или таксистом.

— Понимаю, — ответил я. — Вы получили предложения от частных структур... Сколько, два?

— Три, — ответил он и посмотрел с некоторым уважением. — Думаю, они вас ставят во главе некого ведомства не зря. Три предложения. Заманчивые.

— Частные армии?

Он кивнул.

— Да. Так и платят больше втрое, и система не такая косная.

Я двинул плечами.

— Дело ваше. Они вам предложили, я вам предложил. Выбор ваш. Здесь будем встречаться чаще, а если выберете частную армию, то встретиться можем тоже. Но уже один раз.

Он смерил меня испытующим взглядом.

— Да, я помню, что вы с напарницей оставили от моей базы. Эта зверь-женщина с вами?

— Да, — ответил я. — Армию знаю плохо, потому пока останавливаюсь на тех, кого знаю лично. Подумайте, майор. Место за вами держу двадцать четыре часа. На него сейчас.. та-ак.. семьдесят четыре кандидата. Все полковники... Нет, уже семьдесят пять... Блин, еще не знают, что за новая структура, а уже спешат!

— В новых отделах быстрее идет продвижение, — сказал он. — Спасибо! Я обязательно отвечу. Даже при отказе.

Едва он ушел, Ингрид примчалась злая и рассерженная, выпалила с ходу:

— А он тебе зачем?

— Беру на работу, — сообщил я.

— Что-о-о?

— Ты против? — спросил я любезно.

Она почти окрысилась, а глаза заблестели, как у злого лесного зверя.

— Что я, ты здесь хозяин, но, если голову сломишь, я не виновата!

— Не виновата, — подтвердил я.

Она спросила сердито:

— Ты ему веришь? Он же оставил нас на смерть!

— Надеюсь, — сообщил я, — будет выполнять и мои приказы так же точно.

— А если придет уже как человек частных структур? Не наших?

Я ответил загадочно:

— Ингрид, я же психолог и аналитик. Пойдем сразу же... Держись, мы приступаем к спасению мира!

Она огрызнулась:

— Я не всегда успеваю пирог спасти в духовке.

Глава 9

Мещерский внимательно просмотрел список, в который я продолжаю вносить имена предполагаемых сотрудников.

— Ингрид Волкова тоже в топе?

Я переспросил:

— Она же в контрразведке?

Он кивнул.

— Да. Ее ценят и отпускать вряд ли захотят. Но при формировании новых отделов им отдается предпочтение в наборе сотрудников. Потому, если Волкова вам подходит...

— А как она сама?

— Согласна, — ответил он. — Я с нею переговорил. А вам потребуется помощь. Она вас безмерно уважает, потому один верный сторонник у вас есть.

— Беру, — сказал я. — Лист кандидатов я просмотрел внимательно... Жаль, нет в нем ни Алексея Турчина, ни Александра Никонова, но, понятно, это звезды первой величины, на такую работу не пойдут... как и вообще ни на какую, сами светят ярко и в подсветке не нуждаются. Нам же нужны хорошие специалисты, но простые исполнители, потому вот эти...

Я потыкал пальцем, высвечивая на экране портреты и первые страницы досье.

Мещерский смотрел внимательно, на лице проступило уважение.

— Похоже, вы разбираетесь в людях... даже на расстоянии. Это в самом деле хорошие работники. Бойцов тоже выбрали лучших из лучших, даже завидно, что вот так легко, скользнув взглядом по файлам... Какое-то особое оборудование требуется?

Я протянул ему распечатку на бумажном листке.

— Только это. Программы и защиту поставим сами.

Ингрид как моя правая рука развила бурную деятельность в обустройстве нашего отдела, под ее руководством привезли и разместили мебель, завезли блоки серверов, рейдмассивы, сразу же установили на выходе с этажа сигнальные системы, что не позволят пронести даже на ступеньку ниже не только флешку, но даже крохотный чип, размером с маковое зерно.

Доступ в инет я хотел было оставить всем, но для руководства это будет выглядеть слишком уж большой беспечностью, никто не поверит, что могу как-то ручаться за всех, потому все компы соединили локалкой, а выход в инет только у моего, к которому доступ только у меня, ненаглядного.

Особенно тщательно Ингрид оборудовала мой кабинет, дескать, каждый переступающий порог должен чувствовать, что зашел к человеку, способному сдвинуть горы.

Я же радовался только мощным компа и сверх-скоростной связи, все-таки двести гигабайт в секунду — пока что мечта рядового потребителя, но рядовой потребитель и пистолет не может пойти и купить, а Ингрид принесла мне «глок» и гордо положила на стол рядом с клавиатурой.

— Теперь ты мужчина!.

— Ну спасибо, — сказал я. — Ты такая воспитанная...

— Ой, — сказала она, — ну что ты сразу обижаешься?.. Здесь народ утонченный, но с оружием не расстаются. Даже я приняла эту не самую гадкую мужскую привычку.

— Да и ты утонченная, — согласился я. — Смо-
трю на тебя, а ты все утончаешься и утончаешься.
Скоро вся шерстью покроешься... как насчет сырого
мяса?

Прибыл Мещерский, держался подчеркнуто до-
брожелательно, вообще в ГРУ все джентльмены,
армией и не пахнет, а в отношении меня держит-
ся вообще предупредительно вежливо, подчерки-
вая и перед другими мой высокий статус и поло-
жение.

Оставшись со мной в моем кабинете, сказал
с той же неизменно благожелательной улыбкой:

— Владимир Алексеевич, куратором вашего от-
дела назначен я.

— Рад, — сказал я искренне.

— Я тоже, — ответил он. — Не столько потому,
что такая уж цаца, но мы с вами уже успешно со-
трудничали, а руководство мудро полагает, что глу-
по менять детали в уже работающем механизме.

— Да еще и на ходу, — ответил я. — Приятно,
что у нас сверху не дураки, какими их считают ди-
ванные стратеги.

— Владимир Алексеевич, — сказал он, — у нас
хорошие вроде бы отношения, я ими дорожу и хо-
чу, чтобы они такими и остались.

— Я тоже...

— Потому, — сказал он подчеркнуто вежливо, —
не буду влезать в ваши дела, тем более не компетен-
тен в достаточной степени, признаю. Вы только со-
общайте о результатах, хорошо?

— Не только о результатах, — сказал я. — Вы бу-
дете знать все. Надеюсь, я смогу пользоваться ваши-
ми советами и подсказками?

Он наклонил голову.

— Владимир Алексеевич, мои подсказки всегда будут настолько тихими, что, кроме вас, никто их не услышит. Кстати, там, в своем кругу ученых, вы именно в своем, а здесь придется иметь дело с разными людьми... Разных рас, религий, нетрадиционеров... Вы как относитесь, скажем, к геям?

— Одобряю план госдепа, — ответил я, — на резкое сокращение населения. Уже сейчас роботизация выбрасывает на улицу миллионы людей, что не смогут найти работу, а завтра там же окажутся сотни миллионов. Те дети, которых рожают сейчас, сразу станут безработными и останутся ими до конца. Вообще к тому времени практически все отрасли производства будут роботизированы.

Он некоторое время смотрел, как мне показалось, чуточку ошалело, наконец покачал головой.

— Люблю ученых... Сразу в корень. Мне даже в голову... Что значит текучка, только сегодняшний день перед глазами.

— Пойду посмотрю, — сообщил я, — в какой готовности ребята.

— Да-да, — ответил он, хотя в голосе я уловил сомнение, с моей ли компетентностью определять такое. Не знает, видимо, что орлы с их высоты видят не только мышей, но и муравьев.

Поднимаясь по лестнице, я просматривал главный зал управления и собравшихся в нем сотрудников КЗАЧа, кто как сидит, что говорит и как держится, с этими людьми работать, на них полагаться, и хотя окончательные решения принимать мне, но очень много зависит от того, как подадут и какие аргументы выставят.

Левченко занял стратегическую позицию в центре, не любит быть зажатым в угол, хотя там не

ударят в спину, но для него потеря жизненного пространства значит больше, Ингрид разговаривает с Иваром Гостомысловым, Василем Данко, оба прекрасные компьютерщики, а Данко еще и проявил себя как умелый спецназовец, когда его послали с одним из отрядов на Ближний Восток, где должен был на месте всего лишь взломать сложный шифр до того, как все взлетит на воздух, но, кроме того, умело сражался, прикрывал товарищей огнем, а одного вынес на спине в безопасную зону. Там же успел починить поврежденную пулей деталь вертолета, что позволило взлететь всей команде до того, как туда примчалась группа правительственных войск на бронетранспортерах.

Я вошел, все моментально вскочили и встали по стойке «смирно».

— Вольно, — сказал я, — это не значит, что у нас воля, как при Стеньке Разине, но армией здесь не пахнет. Тоталитарная демократия — дорога в будущее. Всем сесть!

Послушались также моментально, но никто не брякнулся задницей на пол, успели присмотреть, кто в каком кресле предпочитает быть.

Я сделал паузу, все притихли и смотрят с ожиданием.

— Да, — сказал я, — у нас сверхзасекреченная структура, как уже знаете. Потому проблемам секретности значение придается первостепенное. Все вы тоже будете под неусыпным наблюдением. Это вам известно, так как вы, будучи работниками секретных служб, давали соответствующие подписки. Разумеется, меня интересует только безопасность, а ваша личная жизнь остается неприкосновенной.

Данко буркнул хмуро:

— А что в ней особенного? Посмотри на одну пару, увидишь все остальные. Нас это не беспокоит.

Ивар проронил:

— А мне даже нравилось на пляже с нудистами...

Ингрид презрительно фыркнула.

— А что такого? — спросил он. — Можно сказать, общество будущего... Ничего скрытого от глаз общественного. Под одеждой мало ли какая у кого проказа, а тут все на виду...

Он улыбнулся самодовольно, показывая, что ему стыдиться нечего, хорош, а я кивнул, дескать, согласен, нужно секретным службам облегчать наблюдение за гражданами, сказал уже теплее:

— Обживайтесь, знакомьтесь с оборудованием. Пока без выхода в Интернет, но когда поставим надежную защиту, будет самый быстрый в мире!.. Вернусь через два-три часа.

Ингрид вышла вслед за мной, спросила шепотом:

— К Мещерскому?

— Да, — ответил я. — Хочешь поработать шофером?

— Я же добрая, — пояснила она, — глубоко внутри.

— А не умалится ли твой высокий статус? — поинтересовался я.

— У меня тоже могут быть дела в Управлении, — сообщила она. — Я же приставлена следить за тобой, забыл?.. Как отдел внутренних исследований. Контрразведка под прикрытием. Так что ты у меня под колпаком.

— А-а-а, — сказал я, — значит, пока бить не будешь? Ну тогда поехали. Жаль, мигалки больше нет... А я из-за нее чуть было не поступил в милицию.

Мы вышли на улицу, она сказала загадочно:

— У нас другие преимущества.

— Какие?

— Узнаешь.

Мещерский, как она выяснила в дороге, на месте, освободится через пять минут, что удобно, нам ехать еще минут шесть-семь.

Охрана меня уже знает, но все равно пропустили через все сканеры, вдруг инопланетянин из протоплазмы принял мой облик, а внутри даже костей нет, наконец пустили на лестницу, а там уже быстрее пробрались мимо вроде бы отсутствующей охраны к кабинету Мещерского.

Он как раз выпроваживал из кабинета двух в штатском, все-таки задержался с ними на лишние три минуты, ай-яй-яй, но ладно, это же не армия, а внешняя разведка, тут свои нормы.

Ингрид осталась в коридоре, а Мещерский, кивнув ей дружески, пропустил меня впереди себя в кабинет, гостеприимный хозяин, на ходу поинтересовался:

— Как первый день?

— Спасибо, — ответил я, переступая порог. — Обычный рабочий день.

— Коллектив устраивает?... — спросил он. — Садитесь, у нас короткая рабочая встреча.

Я сел, сказал с усмешкой:

— У нас в отделе крепкая тоталитарная демократия с человеческим лицом. А это значит, можем действовать быстрее и эффективнее, чем в тех обществах, где демократия... чрезмерна и где голос кухарок принимается в расчет. Я имею в виду, уже существует Альянс по спасению цивилизации, а также Сингулярити Институт, Future of Humanity Institute в Оксфорде... Есть более мелкие, но все их роднит то, что они рассуждают, обсуждают, обмениваются мнениями, на этом их бурная деятельность и заканчивается.

Он рассматривал меня внимательно, изучающе, словно всего того, что наговорили обо мне аналитики, недостаточно, а вот сам от такого вот созерцания получит обо мне информации намного больше.

Хотя, мелькнула мысль, может, и получит. Человек все еще темный ящик.

— Еще не начинали собирать материал?

— Уже, — сообщил я. — Самые заметные моменты, а там будут и другие... Вот список глобальных угроз, которые назрели и уже вот-вот... Эти, которые отмечены зеленым, близки, но при всей их опасности с ними легко справиться силами местных правительств...

Он взглянул быстро, кивнул.

— Замечательно.

— Даже местных спецслужб, — сказал я, — если у вас с ними есть контакты. Правительству сообщат потом. Незачем сперва запрашивать разрешение, а потом действовать, если налицо прямая и явная угроза.

— Согласен, — ответил он. — А в отмеченных желтым?

— Это в странах, — сообщил я, — которые с нами, мягко говоря, не дружат. И могут творить козни под прикрытием властей. Разумеется, негласным.

Он быстро проглядел список.

— Контакты у нас есть и с ними. Не с правительствами, а негласно на уровне спецслужб. Думаю, сумею убедить, что эти мастера-самоучки навредят сперва им, потом всему миру. А что на красном?

Я положил перед ним на стол лист и развернул.

— Это частные лаборатории, которые вроде бы никому не принадлежат. Или относятся к различ-

ным фондам по сохранению окружающей среды, сохранению диких видов животных...

Он вчитывался внимательно, сказал с кривой усмешкой:

— Потому и забрались в самые что ни есть джунгли? Но, возможно, это и есть чудачки, одержимые идеей спасти для человечества всех ядовитых змей и скорпионов?

— Таких немало, — согласился я, — но всех подозрительных сперва тщательно проверяем. Вот список оборудования, которое заказал Фонд охраны диких животных в Тунисе...

Он просмотрел бегло, отодвинул ногтем.

— Сожалею, но мне трудно судить...

— Оборудование обычное медицинское, — согласился я, — хотя и самые новейшие разработки. Но если рядом поставить то, что получили на прошлой неделе и в прошлом месяце от других фирм, то получается единая линия секвенирования генома и сложнейших операций в ДНК.

Он кивнул.

— Продолжайте.

— Я верю людям, — сказал я, — и готов согласиться, что эту дорожную лабораторию затащили в джунгли потому, что скромные.

— И стесняются журналистов.

— Вот-вот, — сказал я. — Такие вот подвижники и передвижники.

Он договорил:

— И потому не хотят, чтобы мешали их работе. И даже результаты не собираются публиковать в научных журналах. Верно?.. Постарайтесь узнать все, что сможете, а я позабочусь, чтобы подготовили к отправке в те места кого-то из знающих местную специфику.

— Надо смотреть на месте, — согласился я. — Знаете, Аркадий Валентинович, если честно, уже почти жалею, что занялся этим.

— Что так?

— Чем глубже вникаю, — ответил я искренне, — тем страшнее и безнадежнее. Во-первых, здорово опоздали. Во-вторых, только чудом человечество еще не уничтожили.. Уже с прошлого года возникла возможность со стороны не правительств, как было давно, а от нелегалов.. И вероятность уже выше двадцати процентов!..

— Да, — согласился он со вздохом, — не зная этого, жить спокойнее.

Глава 10

В холле с двумя в штатском беседует генерал Кременев, увидел меня, знаком повелел задержаться, а сам еще несколько минут что-то обсуждал и перетирал.

Я ждал, медленно начиная злиться, хотел было уйти, я не подчинен, наконец он отпустил собеседников и повернулся к нам.

— Спасибо, что подождали, — сказал он небрежно. — Да-да, вижу, уже кипите. Вы там в академиях к дисциплине как-то не?

— Даже со знаком минус, — заверил я. — А «спасибо» у вас — это от общения с гражданскими?.. То ли еще будет!

— Намекаете, — поинтересовался он, — что я тут слишком часто?.. Что делать, собираюсь в отставку, присматриваю место, где жалование высокое, а сотрудники бездельничают... Что скажете насчет вчерашнего митинга по поводу завышенных ассигнований на оборону?

Я ответил с неудовольствием:

— Пятая колонна. Не я президент, всех этих борцов за права и личные свободы ограничил бы в правах по самое не могу. Что так смотрите? Да, арестовывать, предъявлять обвинения...

Генерал посмотрел на меня исподлобья, но в прищуренных глазах мне почудилось одобрение.

— У нас не тоталитарное государство...

— Уже, — возразил я. — Весь мир тотализируется. Стремительно!.. Иначе не выжить. Чтобы демократии выжить, она должна стать тоталитарной. И очень жестко реагировать на угрозы.

Он хмыкнул.

— Интересно... А в чем этим борцам за личные свободы можно предъявить обвинения?

Я поморщился.

— Да в чем угодно! Хоть наркотики им подбросьте, да что угодно. Эти мерзкие твари, что могут погубить весь род человеческий, должны быть интернированы. Я, знаете ли, сам люблю покричать о злоупотреблениях нашей тоталитарной власти, но когда приходится выбирать между тоталитаризмом и полным истреблением человечества, то лучше тоталитаризм!..

Генерал промолчал, то ли все еще осторожничает, а Ингрид сказала осуждающе:

— Такое нельзя говорить даже в шутку.

— Тоталитаризм можно изменить со временем, — ответил я, — а мертвое человечество воскрешать будет некому... Генерал?

Он вздохнул.

— Не думал я, что такое услышу от мирного ученого. Наверное, мы в самом деле на краю пропасти. Если даже вы так заговорили.

— Щиты никогда не создавали раньше мечей, — напомнил я. — Но сейчас темпковки мечей таков, что без щита человечество может гикнуться от одного-единственного вируса!

Генерал продолжал рассматривать меня исподлобья.

— Щит всегда совершенствовались после модернизации меча...

— Потому нужно выявлять, — сказал я жестко, — нелегальные пункты изготовления мечей. И уничтожать... не дожидаясь, пока бюрократы и правозащитники придут к какому-то компромиссному решению.

— А компромиссное вас не устроит, верно?

— Генерал, — ответил я. — Впервые в мире ситуация такая, что один-единственный меч, даже изготовленный в деревенской кустарной мастерской, может уничтожить всех людей на свете!.. В тот же день. О каких щитах может идти речь?

Он подумал, сказал со вздохом:

— Сынок... Ты говоришь то, что я, старый волк, нутром чую. На мой голос можешь рассчитывать всегда.

Он протянул руку, я пожал его толстые пальцы, все еще сохранившие крепкую хватку десантника, Ингрид пошла за мной к двери тихая, как мышь в виду кота, сказала вздрагивающим голосом:

— Что вы оба меня так пугаете...

— Никто не хочет видеть, — ответил я, — как мир летит в пропасть... Я тоже не хочу.

— Но смотришь?

— Даже пытаюсь удержать, — ответил я. — С твоей помощью.

— А ты свинья, — сказала она неожиданно.

— А почему в этот раз?

Она ответила невесело и как-то потерянно:

— С тобой я начала терять себя. Впервые в жизни иду за кем-то, как овца.

— Овца с автоматом? — поинтересовался я.

— Да какая разница, что в руках.

Ладно, если генерал пообещал сделать все нужное со своей стороны, то я, можно сказать, на Отечество уже поработал, теперь можно заняться сладостно и наукой: отправился в Центр нейрофизиологии, пообщался с коллегами, заглянул в лабораторию Геращенко.

Он с огромным бутербродом в руке прогуливается вдоль клеток с белыми и серыми мышами, откусывает, они смотрят на него круглыми черными глазенками, что-то мычит им одобрителное, иногда просовывает палец между прутьями клетки и почесывает пузо то одной, то другой мышке.

— Избаловали вы их, — сказал я, — Остап Шухевич! Потому и живут дольше, что чешете и гладите!.. Это можно засчитать как допинг.

— У нас допинги разрешены, — парировал он. — Лишь бы способствовали долгожительству. Для науки понятия допинга не существует в принципе... Как ваши дела?

— Часть мышек заберу к себе домой, — ответил я, — и продолжу с ними нянчиться чаще. Вдруг какая ночью заплачет, им же тоже бывает страшно, тут же приду и успокою, объясню, что привидений не бывает и под кроватью никто не прячется.

Геращенко, что за чудо наши высоколобые, поинтересовался только, буду заказывать для них еду из зоомагазинов или же присылать мне отсюда, где

мышек по лабораториям сотни и сотни, корм с базы обходится оптом дешевле, сэкономлю.

Едва я вернулся в отдел катастроф, так его ехидно начал называть Левченко, навстречу бросился Данко.

— Шеф!.. Идет мощная хакерская атака на сервер!..

— Как защита? — спросил я быстро.

— Трещит, но пока держится!.. Мы с Иваром спешно затыкаем дыры, но те сволочи рвут в другом месте...

— Продолжайте, — велел я и ринулся в свой кабинет.

Еще не переступив порог, подключился к Сети и за секунды оценил масштаб угрозы, проследил, откуда ведется атака, как бы ни маскировали через прокси по всему миру, и когда опускал задницу в кресло, уже прикидывал, что и как делать.

Атака сразу из трех мест, ресурсы задействованы немалые, но все же не суперкомпьютеры, какая-то частная компания или маскирующаяся под частную...

— Кто к нам идет за шерстью, — пробормотал я, — тот вернется стриженным...

Проникнув через все файерволы на первый сервер, я просто стер там все с диска, даже операционку. Жаль, не бывает программ, чтобы повредить хард физически, хотя такие разрабатывались с конца прошлого века, но все оказалось безрезультатным...

Второй сервер защищен и самодельными программами собственного изготовления, молодцы, но я прошел через них, как бизон через туман, тоже стер все с дисков, поставил на неотключаемую дефрагментацию, а на экране смерти добавил череп и надпись: «Попробуешь еще?».

Третий продолжал упрямо ломиться, надеясь все же, что вот-вот защита рухнет. Я в самом деле ощутил опасность и, прежде чем и там все уничтожить, сперва обнулил их банковские счета, перебросив деньги на Каймановы острова, открыв особый счет, удалил медицинские страховки, права на вождение автомобилей и вообще уничтожил все документы, где бы они ни находились, даже в облаке, затем еще и разослал с их адреса порнушные картинки всем френдам в соцсетях, а потом удалил аккаунты, как в сетях, так и вообще всюду вытер из инета.

Когда я вышел из кабинета в общий зал, на меня смотрели почтительно, как папуасы на верховного жреца, я сказал небрежно:

— Выдохлись... Ничего у них не получилось. Даже не успел посмотреть, как и что они там пробовали...

— Да, — заверил Данко страшным шепотом, — вот как только вы сели за комп, так сразу атака и кончилась!..

— Думаю, — добавил Каленик значительно, — нам с шефом повезло.

Левченко загадочно улыбался, но посматривает с интересом, насчет того, что разбираюсь и в компьютерах, еще не знал.

Ингрид старается держаться ровно, ничего же не случилось, рутинная работа, кто-то в самом деле мог попытаться проверить нашу защиту даже из своих, из самых лучших побуждений.

Данко сказал уверенно:

— Думаю, эти орлы уже никогда и ни за какие деньги не попытаются влезать к нам в сеть.

Левченко заметил:

— Присматривайтесь к нашим соседям. Вчера мне один с нижнего этажа панибратски предлагал помощь, защиту и покровительство. К новеньким всегда интерес...

Данко сказал так же победно:

— Если начнет смотреть с почтительным ужасом, то сразу пойдем, кто стоял за атакой.

Ингрид проворчала:

— Не заноситесь, не заноситесь...

— Почему? — спросил Данко. — Атака была мощной и скоординированной.

— И так легко отбились? — спросила она с недоверием. — Это какие-то дети шалили.

Она вытащила запищавший мобильник, но в сторону не отошла, мазнула кончиком пальца по экранчику, и сразу на стене проступило суровое лицо Мещерского.

Некоторое время он всматривался в нас, как Зевс с Олимпа, наконец проговорил ровным тоном, в котором непросто уловить одобрение, но я все-таки заметил:

— Вижу, команда подобралась неплохая... Мы всех еще разок проверили по своим каналам, люди со временем меняются, но это специалисты даже очень... Рад за вас, ребята.

— Спасибо, — ответил я. — Рад, что вы убедились.

Он посмотрел с легкой насмешкой.

— Не ликуйте так уж... Возможно, вашу защиту поручили проверить не самым лучшим. Да-да, я уже в курсе. Ваш отдел пока что мал, но надежды на него возлагаем огромные... Вы как-то сумели набрать себе вообще асов. Вы же вроде бы не компьютерщик?

Я засмеялся.

— Вы не поверите, но все биологи теперь компьютерщики. Любые процессы сперва моделируются на компах, а уже потом в реале. Так сохраняется уйма денег и, главное, времени. Потому наука и рванулась с таким ускорением, что, если не успеем следить за всем, человечеству хана.

— Вот-вот, — сказал он, — сейчас проверяем, что там в Тунисе... Слишком уж место удаленное, а расположили лабораторию в таком месте, что со спутников только на широкие кроны каменных или пробковых дубов посмотришь. Там такие, под каждым деревом можно дивизию от дождя, как говорили раньше, а теперь от спутников прятать. Даже ясени или простые клены вдвое толще наших!

— Вы обещали послать спецов, — напомнил я.

Он чуть понизил голос:

— Вы уверены, что здесь защищено от прослушивания?

— Ваши проверяли, — напомнил я. — А потом мои орлы еще и добавили пару огненных стен.

— Послали, — ответил он. — Ждем результатов проверки.

— Некогда ждать, — ответил я невесело. — Таких лабораторий уже насчитали восемь штук. А мы только начали поиск...

Я бежал по красным пескам, далеко в темном небе слабо блещет светлое пятнышко, я с трепетом понимал, что там планета Земля, а я бегу по Марсу, прыгаю по гребням барханов с той легкостью, словно я на Луне... но это не гравитация изменилась, это я уже постепенно настолько апгрейдил свое тело, что в нем вообще не осталось биологической ткани, а металлу не требуется кислород...

Проснулся с колотящимся сердцем и настолько радостным чувством, что изумился: что со мной? С тех пор как нейродистрофия ушла, а мозг заработал без предохранителей, жил по уму, а вот по сердцу только во сне...

Но как только подумал, что доживу до того времени, когда смогу заменять части тела на более совершенные, радостное ощущение вернулось, да не просто радостное, а завизжал от счастья, как ликующий поросенок...

В самом деле, я буду жить вечно! Во всяком случае, сколько возжелаю. И буду не стареть, а напротив — становиться сильнее, умнее, эрудированнее, буду наращивать свои возможности, чтобы и по Марсу погулять, и на Юпитере побывать... мое тело киборга никакое давление не сокрушит, а когда стану силовым вихрем, тогда вообще смогу хоть в недрах Солнца искупаться...

А сколько звезд, галактик для исследования!..

Глава 11

Ингрид, похоже, очень близко приняла указание присматривать за мной, сегодня я едва успел заехать в наш Центр биотехнологий, как позвонила и сообщила, что через десять минут будет у подъезда, подбросит на мою новую работу. Чувствую, всякий раз в последний момент успевает заменить этим словом «службу».

Для ученого «служба» звучит оскорбительно, собачки служат, да еще всякие там силовые структуры, а ученые творят новый мир, в котором жить и собачкам, и силовым структурам, и всяким

двуногим, что по внешним признакам совсем как люди.

Я быстро спустился с этажа, недалеко от подъезда несерьезного вида спорткар Ингрид, она то ли играет роль женщины, то ли в самом деле в какой-то мере выпускает наверх свою зажатую сущность.

Я сбежал по ступенькам, Ингрид вышла навстречу, женщина с обложки, картинно элитная даже в каждом движении, мимике, походке, разлете широких плеч и красиво вздернутых скул.

— Хорошо выглядишь, — сказала она.

— Мир перевернулся, — ответил я с грустью. — Совсем недавно при встрече такое говорили женщинам.

— Да ладно, — возразила она. — Это не дежурный комплимент.

— А чё?

— Ты в самом деле окреп, потолстел...

— Потолстел?

— Мышцы выросли, — уточнила она снисходительно. — Дурного мяса нет, не трусь. Тем более сала. Скоро, возможно, сможешь без палочки на второй этаж подниматься. Пистолет в руках держишь, это заметила, убивец.

Ответить не успел, она распахнула передо мной дверцу справа, я сел, думая, что если такое видят наши сотрудники, то вопросов и восторгов не оберешься. Все видят красивую обувь, но только тот, кто ее носит, знает, где жмет и натирает кровавые мозоли.

Справа и слева побежали ухоженные дома, Мацанюк умело выбирает, где покупать место для строительства, хотя, подозреваю, сам и благоустро-

ил территорию всего района. В чистом уютном месте и работаете легче, и результаты приходят быстрее. Он бизнесмен, и где щедро выбросит как бы на ветер один миллиард, там соберет десять.

Ингрид не отрывает взгляда от дороги, но мне показалось, что смотрит в упор, когда спросила:

— Когда ты стрелял в тире... ты стрелял в тире. Но когда вытаскивали Абигель... мне показалось, тоже чувствовал себя в тире.

Я поинтересовался:

— Надо было промахиваться?

— Когда стреляешь в людей, — сказала она с некоторым напряжением, — то все-таки знаешь, что стреляешь в людей.

Я спросил с интересом:

— Разве в контрразведке не учат обезличивать цели?.. Ты же стреляешь не в человека, верно?.. А в движущуюся цель?.. Которую нужно поразить?

Она бросила в мою сторону рассерженный взгляд.

— Да, нас учили! А тебя?

Я ответил мирно:

— Кто-то же для вас пишет эти учебники.

— Что, — спросила она едко, — ты и писал?

— Не лично я, — пояснил я, — но наверняка нейрофизиолог. Может быть, даже подрабатывающий к зарплате доктор наук. Мы все в определенных ситуациях мыслим одинаково. И даже реагируем. Как, к примеру, фанаты «Спартака» одинаково реагируют на победу или проигрыш своей команды.

Она поморщилась.

— Не знаю, не знаю. Как бы ни обезличивала, все равно помню, что это люди. Хотя и враги, но люди. А ты это помнишь?

— Да, — ответил я. — Всего лишь люди.

— Восемь миллиардов, — напомнила она саркастически.

Я кивнул.

— Да.

Она вздрогнула.

— Постой-постой... ты так говоришь, будто готов в самом деле их всех... По-моему, ученые — страшные люди!

Я двинул плечами.

— Атомную бомбу придумали и создали ученые. Как и все остальное оружие. Но мы же создаем и новый мир.

— А людям, — спросила она резко, — есть место в вашем мире?

— Нет, — ответил я честно. — Нет.

— Ты чудовище!

— Нет, — повторил я. — Идет подготовка населения к наступающей сингулярности. Населению об этом не говорим, зачем пугать?.. Но подготавливать надо. Потому такое резкое снижение рождаемости, размывание границ между полами, я говорю о разрешении на гейство и зоофилию, локальные войны между племенами, кланами и диковатыми народами, которых негласно решено не допустить ни к бессмертию, ни к сингулярности... зачем там моджахеды, талибы и вообще Халифат? Пусть лучше поубивают друг друга там у себя. Ничего личного, нормальная политика.

Я говорил спокойно, несколько монотонно, просматривая все дорожные камеры на пути и стараясь проследить весь путь двух мотоциклистов, что преследуют нас уже три квартала.

Ингрид их пока не замечает, дорожный поток плотный, автопилоты в автомобилях пока что уме-

ют искать место на стоянках, припарковываться и приезжать на зов хозяина, если он близко, но на дорогах пока что рулят глазомер и чутье...

Байкеры — настоящие игиловцы в урбанном обличье: на Ближнем Востоке закрывают рожи черными тряпками, а здесь попросту на голове шлем, ничего не разглядеть, полная свобода совершить теракт неузнанным и скрыться.

Нужно капнуть куда следует, как-то бы пресечь, дабы не. Сам чувствую, становлюсь каким-то держимордой, для которого «тащить и не пущать» из крайне осуждаемого момента становится положительным, но сам знаю, бунтарем быть легче и почетнее, а вот становиться на сторону власти... как-то неинтеллигентно.

Ингрид покосилась в мою сторону.

— Ты чего?

— А чего чего?

— Серьезный такой.

— Я вообще человек серьезный, — ответил я с достоинством. — И солидный. Это женщина солидной быть не может, а если вдруг, то старается скрыть, чтобы продолжать нравиться...

— Замолчи, — перебила она. — У меня от твоей серьезности уши вянут и менстр начнется на неделю раньше.

— Да? — спросил я. — А я думал, у тебя уже пауза.

Тот, что на первом мотоцикле, крупнее и мощнее, второй сзади помельче, этот постоянно поглядывает в нашу сторону, видно даже через непроницаемый шлем, как просчитывает, в какой момент выхватить пистолет, выстрелить и тут же спрятать, это видно по тому, как сидит, как смотрит в нашу сторону, раньше бы такое не заметил, теперь определяю с девяностопроцентной точностью.

Похоже, оба планируют дожидаться красного света, остановиться рядом, на мотоцикле можно протиснуться вперед и встать совсем вплотную, а там за секунду до зеленого выстрелить через окно и ударить по газам. На мотоцикле гораздо проще проскочить между машинами в любой пробке.

Это чтобы стрелять в окно на ходу, нужно быть виртуозом, непросто держать руль одной рукой, а в другой пистолет. Обычно роль стрелка берет на себя тот, кто сидит на месте пассажира, но у этих то ли не нашлось никого на роль пассажира, то ли не захотели затруднять лишним весом и потерей маневренности, а может, и все гораздо банальнее, просто не успели собраться.

— У тебя «Марк-двадцать три»? — спросил я.

— «Глок», — ответила она с некоторым удивлением. — Я патриотка.

— Хорош, — сказал я, — но не настолько сбалансирован.

Она поморщилась, уязвленная, я потащил у нее из кобуры пистолет, в это время впереди вспыхнул красный свет. Машины начали останавливаться, оба на мотоциклах спешно протискиваются в узкие промежутки к нам, но автомобили стоят плотно, первому только-только удалось приблизиться, как загорелся зеленый, и вся лавина в дружном порыве сорвалась с места.

Ингрид время от времени бросала взгляд на пистолет в моих руках, я рассматриваю с самым задумчивым видом, словно читаю трактат о Вечности, наконец спросила язвительно:

— Ну и как, знаток?

— Да что-то в нем не так, — пробормотал я.

Оба на мотоциклах на этот раз в дорожном потоке сразу протолкались ближе. Даже когда впереди наметился просвет, не ринулись, как бы обгоняя нас, а зря, через минуту мы все равно там оказались бы, а они будто бы и не преследовали, жертва встала рядом сама...

Вспыхнул желтый, автомобили начали замедлять бег, Ингрид сказала с досадой:

— Не успеваем!

— Вот так всегда, — сказал я и пояснил: — В философском смысле. В вопросах бытия...

— Иди в жопу, — сказала она сердито.

Вспыхнул красный, машины послушно останавливаются перед чертой, мы во втором ряду, а рядом с нашим автомобилем появился один из мотоциклистов, мощный «Харлей», хороший тюнинг, а сам водитель в черной блестящей коже, одет по последней моде байкеров.

Он опустил ногу на асфальт, взглядом измерил щель между двумя автомобилями впереди, как раз достаточно, чтобы проскочить на большой скорости, как только дадут зеленый.

Я начал отсчитывать секунды, байкер выстрелит в последние секунды красного, чтобы тут же рвануть с места, Ингрид поинтересовалась:

— Может, пора вернуть опасную игрушку на место?

— Сперва нужно проверить, — ответил я.

Она спросил в недоумении:

— Как?

— Вот так, — ответил я и, приспустив стекло, выстрелил, тут же открыл дверь, слыша, как она завизжала за спиной:

— Ты с ума сошел?

Байкер уже с пистолетом в руке валится с седла, а второй, вместо того чтобы открыть огонь, торопливо газанул и ринулся на красный, что через долю секунды сменился зеленым.

Тело байкера с пробитым пулей шлемом в области виска рухнуло на асфальт. Я сунул пистолет за пояс и успел подхватить падающий мотоцикл.

За спиной из машины раздался крик Ингрид:

— Офонарел?

— Не груби, — ответил я.

Она заорала вдогонку:

— Ты ездить хоть умеешь?

— Культурному человеку это необязательно, — огрызнулся я.

Автомобили сзади остановились с жутким визгом тормозов. Люди начали высовываться, я заорал разгневанно:

— За любовниками смотри!.. Совсем озверели!

И унесся следом за первым байкером, старательно внушая себе, что мотоцикл — тот же велосипед, на котором всегда держался просто замечательно, только этот потяжелее и с двигателем внутреннего сгорания, как в моем автомобиле, так что ничего для меня нового...

И пусть сел сейчас в седло мотоцикла в первый раз, но устройство всего механизма у меня в голове, как и принципы вождения, так что помчался, слегка виляя вправо-влево, но быстро выровнялся, все-таки на велосипеде гонял по академическому городку, а это тот же велосипед.

Я успел проскочить на зеленый вслед за байкером. Этот гад уходит на большой скорости, не оглядывается, в зеркальце заднего вида прекрасно видно, что его преследуют, и понимает, что пре-

следует именно жертва, внезапно превратившаяся в хищника.

Лавируя между автомобилями, я еще на ходу подключаюсь к дорожным камерам и моментально считываю все, что происходит не только поблизости, но и что может понадобится, но мозг пока еще дурак, собирает и то, что хоть и важное, но никогда не пригодится...

На этом утяжеленном велосипеде с мощным мотором я не слишком хорош, спасает только, что хорошо просчитываю реакцию автомобилистов впереди и возможности их машин, потому мало-помалу расстояние между мной и байкером сокращается, сокращается...

Похоже, он запаниковал, проскакивает между авто на огромной скорости, задевая коленками, рискованно подрезает, стараясь выскочить вперед и оставить между нами хотя бы пару машин.

Хорошо бы всадить пулю в ногу или в колесо, но не удержу руль одной рукой, а байкер все наращивает скорость, влетел, нарушая все правила, в промежуток между домами, понесся через двор, но здесь скорость пришлось здорово сбросить, как и мне.

Он помчался через второй двор, третий, я взмок, никогда такого напряжения не испытывал, в висках стучат молоточки, но вытащил пистолет и, рискуя влететь в столб на полной скорости, выстрелил.

Байкер вильнул, похоже, пуля ударила в спину, как я и целился, но удержал руль и на большой скорости понесся между домами к выезду на улицу.

Навстречу неспешно въезжают «мерс» и «Ауди», шарахнулись от сумасшедшего в сторону уже после того, как он проскочил, замедленная реакция, но зато просторно для меня, только бы не сбить прохожих...

Фух, выскочил благополучно, байкер несется впереди, обгоняя автомобили. Камеры по дороге ликующе фотографируют его с пометками о штрафах за превышение, впрочем, как и меня.

Тело мое начало уставать, такая нагрузка все же чересчур, я не настолько еще окреп, пальцы уже едва удерживают руль...

Мы неслись друг за другом все на том же расстоянии, между нами всего два автомобиля, я снова вытащил пистолет и, с трудом удерживая руль одной рукой, приготовился стрелять.

Далеко впереди на светофоре вспыхнул желтый свет. Как водится, одни автомобили прибавили, надеясь проскочить до красного, другие начали притормаживать. Байкер, хоть находится за пять автомобилей до светофора, скорость прибавил.

Вспыхнул красный, но байкер останавливаться уже не стал, мне вообще показалось, что он руль держит, как и я, некрепко. Его байк пару раз опасно вильнул, но сейчас вынесся на открытый простор...

Но на той стороне, кому зеленый, тоже нашлись горячие парни, сразу рванули на полном форсаже. Байк почти проскочил, но мощный автомобиль спортивного вида с силой ударил его сбоку в заднее колесо.

Сам мотоцикл исчез под колесами, а тело байкера взлетело в воздух, с силой ударилось о бордюр.

— Тоже хорошо, — выдохнул я с хрипами в горле, будто пробежал марафон, — хотя, наверное...

Автомобили замедлили скорость, объезжая, но не останавливаются, все правильно. Я припарковал мотоцикл рядом, из спорткара выскочил бледный как полотно парень, закричал отчаянным голосом, уже видя себя за решеткой:

— Он сам летел на красный!..

Я сказал быстро:

— Это опасный преступник в розыске. Вы все сделали верно. Спасибо за помощь. Езжайте, вы мешаете движению.

Он посмотрел такими благодарными глазами, как никогда, наверное, не смотрели на КГБ, ФСБ или любую другую силовую структуру, ринулся к своему авто и поспешно рванул с места.

Я подбежал к упавшему, торопливо снял с него шлем. Молодой парень, угрюмое лицо и плотно сжатые губы, пульс не прощупывается...

За спиной раздались вопли:

— Не двигаться!.. Замри!.. Руки за голову!.. Лечь на землю!

Я завел руки за голову и сказал с досадой:

— Здесь не земля, а заплеванный асфальт!.. Сам ложись.

Тот же голос крикнул:

— Стреляю!

— И сядешь на десять лет, — сообщил я. — Давай цепляй наручники, и пойдем в твою колымагу.

Сзади засопело, второй голос крикнул:

— Вася, надень наручники, а я подержу на мушке. Что-то он слишком спокойный, не люблю таких.

Кто-то приблизился, грубая рука выдернула пистолет у меня из-за пояса, затем щелкнул металл, плотно охватив мои запястья, тот же человек пихнул меня в спину.

— Вон к той машине!

— Иду, — ответил я. — Проследите, чтобы убитого не трогали, пока не приедут... ну, те, кто приезжает.

— Иди-иди, — оборвал полицейский. — Садись!.. Осторожно, головой не стукнись, а то потом начнется насчет жестокого избиения озверевшей полицией.

Глава 12

Один сел со мной рядом, второй прыгнул за руль и торопливо погнал вперед, а минут через пять автомобиль лихо подкатил к зданию полицейского участка.

Еще когда подъезжали, я торопливо вошел в их сеть, быстренько пробежался по иерархии, синтезировал речь начальника полиции, это нетрудно, имея образцы голосов всех сотрудников участка.

Едва меня отправили в камеру и закрыли дверь на замок, у дежурного требовательно зазвенел телефон.

Я видел на экране, как там подняли трубку, участковый за стойкой проговорил лениво:

— Дежурный Карнаше... Что-что?.. Игнат Денисович!.. Да-да, простите... все сделаем... все-все, бегу!

Он бросил трубку, ринулся к мне, быстро отомкнул стальную решетку двери и вернулся к столу, старательно не замечая, как я выбираюсь из камеры и, вытащив по дороге из ящика стола конфискованный у меня «глок», на цыпочках прокрадываюсь к выходу из участка.

На всякий случай я стер все видеозаписи с того момента, как подъехала машина, доставившая меня сюда, будет простор для объяснений, у подъезда сел в тот же полицейский автомобиль и, выехав на трассу, позвонил Ингрид:

— Ты где?.. Я тут в кафе сижу..

Она закричала с такой яростью, что я отшатнулся от мобильного:

— Ты, гад... что творишь?.. Я тут с трупом, эксперты наехали...

— Вот и хорошо, — сказал я благожелательно. — Пусть свою работу делают, а ты чего там хлебалом щелкаешь?.. Езжай по трассе, подхватишь меня по дороге.

— А ты где?

— От того места кварталов шесть... нет, семь. По прямой. Подумать только, как близко, а как далеко!

— Стой там, скотина, — прокричала она. — Не сдвигайся ни на шаг! Уже еду!

— Бутерброд нехватишь? — спросил я. — Там как раз по дороге, даже из машины выходить не надо.

— Заткнись! Бутерброды ему!.. А марципанов не желаешь?

— Нет, — ответил я. — А вот на десерт пойдут и марципаны...

Я проехал еще чуть, развернулся, чтобы оказаться на одной стороне дороги, и едва успел прижаться к бордюру, как рядом возник и резко остановился, зло скрипнув шинами, автомобиль Ингрид.

Она выскочила, злая и взъерошенная, ахнула:

— Ты чего на полицейском?

— Стоял брошенный, — начал было я.

Она прервала:

— Обоих убил?..

— Ты чего? — спросил я в недоумении.

Она сказала зло:

— Знаю, как находишь брошенные! Тебе здесь не там, понял?.. Быстрее садись, пока не увидели!

— А я что, — спросил я в недоумении, — я ничего. Вижу, стоит...

— Возле кладбища?

— Зачем возле кладбища, — ответил я. — Возле полицейского участка. Штук пять! И все брошенные, представляешь?

Она оборвала зло:

— Ты мне голову не морочь! Кто это был?.. А где второй?.. Отдай, гад, пистолет, а то еще кого-нить убьешь. Та-ак, два патрона израсходовал... Значит, еще одного застрелил, а остальных чем? Топором?..

— Где бы топор взял? — спросил я. — Топор редкость! Это пистолетов навалом. Да еще атомные бомбы почти у каждого, время такое интересное. В общем, даже не пытаюсь догадываться, кто это был и почему так. Ученые не любят догадки, нам подавай твердые факты. А вот женщины, да, фантазируют...

— Тогда давай факты, — потребовала она. — А я уже на основании, чтобы была опора для фантазии.

— Как будто вам нужна опора, — сказал я недовольно. — В общем, они двое почему-то преследовали нас...

— И ты не сказал?

— Не успел, — ответил я с надлежащей виноватостью. — Он подъехал и начал вытаскивать пистолет, но я успел раньше.

— Ну да, — сказала она саркастически, — ты всегда успеваешь. Именно чуть раньше.

— Тогда ты все знаешь, — сообщил я. — Второй убегал, но нарушил дорожные правила, попал в аварию. Вот и все. Там приехали те, кто должен в таких случаях.

— А ты?

— А я хамелю-хамелю тихохонько тебе навстречу. Мотоцикл оставил, он же не мой.

— А полицейский автомобиль?

— А он общий, — пояснил я. — Государственный, а государство — это мы. Теперь им кто-то другой попользуется. Может быть, даже сама полиция.

— Сообщу Мещерскому, — сказала она решительно. — Что это такое, еще работать не начали, а уже такое...

— А это точно не твои любовники? — спросил я. — Или обиженный муж решил нанять киллеров...

— У меня нет мужа, — огрызнулась она. — Мне тоже иногда везет!.. Кстати, куда дел второй патрон?

Я поинтересовался:

— А слабо предположить, что стрелял дважды?

— Слабо, — ответила она. — Ты стреляешь, как Верная Рука друг индейцев.

— Увы, — ответил я, — второму попал только в жопу. От обиды он влетел под автомобиль, а потом убился о бордюр. Так что тоже ничего не скажет.

— Как и первый, — буркнула она. — Ладно, пусть прогонят по всем базам данных их фотографии. Вдруг что накопают. Кстати, что ты тогда сказал насчет культуры?

— А я научился ездить, — ответил я, — когда еще был некультурным.

Она смерила меня недоверчивым взглядом.

— Мне всегда казалось, ты и родился в галстуке.

— Где ты у меня видела хоть один галстук?

— Ты хоть и без галстука, — отпарировала она, — но все равно в галстуке, как Чехов в футляре.

— Может быть, — сказал я нерешительно, — вызывать спецназ, пусть посмотрят здание, откуда выехали?

Она резко повернула ко мне голову.

— Ты что?.. Откуда знаешь?

— Камеры дорожного движения, — сообщил я. — Слышала о таких?.. По всей трассе можно проследить, как ехали и на какой скорости, кто ехал рядом, общались или нет...

— А здание?

Я вздохнул.

— Прослеживаются до самого гаража, откуда выехали, но уже в шлемах, лиц не видно... Впрочем, у мертвых те же лица, что-то туплю...

— Это от стресса, — обнадежила она. — Ты должен чувствовать сильнейший стресс... Ты же его чувствуешь?

Я зевнул, сказал с протяжным подвыванием:

— Еще какой... Бутерброд все-таки не привезла? Бесчувственная ты. Равнодушная. Давай вон там остановимся на минутку, пару бутеров сгребем и по стаканчику кофе.

Она сказала едко:

— У тебя от стресса аппетит повышается? Да-да, вижу, все время в такой волнительности, что жрал бы не переставая.

Над дверьми кафе красивой вязью бегут буквы «Scenario Caf», я подумал, что быстро Роман расширяется, скоро империю создаст, Ингрид быстро и решительно вошла в помещение, на ходу повелительно бросила:

— Два бифштекса... но без крови, блинчики с мясом и два эспresso! Счет сразу, спешим.

Официантка всплеснула руками.

— Ой... А у нас сегодня уроки танцев!

— Да, — согласился я. — Нам как раз так хочется потанцевать, так хочется, что просто свербит в одном месте, гузном называется по-латыни... Вон моя

девушка умеет голой у шеста. Ах, у вас и шеста нет? Что ж вы такие консерваторы?.. Тогда еще и два бутерброда с собой.

— За наш счет? — спросила она растерянно.

— За меня женщины платят, — сказал я хвастливо. — Так что за наш.

Ингрид сердито сверкнула глазами, я прошел к барной стойке, пусть поговорит с Мещерским по закрытой связи, а когда выбрал, какие бутерброды завернуть, она еще выслушивала, кивала тихонько, а когда я сел и принялся за кофе, сказала торопливо, косясь в мою сторону орлиным глазом:

— Да-да. Все сделаем. Не беспокойтесь!

— И как? — спросил я.

— Похоже, — сказала она, — расследование затянется. Зато все сделают тщательно.

— Намек понял, — сказал я. — Жри быстрее и поехали. Ты что, не можешь как утка? Они жаб целиком глотают.

Она поморщилась.

— Ну и сравнения у тебя. Сам ты жаба... А трупы потом куда девать?

— А мы при чем? — спросил я в удивлении. — Они сами приходят уже убитыми. Да ладно, какие трупы?.. Мы же в Москве, не в Йемене каком-нибудь диком, где алибабы и басмачи... даже не знаю, почему у тебя такие дикие мысли!..

Она посмотрела косо.

— Ну да, это по йеменскому шоссе ты прошеле-стел на краденном байке!..

Прихватив в бумажном пакете запас бутербродов, мы заторопились на улицу, Ингрид замешкалась, все еще в сомнениях, я подошел к ее авто и в нетерпении постучал ногой в дверцу.

— Сим-сим, открой дверь!

Дверь распахнулась, Ингрид обошла с той стороны, буркнула:

— У нас говорили «Сезам». Садись, убивец. Пристегнись, теперь снова штрафуют.

— За пристегнутый? — изумился я.

— Да, — отрезала она. — И за окурки в окно. За тобой не уследишь! Ну и что, если не куришь? А окурки можешь бросать направо и налево. Ученые — народ чудаковатый, все знают, а с народом не спорят. С простым, имею в виду, не спорят. Городской бюджет снова в перерасходе, нужно пополнить. У нас Россия, а у нее все еще русский характер.

— Ничего, — пообещал я хищно, — и Россию осингулярим! Нечего ей кичиться уникальностью.

Она вздохнула.

— Как с тобой страшно...

— ...жить?

Она поморщилась.

— Жить с тобой я не стала бы даже за марципаны. Даже сидеть рядом страшно.

— В кафе или где-то в другом месте?

Она фыркнула и вперила взгляд в дорогу, где надо сразу на выезде вписаться в стремительное движение проносящихся мимо большегрузных трейлеров, что сомнут и не заметят...

Глава 13

Еще подъезжая к зданию, из гаража которого красиво так выметнулись те двое байкеров, я просмотрел сети внутри и вокруг. Все привычно и обычно, за исключением одного места на верх-

нем этаже, где четыре комнаты защищены не только лучшими файерволами, но и двумя оригинально сконструированными программами, чья обязанность замечать любые попытки прощупать защиту, не говоря уже о попытках взлома.

Ингрид посмотрела, как я положил на колени планшет и вожу пальцем, передвигая непонятные ей символы и заменяя один другим.

— Ну что?

— Просматриваю записи, — пробормотал я. — Да, можно и вот так... только это не графика, а цифровой код... Там точно не продуктовый магазин и даже не поликлиника со свободным доступом пациентов.

— Строгий допуск?

— Чтобы войти, — сообщил я, — требуются электронные пропуска сотрудников. Сама знаешь, теперь уже не требуется носить пластиковую карточку и совать ее в щель идентификатора.

— Знаю, — отрезала она. — Видеокамера еще за сотню метров рассматривает морду, сличает с картотекой и дает двери разрешение пропустить, что создает иллюзию свободного доступа.

— Или чип идентификатора, — добавил я, — зашитый в кожу. Теперь они с маковое зернышко, хрен заметишь... Да-а, сложно. Нам не войти в их фирму. Там такие файерволы, даже не знаю. Просто неприлично...

— Почему? — потребовала она.

— Фирма простенькая, — ответил я, — секреты у них какие?... Гроша ломаного не стоит. Да что там гроша, даже доллара, судя по вчерашнему курсу... Но когда защита, словно у нас под носом отделение ЦРУ, то гм...

— Сообщить Мещерскому? — предложила она. — Пусть все узнает, а есть здесь криминал, то...

— ГРУ насрать на криминал, — напомнил я, — ты контрразведка или кто?.. Хотя и бывшая. Криминал ловит полиция. А какая у нас полиция, уже знаем.

Она спросила с угрозой.

— Какая?

— Любой хороший полицейский, — ответил я искренне, — имею в виду, хороший профессионал, старается перейти в криминал, там платят больше. Это соответствует демократичным ценностям заботы о человеке.

— Гад ты, — сказала она в сердцах, — всегда все перевернешь!

— Чтобы лучше рассмотреть, — пояснил я. — Нельзя смотреть однобоко. Однобоко — это тоталитаризм, а видеть все, даже говно в прямой кишке, — это и есть демократия. Видеть говно — не значит не замечать кусты с прекрасными розами. Самые красивые и пышные розы растут там, где больше всего говна в земле. Это и есть демократия.

— Все равно ты гад, — сообщила она. — О некоторых вещах не говорят даже демократы.

— Значит, — ответил я, — недостаточно демократы... Ничего, мы их научим любить демократию.

Продолжая этот незначущий треп, который Ингрид воспринимает всерьез, я быстро просмотрел в деталях, что из себя представляет структура за тремя файерволами, и понял сразу — никакая защита пока что не соперник человеческим мозгам.

Особенно если те работают со скоростью компьютера. Надо только поменьше о ценностях наступающего мира, Ингрид все-таки в какой-то степени

женщина, а женщины консервативнее самых упертых пенсионеров.

— Пойдем заглянем? — предложил я.

Она чуть наклонилась, рассматривая через ветровое стекло все здание от крыльца и до крыши.

— А сумеем?

— Насколько сумеем, — ответил я. — Вежливость ничего не стоит, но приносит много.

— А если твою особую вежливость не поймут?

— Мир несовершенен, — ответил я невесело. — У многих старинные морально-этические ценности, основанные на феодально-клановых устоях. Даже тебя мои современные шокируют, а что уж говорить о двуногих... Только и слышу, что гад, а вот что-то хорошее...

Она ответила чутьочку раздраженно:

— Тебя еще не застрелили, чтобы говорить о тебе только хорошее!

— Но тогда могу не услышать, — сказал я.

— Да? — спросила она озадаченно. — Как-то не подумала... Ладно, когда вспомню о тебе что-нибудь хорошее, скажу.

— А ты соври, — сказал я. — Я же тебе вру постоянно, и ты соври!

Она буркнула:

— Нет уж, такое слишком. С тобой так... интересно, что на вежливость у меня просто не остается ни сил, ни времени... Что еще понял, профессор?

Я ответил медленно:

— Хорошее было время в начале компьютеризации и первых шагов Интернета... Тогда даже самый слабенький программист мог за десять минут написать вирус или шпионскую программу.

— Помню, — ответила она. — Масса хулиганских программ...

— Именно хулиганских, — согласился я. — А что теперь?

Она кивнула, понимает: когда защита усложнялась, взламывать стало труднее. Хулиганство потому и прекратилось, что стало тяжким трудом. Программы в новых условиях начали писать только для того, чтобы где-то у кого украсть денег.

Но с усилением защиты хакерам приходилось объединяться, покупать более мощное оборудование. Казалось бы, вот-вот их профессия умрет, потому что у государства все равно ресурсы выше, однако власть начала терять позиции, а транснациональные компании сосредоточили в своих руках огромные средства. Под средствами нужно понимать не только деньги.

И вот в этом случае, когда под крылом могучей корпорации существуют такие вот полулегальные гнезда, они могут воровать через Сеть секретные данные, что стоят даже не миллионы, а сотни миллионов долларов.

Конечно, если можно вот так украсть чертежи новейшего самолета или автомобиля, то кто будет вкладывать сотни миллионов долларов на собственные разработки, да еще и терять при этом годы напряженного труда?

Я старательно рылся в файлах, без всякой системы пока что сваленных кучей в общих папках, прослеживал пути, особенно любопытно выглядит работа некого Гавроша. Сейчас вот прыгает по всем серверам мира, замечая след, теперь это так просто даже для школьника, но если присмотреться, можно уловить некие закономерности, а это дает слабо улавливаемый туманный след... Правда, для этого нужно пользоваться суперкомпьютером хотя бы на

уровне старенького Блю Джина, иначе облом, но у меня ресурсы пока что помощнее всех суперкомпьютеров мира, вместе взятых.

Ингрид настороженно поглядывает то на меня, то поверх руля на здание, добротное, массивное, когда-то здесь была окраина Москвы, но теперь выросли целые кварталы высоток, а такие вот дома остались реликтами прошлого.

Банки, корпорации, крупные структуры стремятся строить собственные современные здания, а у кого недостает средств, арендуют в таких же ультра-современных высотных, что престижно и заметно.

Однако некоторые структуры предпочитают именно такие отдельно стоящие здания. Как, например, наше. Или подобные нам. На этой они или той стороне закона.

— Думаешь, — проговорила она с сомнением, — нас вот так и пустят?

Я поинтересовался:

— А мы ГРУ или не ГРУ?

— Мы не прежнее ГРУ, — напомнила она раздраженно. — Да и прежнее работало только за рубежом.

— А мы не можем как...

— И как ФСБ не можем, — отрубила она. — Все только в рамках закона! Ты как-то понимаешь нашу роль слишком... по-простонародному. Теперь у нас демократия, это значит, демократы нас за любое нарушение закона затопчут, заплюют, забодают и вообще...

— Агитация госдепа, — согласился я, — тлетворно действует даже на кристально чистый разум ученого. Хотя...

Она с растущим подозрением всмотрелась в мое одухотворенное лицо.

— Что, гад, задумал?

— Да так, — ответил я, — зайдем под прикрытием.

— Каким? — спросила она сварливо. — О прикрытии нужно договариваться заранее! Прикрытие не сами берут, а его дают сверху! После особой подготовки.

— Да ладно, — ответил я, — то глобальное, надолговое, а мы так, разовое. Как билетик в метро на одну поездку. Пойдем! Или тебя привлечь за неподчинение старшему по званию? Кстати, а какое у меня звание?

— Обойдешься, — отрезала она. — Тебя самого привлекут за самоуправство. Да иду я, иду!

Из автомобиля выбралась все же с неохотой, он как бы дает добавочную шкуру и прибавляет уверенности, хотя у современных женщин ее и так уже выше крыши.

На крыльцо я поднимался властный и уверенный, даже перед зеркалом не нужно тренироваться. Хотя умом понимаю, могу и нарваться, но глупейшее чувство, что все не всерьез, а всерьез только моя работа в лаборатории, она продвигает все человечество хотя бы на миллиметр, а это вот все дикость, варварство, размахивание каменными дубинами, как стыдно, и в то же время тревожно, что в наше время высочайшей технической культуры такое вот все еще неотъемлемая часть жизни...

Ингрид пихнула в бок

— Ненавижу, когда у тебя такое выражение!

— Какое?

— Такое!

Я вздохнул.

— Ингрид, здесь не бандиты какие-то, а компьютерщики. Их стрелять не придется. Дай-ка сюда твой пистолет.

Она не успела рот открыть, как я выдернул ее пистолет из кобуры, сунул себе сзади за пояс и потянул на себя дверь.

Ингрид раскрыла рот для протеста, но дверь открылась легко и просто без всякого сопротивления, я ж, пока брался за ручку, прошелся по их системе идентификации, дал себе и спутнице пропуск, потому вошел не просто свободно, а по-хозяйски вольно и раскованно.

Из-за стола слева от входа вскочил громадный мужик, уже злой и недоумевающий, быстро обошел стол, загораживая нам дорогу. Стойка нехорошая, что я сразу оценил, из такого положения хорошо выхватывать пистолет, нож, да и просто бить кулаком быстро и прицельно.

— Как такие? — проревел он грозно. — Как вошли?

— Ну шуми, — ответил я. — Хозяин прислал. Нечисто работаете, вот что. Внушение вам такое...

Он нагнул голову еще больше, быстро зыркнул на Ингрид, я не кажусь таким опасным, как эта красивая женщина, все мужчины знают, самые ядовитые змеи как раз и самые красивые.

— Вы о ком?

— Ах, — сказал я, — так ты не допущен к первым лицам?.. Ну тогда веди нас к главному... Это еще Кулагин или Степанченко сумел подсидеть...

Он заколебался, но прорычал зло:

— Никто не пройдет!.. Ну-ка, выворачивайте карманы!

Ингрид не успела ответить, как он выхватил пистолет и направил ствол ей в грудь.

— Ингрид, — сказал я, — не двигайся.

Страж сказал со злобной усмешкой:

— Точно сказано. Ну-ка, очень медленно...

Он не сводил с нее глаз, я выхватил пистолет, оба они даже не успели повернуть головы, как я сказал резко:

— Полиция!.. Бросай оружие!

Он медленно посмотрел в мою сторону, на лице медленно проступило изумление, там же медленно начал поворачивать пистолет от Ингрид ко мне.

Когда воображаемая линия выстрела из дула его пистолета пролегла между нами с Ингрид, люблю математически точные решения, я надавил на курок.

Выстрел прозвучал как-то тихо, амбал отшатнулся, ударился затылком о стену и сполз по ней на пол, а на стене осталась широкая красная полоса.

Ингрид велела быстро:

— Отдай пистолет, сволочь! Ты же сказал...

— Компьютерщиков не стрелять, — подтвердил я. — А это не компьютерщик, даже блондинкам понятно.

Она сказала с бессильным отчаянием:

— Что ты наделал... Теперь наверх, если там еще не всполошились!

— Слушаюсь, — ответил я.

Отдав ей оружие, я подхватил пистолет охранника и побежал за нею через холл. Она зло бросила на ходу:

— Нельзя вот так убивать! Нужно арестовывать...

— Не важничай, — ответил я. — Думаешь, дело в тебе? Или трясусь за твою красивую шкурку? Подумаешь, убил бы капитана... Ерунда.

Она прошипела зло:

— А что важно?

— Что он не просто в розыске, — пояснил я, — а после того, как сбежал из тюрьмы, убил двоих только для того, чтобы ограбить и забрать документы. Это нехорошо вообще-то. Убивать можно только по делу, а не потому что.

Мы начали осторожно подниматься по лестнице, Ингрид переспросила с недоверием:

— В розыске? Сбежал из тюрьмы?

— Проверишь.

— Проверю, — пообещала она. — Может, стоит вернуться и вызвать специалистов?

— А мы кто? — спросил я оскорбленно. — Обижаешь, женщина... Посмотрим, что там еще. А то теперь точно сбегут так, что с нашей доблестной и быстрой, как госпожа Тортила, полицией и не разыщешь.

На втором этаже короткий коридор ведет влево, там всего две комнаты, и вправо, там тоже две, а третьим этажом здание и заканчивается.

Она сказала повелительно, как крутой спец, много раз уже прочесывающий комнаты в таких ситуациях:

— Я смотрю правый коридор, ты левый!

— Как скажешь, госпожа, — ответил я. — Как же люблю подчиняться...

Она не ответила, свернула направо, там пинком открыла дверь и, держа пистолет в обеих руках, быстро вдвинулась вовнутрь.

Я проводил ее взглядом, пошел налево, уже чувствуя, что за первой дверью пусто, добрал до второй, вошел. Тот же стандарт, словно эти помещения используются для кратковременного отдыха сильных и свирепых мужчин, такое ощущение, что бук-

вально наваливается от стен, потолка и пола, жесткостью пропитана даже немногочисленная мебель...

За спиной пахнуло неприятным холодом, но еще не опасность, а только угроза, я быстро развернулся и присел за диваном.

Дверь отворилась, вошел мужчина с типичной фигурой десантника и даже с его крадущимися движениями, только пистолет у него в руке с глушителем...

Выждав, когда пройдет мимо, я неслышно поднялся и сказал резко:

— Стоять!.. Не двигайся!

Он резко развернулся, одновременно поднимая пистолет, я успел понять по злому лицу, что сейчас грянет выстрел, а такие люди не промахиваются, и торопливо нажал на спусковую скобу.

Выстрел грянул оглушающе громко, чужака отбросило к стене, во лбу возникла черная дыра. Глаза его все еще смотрят на меня с изумлением и ненавистью, но ладонь с пистолетом пошла вниз, ноги подогнулись.

Ингрид вбежала, когда незнакомец рухнул на пол.

— Что ты за человек?.. — крикнула она. — Нельзя же вот так просто! А поговорить?.. Пообщаться? Зачем убил?

— А почему нет? — ответил я. — Он же противник. Даже враг. Нельзя упускать возможность проредить ряды антагонистов.

Она сказала с сарказмом:

— А их восемь миллиардов, да?

Я двинул плечами.

— На самом деле немножко меньше. А что, у тебя есть другие варианты?

— Конечно, — воскликнула она. — Человеку свойственно меняться. Сейчас он враг, а завтра по-

сле настойчивых бесед с психоаналитиками и соответствующими структурами уже и не враг.

— Ну и что? — спросил я. — Мы-то здесь и сейчас.

— Зверь, — прошептала она.

— Под другими вариантами, — сказал я педантично, — я имел в виду варианты получше. У тебя там как?

— Чисто, — ответила она сварливо.

— Тогда проверим третий, — сказал я. — Думаю, там вообще одни высоколобые.

Она фыркнула, но промолчала, пистолет зажат в обеих ладонях, двигается на полусогнутых, готовая в любой момент к выстрелу, а я сам показался себе беспечным ковбоем, что идет во весь рост, не пригибается, а пистолет готов выхватить все равно быстрее противника... хотя у ковбоев пистолетов еще не было, только револьверы, но все равно выгляжу как-то глуповато, и хотя в современном мире все правила поведения отменены, однако же...

На третьем этаже лестница кончилась, по обе стороны всего лишь по двери, одна чуть ли не выгибается изнутри под напором хеви-метал.

Ингрид мощным пинком отворила толстую дверь, оббитую звукопоглощающим материалом. Навстречу прямо в лоб ударила мощная какофония современной дури, именуемой музыкой.

Двое парней расположились в креслах, лицами к большим экранам, к нам спинами, на ушах широкие наушники на полголовы, не представляю, как слушают, если в самой комнате у меня застонали барабанные перепонки.

Ингрид сделала шаг вперед, я думал, что выключит динамики, но женщины на такие сложные

решения не очень, просто выдернула шнур из розетки.

Мгновенно наступила тишина. Один повернулся тут же, второй тупо пощелкал тумблером, хоть звук вообще-то можно переключить простым касанием, а то и голосом.

Я всмотрелся в их лица, разница в возрасте невелика, но один еще чистая душа, а второй успел пройти Крым и Рим, лицо злое, в глазах то выражение, которое раньше называли коварством, а теперь это просто деловой взгляд на конкурента.

— Ингрид, — велел я, — загляни в комнату на той стороне. Так, на всякий случай.

Она кивнула.

— Обыщу внимательно.

Как только выскочила в соседнюю комнату, я сказал негромко:

— Ребята, вы вляпались. Что делаете в этом бандитском притоне?.. И на какую сволочь работаете?

Глава 14

Первый слушал с ужасом, глаза стали перепуганными и по-детски отчаянными, побледнел, губы задрожали, будто вот-вот заревет, однако второй хоть и струсил, однако ищет, как вывернуться, не сдавая позиций.

Быстро просмотрев о нем все, что доступно в Сети, убедился, что физиономист из меня нехилый: этот шустрый малый был пакостником еще в школе, уже тогда подворовывал, торговал наркотиками, несколько раз бывал в милиции за мелкое хулиганство, а теперь вот у него шанс сорвать

большой куш, в смысле, его взяли серьезные ребята в группу, пообещали большие деньги.

Дышит он все чаще, зрачки малость расширены, блин, под кокаином, не иначе, а рука незаметно, как он считает, тянется под столешницу.

— Знаете, — сказал я, — лучше отсидеть пару лет, но покончить с этим вот, во что влипли...

Его рука задвинулась под стол еще глубже, я почти видел по сокращению его мускулов, как пальцы нащупали рукоять пистолета, как сжал ее в ладони.

— А во что мы влипли? — спросил он нагло и кивнул на перепуганного напарника. — Вот он во что влип?

Я, как он и хотел, перевел взгляд на паренька, сказал с сочувствием:

— Его зацикленность на мощных компах и привела к...

Он выхватил пистолет и только начал поворачивать ствол в мою сторону, я выстрелил. Пуля ударила его в лоб, опрокинула на стол, а оттуда он сполз на пол.

Второй застыл как соляной столб. Дверь распахнулась, вбежала Ингрид с пистолетом в руке.

— Что?.. Опять?

— Я же не так представляю работу наших служб, — пояснил я. — Я неграмотный и плохо представляющий. У меня совсем нет широты военного воображения. И глубины их философской мысли.

Она прошипела:

— Так представляй правильно!

— Не могу, — признался я. — Опуститься до такой оксиморонности не могу. Грамотность не позволяет.

— Чего-чего?

— Я интеллигент двадцать первого века, — ответил я и уточнил: — Для второй половины уже типичный. Ладно, осталось этого пристрелить...

Парнишка возопил:

— Не убивайте!.. Я же не преступник!

Я окинул его быстрым взглядом. Конечно, в кино это выглядит эффектно, когда мальчишка-хакер с легкостью взламывает сервер Пентагона или ЦРУ, чтобы взять оттуда чертеж космического корабля или новейшего оружия и, распечатав, повесить на стенку, но это, конечно, нелепость, рассчитанная на домохозяек.

И дело не только в том, что никакой мальчишка не взломает такой сервер, взломами давно уже занимаются команды высококлассных спецов с таким оборудованием, что и в Пентагоне его установили только вчера... а в том, что сервера всех секретных организаций просто не подключены к Интернету.

У них своя внутренняя сеть, локалка, а выхода в инет попросту нет. Потому никто не в состоянии взломать сервер секретной службы даже теоретически.

Я поинтересовался с сильнейшим сомнением в голосе:

— И почему я не должен тебя застрелить?

Он сказал торопливо:

— Только не стреляйте!.. Я белый хакер, совсем белый!

— Белый и пушистый, — прорычала Ингрид, бросила на меня косой взгляд. — Что за хрень?

— Белый, — пояснил я, — значит этичный. Этичный хакер. Так даже в документах. Это не жаргон, классификация.

Она спросила зло:

— Как такое может быть в документах?

Я перевел взгляд на парнишку, он заторопился, заговорил быстро-быстро, почти глотая слова:

— Информацию получаю, ничего не взламывая! Даже самую засекреченную!.. В любом программном коде есть уязвимости, все спешат выпустить готовый продукт, так что моя работа не считается незаконной. Даже неэтичной не считается! В нашем круге...

Она сказала совсем зло:

— Понятно, не ломаешь замок ломиком, а открываешь отмычкой?

Он запнулся, посмотрел на нее трусливыми глазами.

— Это не совсем то...

— Но все равно выносишь из квартиры вещи, — продолжила она жестко, — хоть двери аккуратно закрываешь за собой... Понятно. От пяти лет до двенадцати в тюрьме строгого режима. Собирайся!

Я поинтересовался:

— Защиту кто ставил?

Он сказал жалобно:

— Я...

— А почему не воспользовался готовыми файерволами? Денег жалко? Мог бы крикнуть.

Он поморщился, несмотря на страх перед Ингрид и даже передо мной.

— Да что это за файерволы... За полчаса можно взломать. Но поставить свою защиту... это же не противозаконно?

— Смотря где, — сказал я. — Ты защищал преступную группировку. Понял, почему тебе грозит большой срок?

— Но я ничего такого не делал!

— Участие в преступной группе, — напомнил я, — карается даже строже, чем если бы ты выходил ночью на улицу с ножом и грабил в одиночку. Даже и не знаю, парень, что для тебя сделать...

Он уловил нечто в моем голосе, вроде бы рассчитанное на ответ и встречное предложение, взмолился:

— Я же не знал!.. Я же просто работал!.. Тут такие возможности!..

Ингрид тоже ощутила изменение в моем голосе, предположила:

— Если он выдаст своих сообщников, ему скотят срок?

— Он бы и рад, — ответил я, — но в самом деле ничего не знает... да и знать не хотел. Ты еще не встречала гиков, с головой заикленных на мощных компах? Знакомься, один из них. Проценко Иван Пилипович, в сетях пишет под ником «Гаврош», в хакерских кругах уже известен как «Рука Мордора», в баймах не столько играет, сколько зарабатывает хакингом мешки голды...

Он смотрел на меня в священном ужасе, рот медленно открывался все шире.

Ингрид поинтересовалась с недоверием:

— И еще никого не убил?.. Все равно тюрьма.

Я проговорил нерешительно:

— Да, конечно... Хотя крохотный шанс спастись от тюрьмы есть...

Она нахмурилась, заранее не одобряя, а он вскрикнул тоненько:

— Только скажите! Все сделаю!

— Возьмем тебя, Гаврошик, на поруки, — ответил я. — Будешь работать у нас. Скажу сразу, у нас

и компы мощнее, и масштабы пошире. Но работать придется на родное отечество, а там ошибаться нельзя, понял?..

Он посмотрел на труп и лужу крови, пролепетал:

— Все, что угодно... Только не в тюрьму...

— Быстро скинь на флешку, — велел я, — все для тебя ценное. Сейчас здесь будет ад.

Он сказал быстро и разом оживая:

— Можно я все внешние харды заберу?

— Бери, — разрешил я. — Только быстро!

Ингрид сказала с отвращением:

— Вот свинья, еще и украсть что-то хочет!

Гаврош метнулся к своему столу, сгреб флешки и накопители, пробежался по двум другим и через минуту уже тащил по полу тяжеленную сумку, равную половине своего веса.

— Видишь, — сказал я Ингрид вполголоса, — деньги он бы не взял, а вот харды, накопители, флешки... все сгреб!.. Эй, ты все забрал?

Он сказал клятвенно:

— Нет, только твердотельные!.. А можно я и внутренние сниму? Сам ставил, мне по три секунды на комп!

— Богато жили, — буркнул я, — давай, только быстро. И сразу тащи в машину. Ингрид, проводишь, а там запрешь.

— Чтоб не сбежал? — спросила Ингрид. — А можно пристрелю за попытку к бегству?

— За попытку бегства не стреляют, — напомнил я, — но по глазам вижу, он задумал напасть на тебя прямо на лестнице и отобрать табельное оружие, а за это можно...

Гаврош взвизгнул, попятился.

— Как я могу напасть, когда у меня здесь четыре петабайта? Думаете, я такое сокровище брошу?

— Тогда пусть тащит сам, — сказала Ингрид, — а то этот дохлик попросит помочь нести... А я тут еще пройдуся, вдруг кто спрятался. Дом не большой, но мебели много.

— Пусть тащит сам, — согласился я. — Правда, твоя машина заперта, но он откроет легко.

Она выругалась и сказала ему резко:

— Бери диски, и пойдем быстрее!

Я заглянул еще в комнаты, а Ингрид с Гаврошем пошли с сумкой по лестнице и сразу поспешили на улицу, там взяли за ручки и понесли вдвоем, хорошо, это их займет, а я по дороге заглянул в полуподвальный этаж, что-то мой обостренный нюх подсказывает, там тоже что-то пусть не запрещенное, но странноватое...

Так и есть, у входа на столике две заправленные зажигалки, под низким сводом целый ряд баков дизельного топлива и канистры с бензином, разве что для генераторов электричества, там как раз по ту сторону двери стоят два, один под дизельное, а другой, поменьше, что работает на бензине.

Сейчас неважно, как работают, я быстро разлил из двух канистр по полу и, крутнув колесиком зажигалки, швырнул ее с пылающим огоньком в растекающуюся лужу бензина.

Ингрид уже заперла в машине Гавроша и повернулась к зданию, но только сделала шаг, как я сбегал с крыльца, размахивая руками.

— Назад!.. В машину!

Она охнула:

— Что случилось?

— У меня предчувствие, — крикнул я. — Как у муравья перед лесным пожаром!

— Какое...

— Смутное, — сказал я быстро, — но нехорошее...

В доме раздался мощный взрыв. Стальная дверь выдержала, но окна с треском вылетели на первом и втором этажах. Страшный оранжево-багровый огонь победно рванулся наружу, но здесь жрать нечего, и торопливо покарабкался вверх, настолько жаркий, что вот-вот расплавятся сами стены.

Как только я ввалился на правое переднее сиденье, Ингрид поспешно вырулила на улицу. Гаврош пригнулся за нашими спинами, а я все еще видел, как за нами расцветают такие красочные взрывы, словно взрываются цистерны с бензином, огонь становится еще жарче, оранжевый настолько, что почти белый.

Тугие волны горячего воздуха ощутимо догоняли автомобиль, пока он разворачивался и выруливал на улицу.

Ингрид сказала озлобленно:

— Не думала, что ты охотник до таких зрелищ! Хотя да, ты признавался, что пироманьяк.

— Пироман, — поправил я с укором. — Это не одно и то же! Ты совершенно лишена эстетического вкуса.

— Но ты выскочил из огня, как ангел ада!.. Там огонь до неба, что там было?

Я огрызнулся:

— Откуда я знаю? Убегал, как заяц, не оглядывался. Страшно-то как..

— Ага, — сказала она саркастически. — Страшно ему!.. Даже дыхание не ускорилося. И голос все такой же сонный. Ты хоть обертонов добавь, робот несчастный... Что будем делать с пленным?

— Сперва допросим под зверскими пытками, — ответил я, — потом закопаем где-нить. Неглубоко.

— Чтоб лесные зверушки полакомились?

— Так далеко не поедem, — решил я. — Просто бродячие собаки всегда голодные...

Гаврош пропищал на заднем сиденье:

— Я же все сказал!.. И зачем вам меня пытaть, вы же на работу меня тащите?

Она посмотрела на меня в изумлении.

— Ты ему такое сказал?

— Я намекнул, — ответил я, — а дальше он сам догадался. Хакеров всегда стараются пристроить себе на службу. Понимает, паршивец... Наш шеф не говорил о кадровом голоде?.. Блин, восемь миллиардов двуногих на свете, а умных не набирается и миллиона!.. Да о каком миллионе речь, это я так, чтоб не слишком уж тоскливо... Ингрид... Это я должен быть интеллигентом, не ты, но если даже я взялся за пистолет, то в мире поменялось не к добру очень-очень многое.

— Что?

— В мире жажда насилия!.. — пояснил я с тоской. — Именно жажда!.. Посмотри, сколько фильмов о благородных киллерах... как будто эти твари могут быть благородными! Как упиваются, смакуя все убийства, выстрелы в упор, выстрелы из снайперской, что разносят голову, как гнилую тыкву... А когда из базуки в упор?.. Весь кинозал визжит в восторге.

Она охнула:

— В самом деле? Давно в кино не была.

— Да при чем кино? Это везде: в новостях, социальных сетях, на всех форумах, даже бытовое насилие растет как на дрожжах. Человеческий вид изголодался по большой кровопролитной войне. Мы тоже лемминги, нам нужно что-то эдакое... Посмо-

три, что в сетях творится! Какие страсти кипят на форумах!.. И все требуют убивать, жечь, истреблять, уничтожать...

Не слушая, она нажала на мобильнике кнопку экстренной связи с Мещерским, прокричала:

— Красный код!.. Преступная группа со связями на высшем уровне!.. Требуется прикрытие третьего эшелона!

Я молчал, а она некоторое время слушала, снова сказала быстрым голосом торопливо и виновато:

— Да, у нас получилось грубовато, но все свалилось так неожиданно... мы просто не успели отступить.

Я смотрел с сочувствием, ее лицо становилось все печальнее, наконец, закончив разговор, сказала мне почти враждебно:

— Даже не понимаю, какой ты профессор, если такой несерьезный!

Гаврош на заднем сиденье даже приподнялся, уши вытянулись, как у жирафа, а я заверил:

— Ингрид, в работе я дико серьезен.

Она ощерилась:

— А здесь тебе что?.. Хаханьки?.. Шуточки?.. Сейчас нас на ковер за такую самостоятельность!

— А где наша самостоятельность? — напомнил я. — Не оправдывайся, скажи, что так и задумано. Мы разгромили местную ячейку некой хакерской группировки. А она наверняка на содержании какой-то преступной корпорации, действующей легально.

— Чего так решил?

— А сейчас они все под чьим-то крылом, — пояснил я. — Не успевают вырасти, как их пригрева-

ет какая-нибудь преступная или полупреступная группа. Или легальная, но все равно преступная... Гаврош, ты слышал?.. Мы тебя не отмазали, а всего лишь заменили условным сроком. С отбыванием при строгом режиме.

Он спросил торопливо:

— Но разве мне какие-то обвинения предъявили?

— Если хочешь, — сказал я, — предъявим. Но тогда только за решетку!

— Нет, — вскрикнул он тонким голосом. — Я буду делать то, что скажете.

— Но только забудь о правах, — посоветовал я. — Ты преступник, и пока не отмоешься трудом праведным, так и будешь всегда на прицеле. Помни, у нас не промахиваются. И никаких тебе адвокатов.

Он помрачнел, но у подростков уныние не бывает долгим, спросил с надеждой:

— А заниматься буду чем?

— Самой важной работой на свете, — пояснил я. — Будешь находить угрозы по всему свету. Понял? А твои находки будут передаваться правительствам тех стран, на территории которых готовятся эти теракты или другие пакости.

— Ого, — сказал он потрясенно, — какой-то аналитический центр?

— Точно, — подтвердил я. — И связь у нас не хуже, чем в Пентагоне. И суперкомпьютеры выполняют наши заказы, и влияние у нас немаленькое.

Его глаза загорелись, он сказал с восторгом:

— Тогда мне повезло?

— Больше всех на свете, — подтвердил я. — Больше всех на свете.

Глава 15

Ингрид лихо припарковалась у нашего здания, я вышел, из соседней двери вывалился Гаврош, сумку вытащил с трудом, но бережно, сцепил зубы, а опустился на землю, ничего не задев и даже не стукнув о сам асфальт.

— Давай помогу, — буркнула Ингрид с неприязнью.

Они взяли каждый за ручку со своей стороны и понесли в здание, где Ингрид пришлось трижды сказать «Этот со мной».

Я шел сзади и подтверждал кивком, да, с нами, на верхнем этаже впихнули Гавроша в комнату с компами, у него вырвался вопль восторга, а глаза вспыхнули, как два прожектора.

— Здесь и будешь работать, — сказал я. — Но выход в инет только через мой комп, а там остается все, куда лазил, какие запросы делал, чем интересовался... Вот смотри...

Я набрал адрес, ввел пару команд, и на экране возникло лицо амбала, на которого мы наткнулись первым при входе.

— Тищенко Семен Тарасович, — сказал я. — Его привлекли Гершин и Ачкасов. Гершин остался на втором этаже и, как мне кажется, оттуда не выйдет, если только не зомби. Хотя вроде бы и зомби горят... Сам Тищенко был дважды судим за кражи... да-да, не знал?... А твой напарник Сава Касаткин по прозвищу Скарамуш, хоть и умелый хакер, но баловался и педофилией, три привода, один суд, но сумел договориться с родителями жертв. В хакерстве умелец, но не мастер, потому по его наводке завербовали тебя. Ты уже мастер, но пока чист, по-

тому они договорились держать тебя в сторонке от их дел... до поры до времени, пока не сядешь на их иглу.

Гаврош пролепетал:

— Я в самом деле ничего не знал... Там сколько компов, такая вычислительная мощь, такие возможности... А откуда вы все про них знаете?

Ингрид тоже покосилась с изумлением, но промолчала.

— У нас такая организация, — сообщил я туманно, — собирает данные. Вот и эти там оказались. Да и про тебя многое знаем. Ты что под лестницей делал в восьмом классе, когда завуч на вас с Владиком наткнулся?

Он дернулся, посмотрел на меня дикими глазами.

— А это откуда... Да курили мы просто! Травку в школу принес кто-то, вот мы и пробовали... Мало ли что слух потом кто-то пустил!

— Вот-вот, — сказал я. — Будешь теперь и ты собирать информацию. Но не о школьниках, а всякие опасности выискивать.

Он чуть опомнился от шока, сказал независимо и с ноткой вызова:

— Но мне всего четырнадцать лет!

— И что? — спросил я.

— Я еще несовершеннолетний...

— Щорс уже дивизией командовал, — сказал я. — А Герострат храм Артемиды Эфесской спалил... Но тебе не повезло, мы не милиция. О нас никто не знает. И если где-то что-то пискнешь, узнаем сразу, так как отныне будешь носить жучок. И, сам понимаешь, никакого суда. Просто зароем где-то неподалеку.

Он зябко повел плечами, сразу посерьезнел, а голос его дрогнул:

— Да-да, вы же только что Скарамуша убили... Никакого зачитывания прав.

— И еще пару ваших орлов завалили, — сказал я. — Ты видел трупы. Нам это аппетит не испортит. Хитрить не пытайся, я хитрее. И, запомни, безжалостнее. Ты здесь не потому, что я тебя пожалел, сам понимаешь. Это не жалость.

В коридоре прозвучали шаги Данко, вошел запыхавшийся, сказал виновато:

— Простите, Владимир Алексеевич, запоздал чуток.. Но договорился, что как только закончат модернизацию Эш-восемнадцать, тут же передадут!

— Прекрасно, — сказал я. — Вот твой новый сотрудник. Гаврош...

Данко посмотрел с интересом.

— Что, тот самый?.. Из группы Анонимусов?

— Я сам по себе, — буркнул Гаврош. — С ними только разок поучаствовал...

— Он, — подтвердил я. — Но сейчас на испытательном сроке. В смысле, если не подойдет нам, подойдет тюрьме. Либо лет пять у нас, либо в тюрьме строгого режима без доступа к Интернету и даже без компьютера. В общем, вводи его в курс дела... Ингрид, пойдем.

Она вышла за мной, как Фатима, тихонько прикрыла дверь, но в коридоре, где мы остались одни, окрысилась, как гигантский пацук-мутант из лондонского метро:

— Зачем?

— На работу? — спросил я. — Ингрид, мне тоже совсем не нравится система, когда крупные компании берут на работу хакеров, которые нанесли им

вред. Частенько немалый вред. Как бы поощряется их преступная деятельность... Но в нашем прогнившем демократическом мире берется в расчет только то, что эти мерзавцы тем самым как бы доказали свой высокий уровень программирования. Понимаешь?

Она сказала зло:

— И у корпораций нехватка кадров?

— Именно, — ответил я. — Даже при более высокой зарплате, чем у государственных структур. Практичный бизнесмен считает, что лучше такому платить высокое жалованье, а он пусть вредит конкурентам.

Она воскликнула шокированно:

— Ты что? Это ж поощрение таких негодяев!

Я сказал тусклым голосом:

— В нашем мире критерии хорошего и плохого намеренно размыты. Мерзавцев в прошлом значении уже нет, а есть приличные современные люди той или иной степени порядочности. Которая, кстати, тоже анахронизм.

Она сказала почти с болью:

— Как же это мерзко...

— Смотри на другой аспект, — предложил я. — Хорошего программиста вырастить из офисного планктона очень трудно, долго и дорого. Потому чаще стараются переманить друг у друга высоким жалованьем и льготами. Или вот предоставлением богатого выбора: в тюрьму или к нам на работу.

Она сказала усталым голосом:

— Ладно, я не согласна, но босс — ты. Тебе и отвечать. А я еще и притоплю, если тебя будут топить не совсем в чистой воде... Уверен, что у нас все прошло гладко и больше не наедут?

— Эти? — переспросил я. — Нет. Мы не только охрану перебили, но и самих хакеров... То есть организация больше не существует. Так что этот вопрос закрыт.

Она всмотрелась в мое лицо.

— Но все равно ты как-то не ощутил.. облегчения.

— Ингрид, — ответил я нехотя, — эти хитрожопые не единственные на свете, кто пытался жить за чужой счет. Мы себе еще наживем врагов!.. Потому запомни, официально у нас никакой самостоятельности, а лишь выполняем приказы ГРУ. Все претензии к ним. Если даже поймут, кто был.

— А как сделаешь, чтобы не поняли?

Я хмыкнул.

— Оставим следы, указывающие на ЦРУ. Те мерзавцы везде лезут, если судить по сериалам, а народ верит, что так и есть. Хоть и говорит, что не верит. Или на МИ-шесть, пусть им нервы подергают.

— А на сигуранцу можешь?

— Все можем, — заверил я. — Пусть обиженные разбираются со всеми разведками мира!..

— А мы в сторонке? — спросила она. — Знаешь, как это назвалось раньше?

— Мы живем в настоящем, — напомнил я, — и смотрим в будущее. Я знаю, как это называется сейчас. Сейчас этим способом пользуются не только все разведки мира, но и рядовые граждане. Так что не надо мне, трансгуманисту, о защите памятников старины!.. Пойдем обедать. Если аппетита нет, посмотришь, как я красиво и с чувством прекрасного ем, а то и жру.

Она поморщилась, но пошла рядом.

Аппетит у меня поулавился, хотя поесть все еще люблю, чего раньше за собой не замечал. Будучи

трансгуманистом, потреблял необходимые белки, клетчатку, витамины, следил за гормональным состоянием, а что хорошо прожарено и по какому рецепту изготовлено, презрительно и высокомерно пропускал мимо ушей.

Нельзя быть мужчиной и любить вкусно поесть, это уже не мужчина, а мужик. Есть вообще опустившиеся до того, что сами готовят и выкладывают фото в инстаграм и соцсети, всерьез гордясь своими достижениями.

В печати время от времени появляются фото генномодифицированных свиней, коров или овец, в самом деле чудовищно уродливые туши, животные страдают от собственного веса и долго не живут, хотя производителям мяса долгая жизнь и не нужна, молодое мясо вкуснее и нежнее...

У меня же рост мускулатуры прекратился, да она и не была затронута в ходе генной модификации, просто я восстановил прежний вес и прежние объемы, а вот нервная ткань, как чувствую, продолжает расти, прокладывает новые пути, укреплять старые связи, ремонтирует ослабевшие дендриты и аксоны, вызывает массовое рождение глиобластов.

А это привело к тому, что стал слышать намного лучше, даже инфра- и ультразвук, зрение к темноте приспособливается за секунды...

Ингрид сказала недовольно:

— Ты хоть слышишь, что я говорю?

— Слышу, — ответил я.

— А чего не отвечаешь?

— Так вопроса не было, — напомнил я. — Ты делилась информацией. Я принимал к сведению. Хотя, на мой взгляд эстета, ты просто красиво и музыкально щебетала, а я любовался тембром твоего

голоса. У тебя меццо-сопрано, знаешь?.. Могла бы петь в Большом театре, а вместо этого рывкаешь на меня, как лесное чудовище на Красную Шапочку... Тебе пирожок дать?

— Иди ты со своим пирожком. Как-то слишком быстро ты оборзел... То был совсем ботаник, муху не мог обидеть, а теперь даже не знаю, что на тебя нашло!

Я подумал, ответил со вздохом:

— Пожалуй, это из-за того, что я вырван из привычной обстановки. Там все такие, как я. Подвижники, если говорить высокопарно, науки. Подвижники науки, да. Но сейчас я, в силу обстоятельств и договоренностей о долге перед человечеством, оказался в другом мире, более примитивном, грубом и жестоком. Да, я знаю, бытует представление, что так называемые профессоры — это что-то слабое, абсолютно неприспособленное к реальной жизни.

— А что, не так?

Я покачал головой.

— В своей квартире гвоздя еще не забил, но это не значит, что не могу. Я выполняю работу, что приносит миллионы долларов, так рационально ли мне поручать рыть канавы? Хотя да, и канавы смогу. А вот канавщик операцию на аксонах не сделает. Так что, оказавшись в чужом для меня мире, я действую по его законам, но с логикой ученого, его рациональным рассудком и его уровнем человека, который знает и понимает намного больше. Потому у меня и получается временами лучше, чем у натренированного просто быстро бегать и метко стрелять.

Она помолчала, сказала нехотя:

— У тебя не временами, а все время получается. Свинья, я чувствую себя рядом с тобой неполноценной!

— С такими сиськами? — спросил я. — С ума сошла. У меня таких нет, честно... Ого, время обеда! Заглянем вон в тот ресторанчик по дороге?

— Можно, — ответила она без охоты. — Мне все равно страшно попадаться на глаза Мещерскому. Нельзя так, как мы делаем.

— Может быть, — поинтересовался я, — уже можно?

— С чего вдруг?

— Мир меняется, — напомнил я. — Стремительно. Кто не идет с прогрессом в ногу, того тащит. Кто упирается... того пристреливает и оставляет на обочине. Новое время — новые правила.

Она умело загнала автомобиль на стоянку перед рестораном, выключила двигатель.

— А ты эти правила знаешь?

— Я из тех, — ответил я скромно, — кто их пишет.

Часть II

Глава 1

В ресторане, кроме камер наблюдения, еще и мощная аудиосистема, но, к счастью, пока не включена, вакханалия с безобразиями начнется к вечеру.

Ингрид тоже вздохнула с облегчением, натужное веселье достает, слишком напоминая пир во время чумы.

Официантка приблизилась с папкой меню в руках, посмотрела на меня с некоторым сомнением, передала Ингрид. Ингрид, не открывая, протянула мне.

— Выбирай, дорогой, что пожелаешь.

— Спасибо, милая...

Я покосился вслед настолько мощно работающей ягодицами официантке, словно танцует тверк или хотя бы готовится к чемпионату.

Ингрид проследила за моим взглядом.

— А-а, жопу увидел?.. А еще профессор!

— Она напомнила мне Антарес, — ответил я. — Даже Бетельгейзе...

— Ты хоть бреши что-то попонятнее! Сказал бы Акки Кебнекайсе, тогда бы понятно.

— Сама ты Акки, — сообщил я оскорбленно. — Именно Бетельгейзе, а Кебнекайсе себе возьми на обед.

И в самом деле, мелькнула мысль, в наше время врут намного меньше, чем в прошлые века. Взять самую распространенную ложь, когда муж трахает подруг жены. Раньше это был такой взрывоопасный узел, при любом неосторожном движении рушились судьбы, браки, совершались убийства, кто-то даже сводил счеты с жизнью, а теперь и муж такое не особенно и скрывает, хоть и не афиширует, и жена спокойно совокупляется с начальником на работе, его заместителем, помощником, а потом еще и с шофером.

Вообще подготовка населения к тотальному наблюдению идет полным ходом и только усиливается, уже и правозащитники, истерически вопящие, что не позволят подглядывать за их личной жизнью, сперва замолчали, потом начали робко мямлить, что в интересах безопасности такое вообще-то допустимо...

Ну а простой человек, как только увидел, что ничего опасного он, оказывается, и не делает, вообще готов допустить установку видеокамер как в свою спальню, так и в ванную, и в туалет.

Перед нами поставили на огромных тарелках такие крохотные порции бифштексов с парующей гречневой кашей, что я усомнился, сам ли такое заказал или все-таки Ингрид, едва не подозревал официантку, чтобы заказать еще пару порций, но затем принесли запеченную в тесте рыбу, блинчики с мясом, еще что-то вкусно пахнущее, и я смирился.

— И все-таки, — произнесла она, вяло ковыряя мясо вилкой, — ты какой-то...

— Красивый?

— Что?.. Свинья, я говорю, ты как будто не совсем... человек. Не знаю, пытаюсь подобрать другое название своим ощущениям, но все время лезет именно это.

— Малый словарный запас, — определил я, — это не столько принадлежность к силовым структурам, хотя для них особенно характерно, но и общее обеднение языка. Как ни странно, слов и терминов становится больше, а человек все сужается... Не понимаю, где-то же человек должен расширяться? Или только в плане демократических свобод?.. Ты еще, ешь, а то ворона влетит.

Она буркнула:

— Какие теперь вороны? Дроны разве что.

Я довольно быстро справился с бифштексами, с рыбой пошло сложнее, много косточек, зато изумительно нежная и пахнет просто умопомрачительно.

— Возможно, — ответил я медленно, — возможно... Но, видишь ли, я вот тоже сейчас думаю над твоими словами о нетаковскости. С ума сойти, думаю над твоими словами!.. Видимо, не так уж важно, подталкивает нас природа к верным решениям через мощно развитый мозг или через тонко чувствующий женский спинной мозг... В общем, я просмотрел сейчас свои слова и движения... и даже согласен с тобой. В моем поведении сам ловлю эти крохи зачеловечности... или постчеловечности, как сказать лучше?..

Она вскрикнула:

— Ты это так называешь?

Я кивнул.

— Чем ближе человек к сингулярности, тем больше будет уходить от человека в его классиче-

ском понимании. И хотя во мне еще нет имплантов, что делают человека киборгом опять же в классическом понимании, но люди науки уже в чем-то киборги. Они мыслят иначе, они и вели бы себя иначе, если бы их так жестко не ограничивали рамки нынешнего примитивного общества.

Она сказала язвительно:

— Все еще примитивного?

— А что-то изменилось со времен фараонов?

Наши организмы так устроены, что можем хорошо и с чувством есть и в то же время напряженно размышлять над какими-то проблемами. Обычно в таких случаях даже не замечаешь, что ешь, или просто не чувствуешь вкуса, но я само совершенство: поглощаю жареное мясо за себя и за того парня, наслаждаюсь вкусом умело запеченной рыбы, общаюсь с Ингрид и в то же время шарю по Сети, разбираясь в причинах случившегося.

Оказалось, все проще, как обычно и бывает. Одна попытка была из самого ГРУ, в каком-то из отделов ревниво решили проверить инетовскую безопасность нового отдела и порыться в наших файлах, кончилось это тем, что я в ответ обнулil у них все данные, стер бэкапы даже в облаке и уничтожил списки сотрудников с данными досье. Что делать, у нас таков мир, уважать начинают, когда сдачи получают быстро и жестко.

Вторая попытка была уже от этих героев, которые мониторили продажу компьютерной техники и сразу увидели по нашим закупкам, что у нас будет нечто крупное и, наверное, богатое.

С ходу проникли на наши сервера, где пока пусто, но я нахальное вторжение засек и ответил настолько жестко, что бедные хакеры, потерявшие

все пароли и деньги на счету, взвыли от обиды и сразу же возмечтали о страшной мести, но, не имея возможности ответить нам тем же, сгоряча обратились к своей же охране с просьбой наказать мерзавцев, за что, естественно, получают огромную премию.

Я перешел к кофе со сдобными булочками собственного изготовления, когда смартвоч Ингрид пискнул, она вздохнула и вытащила мобильник.

— Волкова слушает, Аркадий Валентинович.

Я поглядывал искоса, как она слушает, мрачнеет, тяжело вздыхает, наконец проговорила упавшим голосом:

— Да, уже выезжаем.

Когда пыталась сунуть девайс в тугой задний карман, я спросил с сочувствием:

— Обижает?

— Просто напомнил, — ответила она сухо, — что в работе ГРУ недопустима такая вольница.

Я вскинул брови.

— А мы при чем? Мало ли что где-то пожар.

— Ты это ему скажи, — ответила она резко. — Пойдем.

— Щас, допиваю...

— В другой раз допьешь!

В машине она почти не разговаривала, мрачная и сердитая, я навязываться не стал, быстро просматривал ролики с горячих точек. Особым вниманием пользуется тема нового уровня терроризма, когда ни интифадное бросание камнями, ни запуски самодельных ракет, ни самоподрывы шахидов, а самое страшное, что почти невозможно предусмотреть, когда один из прохожих вдруг выхватывает нож и всаживает в твое тело.

Даже навыки спецназовца, умеющего отбиваться от толпы, не помогут, так как всадить могут прямо на улице в спину или со спины. Европа с таким вариантом бороться совершенно бессильна, так как беженцы уже вроде бы растворились в той же Германии, многие стали гражданами, но точно так же, как иудеи в средневековой Испании принимали крещение, но тайком молились своему богу, так сейчас и мусульмане надевают европейский костюм и не выражают возмущения по поводу женщин с распущенными волосами на улице. Знают, их час приближается, копят злость на это грязное и отвратительное общество, которое нужно разрушить во имя Аллаха и как бы по его слову, хотя даже богословы не могут найти такое в Коране.

Ингрид подогнала автомобиль к подъезду, я вышел так же быстро, как и она, плечо к плечу заспешили к страшному начальству.

Мещерский принял нас в том же кабинете, хмурый и с недовольным лицом, молча указал на кресла по эту сторону стола.

— Садитесь, рассказывайте.

Ингрид в беспомощности посмотрела на меня, а я ответил подчеркнуто миролюбиво и спокойно:

— Ничего сенсационного, но все же стоит проверить, кто это решил попробовать нас на зуб... или на прочность. То ли это из вашего управления, то ли ФСБ ревнует... С новым оборудованием можем проследить все нити, звонки, эсэмэски и отыскать эту крысу. Если вы, конечно, ее еще не знаете.

Он спокойно проглотил намек, что попытка проникновения могла быть сделана по его приказу, ответил так же спокойно:

— Да, хорошо бы это сделать. Я рад, что компьютерная безопасность на высоте.

— Мы это сделаем, — пообещал я. — Хотя при нынешней сложной технике следы можно запутывать достаточно изощренно, однако при достаточной вычислительной мощи за день-два найти сумеем.

Ингрид робко проронила:

— А от того, кто атаку совершил, можно без всякого Интернета пройти к тому, кто атаку заказал.

— Сделайте, — сказал Мещерский. — Всегда важнее достать заказчика.

Ингрид посмотрела на меня с надеждой.

— У Владимира Алексеевича обычно получается...

Он внимательно посмотрел на меня, покачал головой.

— Теперь о сегодняшнем инциденте...

— Каком? — спросил я.

Он помолчал, всматриваясь в мое лицо.

— А что, нигде ничего не случилось?

— С нашим участием, — ответил я, — ничего. А что в городе где-то автокатастрофы, воровство и хулиганство... это точно не мы.

Он покачал головой, не спуская с меня взгляда.

— Вы снова... удивили.

— Чем? — спросил я.

— Умением действовать быстро и жестко.

— Всего лишь оптимально, — уточнил я. — Научный подход. Кратчайший путь между двумя точками — прямая линия.

Он кивнул.

— Надо рассказать генералу Кременеву, ему понравится. Он все еще сомневается, надо ли такое ответственное дело возглавлять именно вам...

Я двинул плечами.

— Мне вообще-то важнее всего довести до победы свои исследования по редактированию генома человека. К сожалению, любые глобальные катастрофы наверняка помешают. И не только моим исследованиям.

— Вы рациональный человек, — заметил он. — К вам только одна просьба...

— Да?

— Теперь вы руководитель, — напомнил он. — Посылайте крепких ребят чинить суд и расправу, но самому следует смотреть, как Наполеону, с вершины далекого холма. Сами не лезьте.

— Так и будет, — заверил я. — Но я был не на холме, попали на улице... Пришлось как-то отмахиваться. Импровизировать.

— Вы хорошо отмахнулись, — согласился он. — Здание все еще горит. Уже все внутри выгорело, но еще полыхает. Пять пожарных расчетов прибыло. Там вашего ничего не осталось? Я имею в виду, следов?

Ингрид ответила за меня:

— И чужого тоже. У Владимира Алексеевича повадки настоящего ученого!

Он криво усмехнулся.

— Капитан, я ученых тоже представлял несколько иначе. Все-таки, Владимир Алексеевич...

Голос его чуть стал строже, я ответил дисциплинированно:

— Слушаю, Аркадий Валентинович.

— Вы новичок в наших делах, — произнес он, — о многом знаете по фильмам... в основном штатовским. Там подвиги преувеличены, как и самостоятельность. На самом деле все скучнее, бегать с пистолетом даже полевым агентам приходится редко.

И, главное, подотчетность. Самостоятельность, знаете ли, это... наркотик. Опасный.

— Аркадий Валентинович, — сказал я самым искренним голосом, — от вас никаких тайн не будет. А вы уже сами смотрите, о чем доложить наверх, а что оставить. Конечно, чем меньше наверху будут знать, тем лучше. Даже президент страны может проговориться. Как, читал, проговорился однажды расхваставшийся Хрущев, из-за чего две ракетные базы пришлось переносить в другие места.

Ингрид сказала уязвленно:

— Нынешний не проговорится!

Мещерский заверил:

— Наверх будем сообщать разные мелочи, только для того, чтобы там знали — работаем, а не по Мальдивам на курортах отдыхаем. Но я должен знать все! Понимаете? Все. И для того, чтобы прикрыть, если просто понадобится.

— Спасибо, — сказал я. — Теперь хорошо бы в деле обеспечения безопасности человечества... да-да, мы работать уже начали!.. сеть видеокамер нужно не просто устанавливать, но и вводить в моду!

Даже Ингрид удивилась при слове «мода», а Мещерский взглянул с новым интересом.

— Это... в каком смысле?

— Самом прямом, — ответил я. — Добиться асигнования на расширение сети видеокамер по всему городу, включая дома и квартиры. Протесты подавлять быстро и жестко! Любыми путями. Где силой, где дискредитацией, где шантажом. Но, конечно, лучше всего ввести видеокамеры в тренд.

— Это... как?

— Человек с видеокамерами в доме, — пояснил я, — должен быть объявлен модным, продвинутым,

успешным и красивым. Писать о таких. Брать у них интервью. Публиковать в СМИ как примеры...

— Благополучных граждан?

Я покачал головой.

— Нет. Мы же, блин, духовная страна, никак не избавимся от этой дури... Напротив, они должны выглядеть как некие революционеры! Бунтари. Корсары, чтоб они передохли, как же достали...

Он сказал ошалело:

— Но как.. можно подать... какие же это бунтари...

— А вот так, — отрезал я. — Простые тупые обыватели боятся, а самые продвинутые и следящие за модой — нет!.. Старичье всякое, вне зависимости от возраста, страшится продвинутых технологий, а они вот не боятся! И потому у них в каждой комнате видеокамеры. Даже на кухне, в спальне и туалете!.. Вот это вызов старомодному и косному обществу!.. Вот это писк!

— Гм, — сказал он все еще ошалело, — а это вообще-то... может и сработать...

— Запись ведется за счет бюджета, — добавил я, — но доступ к ним в режиме ридонли будет у каждого, так что в любой момент можно будет набрать свой пароль и пересмотреть записи хоть за прошлый год, хоть за все время с момента установки!.. Бесплатно.

Он посмотрел на меня внимательно.

— Как я понимаю, вы хотите эту моду распространить на весь мир?

— Естественно, — ответил я. — Сперва это будет мода, затем жесткая обязанность. Человек без камер в квартире сперва будет выглядеть просто подозрительным асоциальным элементом, а потом его можно смело за решетку за нарушение общественной безопасности и за угрозу теракта.

Глава 2

На обратном пути заметно повеселевшая Ингрид сама остановила машину возле кафе, заказала, не покидая сиденья, два больших бутерброда и по стаканчику кофе, раз уж ресторан пришлось покидать так срочно.

Как только ей подали в окно, мы некоторое время молча наслаждались покоем, пожирая бутерброды и прихлебывая из стаканчиков.

Ингрид наконец сказала тихонько:

— Вообще-то я побаивалась...

— Я тоже, — признался я. Она посмотрела в удивлении, я пояснил: — Бюрократия могла взять верх... Например, под предлогом, что нельзя оставлять силовые структуры без присмотра общественности, а то обнаглеет, такого натворим! И вообще устроим сталинизм и времена Ивана Грозного...

— Или Петра Первого.

Я покачал головой.

— Хоть Петр Первый и погубил народу в сто крат больше, чем Иван Грозный, при нем Россия вообще обезлюдела, но он западник!

— И что?

— Госдеп и пятая колонна, — объяснил я, — ему все прощают, и о его преступлениях и зверствах с подачи заокеанского обкома принято стыдливо помалкивать. Как вон Госдеп поднимает крик, что в России нарушаются права геев, а что их союзник Саудовская Аравия геев просто забивает насмерть камнями — об этом молчок.

Еще не прожевав, с набитым ртом пропыхтела:

— Думаешь... тот Гаврош... не предаст?

— Он не враг, — пояснил я, — он абсолютно точная статистическая величина, характеризующая человека наступающего времени.

Она поморщилась.

— А попроще?

— Если на пальцах, — сказал я, — то абсолютно аморальный... это приветствуется, заметила?.. безыдейный, безнравственный... в общем, свободная демократическая личность без всяких шаблонов, рамок, правил, устоев и установок. Такой одинаково примет сторону хорошего и плохого, не видя между ними разницы.

Он передернула плечами.

— Какая гадость!.. Надо придаться к чему-нибудь и пристрелить побыстрее.

— Зачем? — спросил я равнодушно. — Сейчас он наш.

Она поинтересовалась:

— А мы на чьей стороне?

Я покосился на ее серьезное лицо, в профиль она просто воплощение чистоты и строгости.

— Сама как думаешь?

— Раньше думала, — ответила она серьезно, — на стороне Добра. Но когда смотрю на тебя...

— У всех Добро разное, — напомнил я. — Законы шариата тебе как?.. А миллиард человек искренне уверены, что это самое правильное Добро... В общем, мы на стороне прогресса и цивилизации.

— А она на чьей?

Я сказал с досадой:

— Ну что ты как дитя в пеленках!.. Почитай Никонова о неуничтожимости цивилизаций. Это и есть главная цель. А Добро... когда-то добром был каннибализм, совсем недавно во имя добра и по

суду, а не как-нибудь, ведьм жгли на кострах... В общем, добро это то, что говорю я. А то, что говорят другие придурки, говно всякое.

Она замолчала, обдумывая, я тоже молчал, вспомнил Гавроша и подумал, что вообще-то я тоже этичный хакер, хотя мне само слово не нравится, уже скоро исчезнет сама необходимость хакерства. Не нужно будет прятаться, чувствовать себя преступником, нарушающим не только законы, но и моральные запреты, и все люди на свете будут иметь одинаково свободный доступ ко всей информации, ранее засекреченной.

Главное, преступления станут невозможными, сказал себе с надеждой. По крайней мере, терроризм исчезнет, а глобальные риски останутся только природными, которые предотвратить труднее... но зато можно будет сосредоточиться на них.

Мимо со вжиканьем проскакивают автомобили, Ингрид ведет машину на большой скорости, камеры явно фиксируют нарушения, но нам можно, в мою сторону поглядывает искоса, но не прерывает размышления профессора, как же, мудер, как сам о себе говорит, а может, и в самом деле умный, капитану контрразведки определить трудно.

На самом деле никаких профессорских размышлений, или размышлений, присущих именно профессору. Мой разгоняемый до немыслимых скоростей мозг устает гораздо быстрее моего прежнего, а тогда начинает не то чтобы работать медленнее, хуже того, начинает искать возможность поотдыхать.

Люди простые, когда советуют отдохнуть человеку с «умственной» работой, говорят с сочувствием что-то типа того, что пойди накопи дров, подвигай

мебель, в общем, бытует старая дурь, что мозг отдыхает при смене деятельности, что, конечно, редкостная глупость.

Мозг отдыхает, когда получает удовольствие. Потому после напряженной работы над геномом нужно не дрова колоть или мебель двигать, а повернуться к компу с запущенной баймой и поиграть всласть хотя бы часик. Обрадованный мозг за это время отдохнет полностью и снова готов к интенсивной работе...

Но пока я не поставил никакой задачи, роется, как самая счастливая свинья на свете, в новостях науки и политики, ну еще и экономику я разрешил смотреть, остальное под запретом, а это значит, отсек где-то девяносто процентов всякого говна о том, кто с кем разводится, кто с кем сводится, и дискуссии на тему, почему нельзя запрещать зоофилию подросткам...

Гаврош услышал мой голос, едва я переступил порог, поспешно развернулся в мою сторону. Не зная еще, как себя вести, вскочил, вытянулся, поедая меня взглядом, как казак Платов полковника Скалозуба.

— Вольно, — сказал я. — Итак, Гаврош, уже вошел в курс дела?.. Теперь покажи, как умеешь работать. Вот смотри, это Тунис, страна такая, вблизи границы с Ливией... Видишь Эль-Кеф?.. Вот сюда смотри! За последние полгода в это дикое вообще-то место переправлены сотни тонн груза. Повторяю, место настолько дикое и безлюдное, что просто не знаю...

Глаза его загорелись, спросил быстро:

— А чем переправляли?.. Транспортными самолетами?

Я ехидно улыбнулся.

— Осликами.

— Значит, — сказал он, — не было слишком тяжелых штук, которые нельзя разобрать, перевести и снова собрать?

Я кивнул в его сторону Ивару и Данко.

— Видите, быстро схватывает!.. Ладно, ваша общая задача — узнать, кто и зачем. И чем там занимаются.

Левченко ответил:

— Сделаем, шеф. А потом можно кого-нибудь из них пристрелю?.. Хотя бы этого Гавроша. Или вот того лохматого... чего он такой? А то как-то непривычно здесь. Я все-таки оперативник.

— Сплюнь, — посоветовал я.

— Что-то наклевывается? — спросил он с надеждой.

— Нет, — ответил я, — но убежать нам от этого не получится. От всех границ пахнет порохом. И мы должны успевать просчитывать, где рванет раньше. Чтобы либо успеть погасить пожар, либо... либо тех, кто намеревается его разжечь. Это и есть наша работа, а не ломать головы, хватит ли нефти на сто лет или какие мосты построим через моря через семьдесят...

Данко сказал обиженно:

— Но почему же? Специалисты могут рассчитать достаточно точно... Как экономисты, так и технологи.

Я сказал с отвращением:

— Мы что, древние римляне?.. Уже при нашей жизни бабахнули революции, что изменили мир!.. Компьютеры, Интернет, смартфоны, а через десяток лет при таком ускорении обрушится вообще такое невообразимое, что невозможно представить... Не через тысячу лет, Карл, а через десяток-другой!..

Ивар хмыкнул.

— Шеф, а вы чего ожидали? Люди живут, как и жили. Общество в одном измерении, наука — в другом. К нам тут приходили из Комитета моделирования Глобальных Катастроф. Хотел их послать подальше, но решил дожждаться вас.

— А что у них? — поинтересовался я.

Он хмыкнул.

— Сурьезные ученые, — в голосе отчетливо прозвучала неприязнь. — Ох, какие сурьезные... И проблемы у них в самом деле глобальные. Занимаются прогнозированием парниковых эффектов, извержения супервулканов, разогрева Солнца до сверхновой, столкновения Земли с Юпитером... или с чем там она у них столкнется? В общем, благородные теоретики, а вот мы — низшая раса практиков. И занимаемся какой-то мелочью, всего лишь предотвращаем уничтожение человечества. А они спасают вселенную!

Я сказал негромко:

— Так это же прекрасно.

— Что?

— Пусть занимаются, — ответил я. — Как раз их работу и нужно пропагандировать. Непонятно?

Он посмотрел исподлобья.

— Что... хотите сказать, под их прикрытием...

— Именно, — подтвердил я. — Пусть наш комитет как раз и воспринимают, как этих безобидных и, главное, беззубых теоретиков. Меньше проверок, меньше желающих поставить под свой контроль. Если мы тайная служба, какая публичность?.. А они на самом деле заняты полезным делом. К примеру, если хотя бы за месяц предупредят о взрыве Йеллоустоуна, мир успеет приготовиться!

Он фыркнул.

— А превращение Солнца в сверхновую?

Я развел руками.

— Думаю, у нас тоже не все пули ложатся в яблочко. Ивар, что у тебя там на экране за такая страшная хрень? Это Ингрид в ярости?

Ивар виновато посмотрел на Ингрид.

— Ваше высокоблагородие, не обижайтесь на этого грубого человека, он же начальник, ему все можно... Владимир Алексеевич, я исследую варианты поведения роботов в зависимости от их внешности и размеров. Сейчас их строят все армии мира... по крайней мере развитых стран..

— Строят, — согласился я, — но это скоро прекратится.

Ингрид, раз уж ее упомянули, спросила в изумлении.

— Почему? По прогнозам, все только набирает разбег!

— Если вложила деньги, — посоветовал я, — лучше эти акции сбросить, пока котируются. Слишком дорого, трудоемко, а пользы будет намного меньше, чем ожидается. Когда поймут эксперты, начнется сброс акций. А за ними пойдет обвал...

— Но почему? — спросила она. — А если оснастить роботов искусственным интеллектом?

— Искусственного не будет, — отрезал я. — Всем говорю, что не будет, никто не верит. Как же эти сказочки въедаются в сознание даже не самых последних идиотов! А то, что будет называться интеллектом машин, всегда будет отставать от нашего мозга.

Она спросила с недоверием:

— Чего это вдруг? А как же безграничные возможности хай-тека... закон Мура?

Я посмотрел на нее с соболезнованием, как на красивую. Она нахмурилась и ответила строгим взглядом, достойным снежной королевы.

— Человек, — произнес я кратко, — такая свинья, что все девайсы, которые изобретаются, тут же пихает в себя. И свой мозг начнет апгрейдить в первую очередь, а уже потом айэйный.

Она бросила в мою сторону взгляд, полный подозрения, словно я уже напихал в свой мозг всякие штуки.

— А на небиологическую основу, — сказал я, — человек перейдет при первой же возможности! Это случится до того, как искусственный интеллект обретет достаточную мощь до осознания своего «я». Хотя, скажу честно, наиболее авторитетные ученые сомневаются, что это вообще возможно. А вот человеку не нужно думать, как обойти этот барьер! Он уже готов захватывать мир, Солнечную систему, галактику...

Ивар сказал со вздохом:

— Вот тогда и начнутся настоящие звездные войны.

— Разве? — спросил Данко. — Еще в детстве читал размышления и споры ученых, почему не прилетают Старшие Братья по Разуму? Старшим сверхцивилизациям должно быть уже по миллиарду лет, а младшим по миллиону!.. Но теперь знаю.

Я взглянул с интересом.

— Вы решили вековую загадку?

— Да, — ответил он мрачно. — Чем ближе к сингулярности, тем быстрее растет лавина угроз!.. Когда читал про этих Старших Братьев, атомные бомбы были только у Штатов и России, а сейчас их накопили хренова туча стран, и не все из них мирные! А кроме бомб теперь в каждой лаборатории, вы са-

ми это говорили... даже в Африке могут разрабатывать штаммы бактерий, что погубят весь мир. А завтра это сможет разрабатывать в любой квартире даже школьники!..

— Понял, — сказал я. — Никто не доживает до Сверхцивилизации?

— Никто, — отрубил он. — Мы точно не доживем. А чем те на других планетах лучше?

— Никого нет лучше нас, — подтвердил я. — Только не понял, что из этого следует: переживем все или сгинем уже сегодня?..

Он произнес смиренно:

— Вы шеф, вам виднее.

— Как шеф, — ответил я, — объявляю, мы люди, твари жадные и цепкие, еще побарахтаемся! Хотя и с запозданием, но мы уже начали... Или кто-то спит?

Они поспешно разбежались по местам, в современном понимании это торопливо повернулись в вертящихся креслах к мониторам.

Глава 3

Ивар повернулся в кресле в мою сторону, вскочил.

— Владимир Алексеевич!

— Вольно, — сказал я недовольно. — У нас не армия, а научно-исследовательский центр. Дисциплина есть, но не военная, а дисциплина интеллекта и примат ума над дурью, что вообще жесть. Что у вас, товарищ Гостомыслов, что вообще-то Ивар, как Ивар Бескостный, вождь викингов, Иван Калныньш или Ивар Датчанин?

Он посмотрел на меня с почтением.

— Про Ивара Бескостного отец уши прожужжал, — признался он, — а вот про Ивара Калныньша ни разу даже не хрюкнул. Не знает, или дурной пример?

— Калныньш слишком много бабничал, — пояснил я. — А отец, понимаю, человек старой закалки и еще в меру нравственный.

— Но сына не уберег, — хихикнул из своего угла наостривший уши Данко. — Вон морду наел!.. А какой хренью начал заниматься?

Я посмотрел на Ивара строго, как слуга царю, отец солдатам.

— Государственной хренью или для дома, для семьи?

— Для вселенной, — сообщил Ивар с достоинством. — Рассматриваю риски со стороны искусственного интеллекта. Материала горы!.. Сейчас систематизирую, а потом...

— Прекратить, — прервал я. — Блин, только что говорили на близкую тему! И благополучно закрыли, закопали и притоптали землю, чтоб не вылезла.

Он запнулся.

— Прекратить... что?

— Заниматься этой ерундой, — отрезал я. — Никакого суперинтеллектуального компьютера не будет. Не хочу, чтобы эту проблему даже рассматривали.

Он пролепетал жалко:

— Но даже крупнейшие ученые бьют тревогу...

— Ученый, — сказал я терпеливо, — это сумма знаний в определенной области. Крупный ученый — это просто невероятная сумма знаний в его области!.. Но знания — одно, ум — другое. Тем более мудрость.

Ингрид из-за моей спины поинтересовалась язвительно:

— Владимир Алексеевич, что вам говорит ваша мудрость?

Кто-то хихикнул, еще двое с трудом удерживают усмешки, но я ответил очень серьезно:

— Иногда стоит прислушиваться просто к здравому смыслу. И нашим... желаниям. Даже когда интеллект компьютера будет работать в миллиарды раз быстрее скорости света и охватит всю вселенную, он все равно останется лишь слабым помощником человека. Почему? Да потому что все новинки хай-тека человек уже сейчас всоbachивает в свое тело!.. Как только чипы смогут подсоединять к мозгу, тут же миллионы энтузиастов это сделают!.. Или кто-то сомневается?.. Гаврош, у тебя мозги еще свежие... К тому же нового поколения, с улучшениями. Что скажешь?

Гаврош поднялся, даже взбледнул от волнения, все смотрят на него, он заговорил прерывающимся голосом:

— Ну да, чипы помогут мозгу, что пока что превосходит компьютер... помогут ему работать быстрее и точнее. Такой мозг создаст еще более емкие чипы и тоже имплантирует себе в череп. Мы имплантируем! А к тому времени, когда создадут искусственный интеллект, мозг человека будет работать уже быстрее... Так? Как бы ни развивался искусственный интеллект, человек будет развивать свои мозги еще быстрее. Потому что... потому что хочет!

Ивар возразил:

— Скорость передач информации в мозгу не больше пятисот километров в час, а в компьютере — со скоростью света, то есть около трехсот тысяч километров в секунду.

Я посмотрел на Гавроша, тот понял, что мяч брошен ему, ответил уже увереннее:

— К тому времени и наши мозги полностью перейдут на кремниевую основу! А что? Или графеновую. А то и квантовую. Так что все равно человека не догнать...

Я повысил голос:

— Согласен. Исходя из этой доктрины, исключаем угрозу со стороны искусственного интеллекта. И сосредотачиваемся на более реальных. В первую очередь существующих уже сейчас, в сегодняшнем дне. Вы что, не видите, что мир уже в любой день может рухнуть из-за группы фанатиков, как только у них появится оружие массового уничтожения? Всем понятно? Работать, негры!

Хотя я не Цезарь, тот мог делать сразу пять разных дел, но мне все же удастся заниматься как созданием структуры Особого Отдела По Мониторингу Глобальных Рисков, так это называется, хотя, думаю, временно, так и продолжать опыты уже в своем особняке, где лабораторию оборудовал почти на уровне мировых стандартов.

Из гена CEP290 за это время сумел удалить около тысячи нуклеотидов, уже трушу, хотя вроде бы после такого вмешательства он просто обязан зарабатывать в нормальном режиме.

Основу системы CRISPR/Cas9 составляет нуклеаза Cas9, мне нужно всего лишь заменить поврежденный фрагмент ДНК на нормальный, а у меня этих поврежденных просто уйма, а также поработать с молекулой РНК, что подскажет ферменту место в геноме, куда именно внести изменения.

Если получится, повыбиваю из себя все болезни, сделаю тело сильнее и крепче, каким оно и должно

быть, как если бы не существовали уже внедрившиеся в меня, как и во всех людей на свете, болезнетворные вирусы и вызванные ими болезни.

Опять же, если получится, система редактирования дефективных генов станет со временем простым и доступным даже для рядовых врачей инструментом.

Испытания системы CRISPR/Cas9 на человеке никогда не проводились, так об этом говорится и пишется, хотя вряд ли так на самом деле. Во многих уголках мира пытаются совершить прорыв, рассчитывая больше на удачу, потому что любой прорыв в этой области — это и научное признание, и миллиардные инвестиции, и, самое главное, из человека в самом деле можно конструировать сверхчеловека.

Сегодня вечером я возился с мышками, проверяя изменения и сравнивая с контрольной группой, когда раздался звонок.

Легкая печаль коснулась души, уже увидел кто, сказал совсем тихо:

— Да, Синтия...

Ее лицо появилось на большом лабораторном экране, глаза светлые и лучистые, воплощение чистоты и здоровья, полные губы заулыбались, показывая ровные белоснежные зубы, которым совершенно не нужен дантист.

— Привет, — проговорила она своим волшебным голосом, от которого у меня всегда сладко щемило сердце. — Ты... ой, все еще с мышками?... Но разве ты в лаборатории? А думала, уже дома...

— Дома, — подтвердил я. — Вот подумалось, чем ходить каждый день в лабораторию, не лучше ли один раз лаборатории прийти ко мне? И остаться?

Она улыбнулась.

— На ночь?

— На всю жизнь, — ответил я.

— Здорово, — сказала она озадаченно, — так вот зачем ты отгрохал такой особняк.. А бассейн во дворе зачем? Для мышей?

— Когда-нибудь придут друзья, — сообщил я. — Или приедут из дальних экзотичных стран. Для них и гостевой домик готов. А мышки.. мышки только мои!.. Скоро они у меня станут бессмертными.

Она что-то ощутила по моему голосу, в чутье отказать ей трудно, улыбнулась совсем уж очаровательно и сказала самым милым голоском:

— Ладно, прощаюсь, не буду отвлекать от работы! Все мужчины такие сумасшедшие насчет работы.. Когда устанешь, свистни! Примчусь, поплаваем в твоём бассейне. У тебя, насколько помню по проекту, еще один в доме?

— Тот поменьше, — напомнил я. — На случай непогоды. Да и зимы в Подмосковье все еще бывают, несмотря на всемирное потепление...

Она засмеялась:

— Что-то я этого потепления не чувствую!.. Счастливо! До встречи.

— Счастливо, — ответил я и вернулся к своим мышкам

Нужно оценивать мир здраво и не раскрывать рот на то, что не положено. Если просто честно жил и работал на указанном тебе месте, то имеешь право на зарплату и медпомощь, хотя все по минимуму, что и понятно, таких восемь миллиардов, даже по рублю прибавить — урон мировой экономике.

Другое дело — бизнесмены, политики, ученые, писатели, спортсмены и прочий народ, который не довольствуется ролью послушных пешек, а пытается

ся взять если не все, то хотя бы много. У большинства из них крылья горят еще на взлете, но те единицы, что взлететь сумели, получают и миллиарды долларов, и славу, и власть.

А сетевые хомячки негодуют, что те в шампанском купаются. И как бы обирают честных тружеников... Но таких обирателей сотые доли процента, если не тысячные, их богатство не ущемляет никого материально, лишь раздражает заметным неравенством самых завистливых. Однако эти правдорубы, в отличие от них, и в школе учились кое-как, потом все время по вечеринкам и ночным клубам, на трибунах стадионов, даже на службу устроились такую, чтобы работать поменьше, отпуск побольше и на юга, в ночные клубы, потом женщины, разводы, поиски новой работы, где платят больше, но работать чтоб меньше...

Никто из таких жопу не рвал, надрываясь, как эти хоккеисты, боксеры, политики, писатели, бизнесмены, что всю жизнь бросили на чашу весов... где большинство проиграли, и только часть добилась успеха.

Конечно, я не заработал эти семнадцать миллионов долларов, но их и никто не заработал, как не зарабатывают выигрывающие в лотерею, где главный приз в сто миллионов долларов, а два поменьше по десять миллионов.

Не думаю, что грузчик или домохозяйка заслужили их больше, чем я, или что истратят их с большей пользой.

По крайней мере, я был под огнем, в меня стреляли, я рисковал жизнью, так что хоть и не чувствую себя виноватым, но все равно оправдываюсь, потому что, блин, Россия — духовная страна, и богатым в ней все еще быть стыдно, потому она и в жопе.

Рано утром позвонила Ингрид:

— Не разбудила?..

— Да если бы и разбудила, — ответил я, — совесть тебя не загрызет, я тебя знаю.

— Но твоего пишундрика жалко, — сказала она.

— Она вышла замуж, — сообщил я.

— За тебя?

— Увы...

— Сочувствую, — ответила она с абсолютным и даже нескрываемым лицемерием. — А зачем?

— Хочет быть примерной женой, — пояснил я, — как ей твердят мама и бабушка.

— А Синтия?

Я поморщился.

— Ты что-то слишком уж мое окружение знаешь... Синтия от меня ушла еще раньше. О ком еще спросишь?

Она ответила великодушно:

— Остальные связи у тебя разовые, это неинтересно. Хотя тайные службы интересуются всем.

— Займи сегодня место в моей постели, — предложил я. — И не надо будет ни за кем следить.

— Не могу, — ответила она со вздохом. — Ты же теперь босс. Нельзя. Устав есть устав.

— А нарушать запретное так приятно, — сказал я. — Даже сладостно!

Она ответила с твердостью:

— Во мне преступных наклонностей не замечено. Даже я сама не замечаю. Разве что тебя бы прибила, но меня любой суд оправдает. Ладно, срочно выезжай в столицу. Тебе сколько добираться, час?

— Обижаешь, — ответил я. — Двадцать минут. С учетом завтрака — двадцать пять.

— Я тебя перехвачу, — сообщила она. — Сперва нужно в Управление.

— Тебе восхотелось или вызов?

— Там что-то стряслось, — ответила она и оборвала связь.

Я дозавтракал уже в автомобиле, на трассе можно поручить вести машину автопилоту, потом сам взялся за руль и добавил скорости, на что автопилоты пока не запрограммированы.

Ингрид перехватила на МКАДе. Мой авто оставили на стоянке, я согнал Ингрид на правое сиденье, а сам сел за руль и погнал, догадываясь, что штрафы за превышение платить не придется.

Ингрид поглядывала ревниво, но я просчитываю не только нашу скорость и возможности автомобиля, но и всех, кто оказывается в сотне метров впереди, сзади и по бокам, так что несемся с такой скоростью, что даже Ингрид то и дело задерживает дыхание, ногами вперлась впереди, а пальцы вцепились в сиденье.

— Не выпендривайся, — процедила она со злостью. — Подумаешь, ас... Мотор спалишь... И тормоза уже горят.

— Да? — спросил я с интересом. — Здорово! А я к ним ни разу не притронулся, как ты могла заметить. Она надулась и промолчала.

Едва понеслись уже по городу, все больше сбавляя скорость, как навигатор предупредил, что в трех километрах впереди на перекресток выдвигается колонна протестующих против усиления мер безопасности и установки добавочных видеокамер теперь уже и в спальных районах.

Я увеличил изображение, во главе колонны трое заводил, матерые сволочи, такие получают от

госдепа гранды даже на членов семей, а за ними прет орущая молодежь и всякого рода гуманитарии, видно по рылам, писатели, художники, музыканты и все те, кто считает своей обязанностью ругать власть и требовать себе льгот. Всяких разных и побольше, побольше!

В переднем ряду весело и задорно запели «Бригантина поднимает паруса...», и меня передернуло от омерзения. Неделию тому здесь же двигалась колонна сторонников Ицкова, который сформулировал свою предвыборную программу на пост президента страны. И хотя всем нам понятно, что в этот раз населению еще неясно, что за бессмертие нужно бороться больше, чем за отмену таможенных пошлин на айфоны, но расчет на то, что к следующим выборам народ созреет, агитацией будет охвачено большинство населения, и здравый смысл победит...

Но какой здравый смысл может двигать сейчас вот этими предельно тупыми людьми... нет, это я со своей нынешней ступеньки, а ведь на самом деле они такие же искренние, как и те, кто призывает голосовать за победу трансгуманизма.

Разница в том, что трансгуманизм только для умных, а демократия — для всех. И для идиотов, и для тех, у кого детство затягивается. Эти люди не переходят из стаза в стаз, у них даже линьки совсем редко, и то, что они остаются с детским восприятием мира, ставят себе даже в заслугу.

Ну вот распевают они, уже будучи взрослыми и семейными: «Вьется по ветру «Веселый Роджер», люди Флинта песенку поют...», и никто из них не додумывает, что вот он плывет на корабле с семьей, а навстречу эти «яростные и отважные», о которых только что пел с таким придыханием. И что?

Да все, как обычно: корабль на abordаж, все добро перенесено на пиратский, мужчин убить, женщин изнасиловать и за борт, а корабль затопить, чтобы в случае поимки делать голубые глазки: а нас за что? Мы никого в море вообще не видели!

У детей страсть все ломать и не подчиняться родителям, но одни подрастают и понимают, насколько необходимы законы, а другие «остаются молодыми» и пополняют ряды оппозиции, либералов и борцов с режимом, какими были пираты, корсары, флибустьеры, лесные робингуды, кармалюки и домбуши, в те века оппозиция была такой, а теперь она устраивает митинги и пытается захватить власть сразу во всей стране, чтоб уж грабить так грабить.

Хотел бы посмотреть на создателей фильмов и сериалов о Робин Гуде в тот день, когда их встретил бы на лесной тропе сам Робин Гуд!.. И как обобрал бы, раздел и как унизил, если бы вообще не прирезал. На самом деле благородных разбойников не бывает по определению, не надо бла-бла.

Но задержавшиеся по развитию в блаженном детстве демократы с восторгом клепают фильмы и сериалы о благородных киллерах, автоматически выступают против всего, что предлагает власть, будь это в России, Штатах или в Азии.

Одна надежда, рождаемость сокращается, а продолжительность жизни растет. Это значит, молодых дураков будет все меньше, а шанса дожить до возраста мудрости все больше.

— Кто не спрятался, — проговорил я, — я не виноват...

Ингрид зябко передернула плечами.

— Как это произносишь...

— Как?

— У Сири голос и то человечнее!

— Мы с техникой идем друг другу навстречу, — ответил я. — Ибо! Кто не спрятался, так ему и надо.

Демократы — это те, кто так и не повзрослел, для которых взрослые всегда деспоты, обижают и непонятно чего требуют, но сами обогащаются, строят себе дворцы и накапливают на зарубежных счетах триллионы долларов, потому правительство надо клеймить, обзывать, протестовать и требовать свержения.

Я резко повернул руль, автомобиль нырнул во дворы, там вдоль стенок почучундрил на параллельную улицу.

Ингрид спросила:

— Чего так, они надолго?

— У них на работу нет ни времени, — сообщил я, — ни желания, а на протесты всегда найдется.

Глава 4

У входа в здание нас встретил дежурный, сказал быстро:

— Полковник ждет. Не задерживайтесь, прямо к нему.

Ингрид кивнула, я на ходу просмотрел, как и что видят скрытые видеокамеры, особой нервозности не чувствуется, хотя сам Мещерский в некотором раздражении меряет шагами кабинет из угла в угол.

Дежурный распахнул перед нами дверь, а едва мы переступили порог, тут же закрыл следом быстро и бесшумно.

Мещерский сказал коротко:

— Владимир Алексеевич, Ингрид... Садитесь. Можете ближе к столу... Новости не самые добрые. Помните, мы по вашему запросу послали в Тунис проверить ту местную лабораторию?

— Да, — ответил я. — Связь потеряна?

Он кивнул:

— К сожалению. Двое хороших проверенных полевых работников.

— Что там, так и не узнали? — спросил я.

— Если и узнали, — ответил он, — то сообщить не успели. Единственное, что знаем достоверно, там в горной части в самом деле выстроены некие строения, слишком необычные для субтропической природы. Видимо, как вы и сказали, там создана лаборатория, где проводятся работы по созданию бактериологического оружия. Или чего-то подобного.

Я поинтересовался:

— Кому принадлежат, тоже неизвестно?

— К сожалению, — ответил он.

— Кто бы ни делал, — сказал я, — это незаконно. В любой стране!.. Потому никто не признается, что там их люди. Даже если отыщутся улики, указывающие на какую-то страну, скажут: это террористы, а террористы не имеют национальности.

— А если найдутся связки, — спросила Ингрид, — указывающие на какую-то разведку?

Я посмотрел на нее с интересом, но ответил Мещерскому:

— Аркадий Валентинович, для меня не новость, что любая разведка заявляет, что она ни при чем, ее людей там нет и никогда не было. И все это грязная провокация, призванная повредить дружбе народов, сотрудничеству, культурному обмену, исследованию

космоса и защите памятников старины... В общем, мы знаем столько же, как и неделю назад. Лаборатория существует полгода, а это не только тревожно, но и опасно. За это время они могли...

Ингрид прервала:

— Срочно нужно высылать новую группу!

Мещерский посмотрел на нее с предостережением, дескать, нельзя прерывать руководителя, пусть даже и приставлена следить за ним, нужно соблюдать устав и нормы.

Я сказал Мещерскому с горечью:

— Как всегда, опаздываем. Риски глобальной катастрофы стремительно распространяются по всему миру. Наш КЗАЧ должен был быть создан намного раньше... Хотя бы на пару лет. Хуже того, промедление, как сказал великий вождь пролетариата, смерти подобно. Через год технологии создания как вирусов, так и прочей смертоносной дряни станут доступны даже школьникам.

Он посмотрел на меня испытующе.

— Работать нужно в три смены?..

— Да, — отрезал я. — Иначе потом с этой лавиной не справиться. Сейчас успеть еще можно, но только если без адвокатов.

Его взгляд стал строже.

— В чрезвычайных условиях без них обходятся даже самые демократичные страны.

— Слава богу!

— Владимир Алексеевич, от вас требуется только одно...

Он сделал паузу, я ответил с понятным чувством благодарности:

— Спасибо. А от вас только люди и снаряжение. Пока что в моем распоряжении одни аналитики.

— В вашем распоряжении будут лучшие, — сообщил он. — Кстати, я их уже отбираю для вас. Лучших из лучших. Когда нужна первая группа?

— Год назад, — ответил я. — Но готов вылететь с нею и сегодня.

Он помолчал, рассматривая меня испытующе.

— А вам-то зачем?

— Должен увидеть, — пояснил я, — как кто работает. Посмотрю, кого поставить старшим.

— Да там уже есть...

— Возможно, — ответил я, — он им и останется. Важно, чтобы сработали наилучшим образом. Это самое важное, а не ваши, мои или начальства выше предпочтения.

Он подумал, кивнул.

— Вы правы, иногда сверху присылают своих людей. Обычно это в самом деле лучшие. Но, понимаю, они же одновременно информаторы... Хорошо, через час будут у вас. Снаряжение стандартное или что-то особое?

— Только репудин-шесть, — сказал я. — На случай, если там еще есть комары вида Антей. Не хотелось бы, чтобы кто-то подхватил скоротечную малярию. Хотя это и не смертельно, но все же противно.

— Через час, — ответил он.

— Спасибо, — сказал я. — Аркадий Валентинович...

Он кивнул.

— Действуйте, Владимир Алексеевич.

Ингрид молчала, пока спускались по лестнице и выходили на крыльцо, даже открывая дверцу машины, не промолвила ни слова, и лишь когда вырли на шоссе, поинтересовалась:

— В кафе или в ресторан?

— Чего вдруг? — спросил я настороженно. — А почему не в библиотеку?

— Ты же постоянно жрешь, — напомнила она. — А в библиотеке только пища от духовенства.

— Духовная, — уточнил я. — Ее тоже жру.

— А насчет гастрономии уже приутих?

Я подумал, покачал головой.

— Ну, если тебе хочется набить пузо, то давай заедем, но ты же силовая структура, должна прикрывать меня, а не прикрываться мною, бесстыдница!

— Похоже, — заметила она оценивающе, — у тебя период жора закончился. А то даже не знаю, как ты все усваивал! Но, наверное, восстановил доболезненную форму и остановился?

— Ничуть, — сообщил я, — все еще наращиваю емкость нейронов и скорость регенерации нервной ткани... Но силовым структурам такое не увидеть. И жалко, да?

— Ничуть, — отрезала она. — Нам важнее, чтобы у тебя хорошо работали сердце, печень и мускулатура. Твоя нейронная сеть в мозгу вполне устраивает и такая. У нас в Управлении реалисты. Ты сумел показать себя как исполнителем, так и координатором двух успешнейших операций, потому у нас мудро решили не пытаться прыгнуть выше головы.

Я слушал, кивал, она не замечает, что светофор пару раз нам подыграл, включив красный на секунду позже, так что успели, а еще разок зеленый зажегся раньше, но дальше я сдержал понятное желание сделать нам зеленую улицу.

Вдали показалось здание, где расположился наш отдел, который мы все еще называем по-разному: Отдел по рассмотрению глобальных рисков, Отдел

Предотвращения Катастроф и даже ГКЧП, а я предпочитаю КЗАЧ, в детстве придумал Комитет Защиты Человечества, который защищал бы планету от пришельцев и безумных профессоров.

Вообще-то даже комплекс научно-исследовательских институтов и лабораторий называем, чтобы не заморачиваться, Центром Мацанюка, хотя в частности указываем то Институт нейрофизиологии, то Институт регенеративной медицины, то Центр антиэйджинга...

Ингрид красиво развернулась и подогнала машину задницей к подъезду.

— Думай, — посоветовала она, — как будешь выполнять задание.

Я посмотрел на нее с интересом.

— Полагаешь, только и делаю, что с тобой чирикаю?.. Для этого мне хватает миллионной доли моего мозга.

Она вышла раньше, чем я открыл для нее дверцу, сказала уязвленно:

— И что надумал?.. В чрезвычайных условиях забрасывают десант из стратосферы. Мне пришлось трижды... В спецкостюмах, с кислородными масками... но это когда счет идет на часы. А сейчас неизвестно, на какой стадии там работы, потому придется обычным авиарейсом.

— В Тунис есть прямые? — спросил я. — Ага, есть... Москва — Тунис... Тунис — это и столица Туниса, и аэропорт под названием «Тунис» и еще много чего, вылет через четыре часа... Следующий через двое суток... Блин, а как же с билетами?

Охрана пропустила нас через вереницу сканеров, на лестнице Ингрид сказала немножко тревожно:

— Обычно для всяких разных случаев сохраняется бронирование на несколько мест. Продадут уже перед самой посадкой.

— Надеюсь, — сказал я, — Мещерский об этом знает.

Она усмехнулась.

— Не волнуйся. Улететь улетим. А вот там у нас прикрытия не будет.

— Тунис, — напомнил я, — страна ислама. У нас Левченко — прирожденный исламист. Да и я знаю культуру Востока достаточно хорошо. А как тебя и остальных представить... придумаем. Ты же вроде берберница?

— Берберка, — отрезала она. — И необязательно твоей женой. А еще лучше туарегшей!

— А что там? — спросил я. — Ах да, вспомнил... У них еще круче, женщины ходят с открытыми лицами, а мужчины носят паранджу? Да, круто. Надеюсь, в Европе до этого дойдет не скоро.

— Скоро, — пообещала она зловеще, — тогда я над тобой поизмываюсь!

— А как же общество охраны животных?

— Для мужчин снисхождения не будет, — пообещала она. — Лучше будет прикинуться туристами. Или наемниками. Запад щедро оплачивает противоборствующие группы! Вот и мы... жадные до денег и трофеев... Левченко звать?

— Давай, — сказал я. — А он здесь?

— Звонил, — сообщила она.

— И как?

— Сказал, что в нашем распоряжении.

Поднявшись на этаж, я отправился в свой кабинет, а она пошла искать Левченко.

Левченко переступил порог, сразу вытянулся.

— Майор Левченко по вашему приказанию...

— Вольно, майор, — сказал я. — У нас не старомодная армия, а нечто по-современному злое и активное. Вы отправляетесь с группой на задание. Старший я, но командовать будете вы.

Он переспросил:

— Простите...

— Я посмотрю, — сообщил я, — как действуете. В следующий раз уже без меня как единоличный руководитель группы. А я точно так же посмотрю новую группу. После чего останусь здесь и буду рассылать вашим группам подсказки, ориентируясь на снимки со спутников и на то, что моя левая нога восхотела..

Он кивнул, уже удовлетворенный, но продолжал поглядывать на меня несколько странно. Я ждал, наконец он сказал тихонько:

— Я слышал краем уха, вам навязали это Управление за какую-то особую операцию, когда вы просто поговорили... и тем самым предотвратили чуть ли не третью мировую войну?

— Это уже байки, — ответил я, — хотя верно, конфликт нарастал нешуточный. Но удалось просто отговорить.

— Профессор?

Я двинул плечами.

— Просто решили не ворошить прошлое даже ради какой-то сраной справедливости. Справедливость хорошо, но стабильность и безопасность выше справедливости. Фраза римлян «Да свершится правосудие, пусть даже погибнет мир!» нам не подходит. Мир не должен погибнуть. Даже не должен обливаться кровью.

Он посмотрел на меня в изумлении.

— Правда?

— Точно, — подтвердил я. — По такому пустяку. А так вообще кровопускание оздоравливает и омолаживает организм. И даже такой запущенный, как человечество.

Он хмыкнул.

— Вообще-то эти конфликты и войны по всему миру весьма даже... оздоравливают? Тогда мы делаем благородное дело. Когда летим?

— Через два часа, — ответил я. — Майор, вы даже не спросили, куда?

— Это может быть секретное задание, — предположил он.

— Так и есть, — ответил я.

Он спросил осторожно:

— Это... в России?

— Сейчас весь мир — Россия, — сообщил я ему новость.

Глава 5

В камуфляжной форме и обвешанные мешками, они бодро выпрыгивали из своего разрисованного зелеными пятнами грузовика и сразу бежали к нашему автобусу, а там с разбегу проскакивали вовнутрь, где под надзором Левченко в темпе переодевались в гражданское.

Автобус, едва захлопнув двери, тут же торопливо понесся в сторону аэропорта.

Я на ходу всматривался в их фигуры и лица уже живую, хотя именно их отобрал из дюжины предложенных Мещерским, когда изучил их досье, медицинские карточки, а также то, что не предоставил

Мещерский. Правда, половину того, что не предоставил, он и сам не знает.

Куцардис, высокий и красивый блондин, по моим данным считается одним из лучших снайперов в ГРУ, хорошо видит ночью даже без специальных очков, Челубей страшен в рукопашке, здоровенный и сильный, как бык, однако быстр и точен, а еще легко может нести тяжести, стрелять с обеих рук.

Затопек — виртуоз-подрывник, хорош в камуфляже, прекрасно осваивает любую технику, скоростник, быстро все схватывает, прекрасно ориентируется, великолепно владеет всеми видами оружия.

Левченко уже знаю, особенно хорош для работы в странах ислама: прекрасно говорит на арабском, там же в МГУ на факультете исламской культуры усвоил все знания Корана и его толкований, да и сам с виду чистокровнейший араб из тех мест, откуда и сам Пророк.

Они тоже поглядывают, не в упор, но я знаю эти скользкие взгляды, когда визуальная информация схватывается вся, а потом уже считывается из зрительной памяти и анализируется по схемам, выученным в школе ГРУ.

Когда перехватывают мой взгляд, даже как бы чуточку подтягиваются, хотя и не показывая, что военные, а так, как студенты, выказывающие уважение профессору.

— Ребята, — сказал я, — нравится вам или нет, но сегодня я ваш командир. Вернее, командир — майор Левченко, но руковожу я. Да, так бывает. А это мой заместитель, капитан Ингрид Волкова.

Их лица ничего не выразили, молодцы, но недовольство от всех троих я уловил отчетливо.

— Это разовая операция, — добавил я в утешение, — после чего вернетесь. На прежнее место. Разумеется, если кто-то возжелает остаться в нашем отделе, обещаю милостиво рассмотреть такой бзик.

Они даже не переглянулись, но я как будто умею читать мысли, почти отчетливо увидел светящиеся, как в бегущей строке, слова «...если вернемся с таким командиром...».

Левченко, напоминая, что командир здесь он, хотя командую я, сказал настойчиво:

— Берегите нагрудные карманы! В каждом по тридцать тысяч долларов наличными.

— А в джинсах? — живо спросил Затопек.

— В задних, — сказал он, — можно всего по пачке, а в передних по три. Остальное в рюкзаке. Что делать, в Тунисе не в каждом лесу можно получить любую сумму в банке.

Челубей внимательно всмотрелся в Левченко.

— Майор вообще в куртке... Неспроста, я думаю.

— В куртке у меня полмиллиона, — буркнул Левченко. — Подумываю, а не махнуть ли вместо этого гребаного Туниса на Багамские острова?.. Пляжи, девочки, коктейли...

Кочубей поморщился.

— Что вы за патриоты?.. Здесь всего миллион долларов на всех!.. Не стыдно? Я меньше чем за пять Родину не продам!

— Нам столько перевозить не доверят, — сказал Затопек печально.

— Тогда грабанем какой-нибудь банк, — предложил Челубей, — и смоемся на какие-нибудь Каймановые... Хороша идея, профессор? Там можно на берегу моря и лабораторию поставить!

— Какой банк? — спросил Куцардис с подозрением. — Как патриот я не стану грабить российские банки!

— Националист, — сказал Челубей с отвращением. — Мир идет к глобализации, а ты дикарь какой-то!.. Да и вообще, у банкиров нет национальности.

Куцардис подумал, махнул рукой.

— Ты прав, будем грабить всех. Капитализм не интернационален, а космополитичен, хотя я разницы так и не понял, но все равно они все гады, так что не только можно, но и нужно для цивилизации и либеральных ценностей.

Левченко посмотрел на него подозрительно, потом на меня.

— Профессор... это он не от вас набрался таких блох?

— Наш человек, — ответил я. — Разделяет прогрессивные веяния, хотя те еще и не оформились в четкие лозунги и призывы.

Автобус резко остановился у главного входа, Левченко взглянул на часы, заорал:

— Шнель, шнель!.. Ингрид, ты тоже шнель!.. Или тебе швыдшэ?.. Сейчас там уберут трап!

— Еще надо пройти регистрацию, — напомнила Ингрид. — Не туда, для випов отдельно...

Повыскакивали уже с туристическими сумками от разных фирм и разных цветов, спокойные и успевающие разглядывать достопримечательности, ага, прямо в помещении аэропорта...

Левченко поторапливал, десантников всего трое, но с ним, Ингрид и мною уже шестеро, более чем достаточно: не думаю, что в субтропических зарослях лабораторию охраняет дивизия.

Регистрация времени не заняла, нас просто пересчитали, и мы по уже абсолютно пустому посадочному коридору быстро пошли к самолету.

Нас ждали, стюардесса окинула осуждающим взглядом, слишком уж раззявы, потом посмотрела внимательнее, и хотя все мы просто отборные самцы, но что-то увидела в нас еще и заулыбалась сладко.

— Заходите и занимайте свои места быстрее. И так опаздываем на три минуты...

— Спасибо, милая, — сказал Куцардис.

— А ты хороша, — заметил Челубей.

А Затопек, проходя мимо, только посмотрел на ее крупную грудь, печально вдохнул и сказал жалобно:

— Почему меня никто не любит...

Левченко подтолкнул его в зад.

— Или-иди. А то я полюблю. А потом еще Ингрид добавит...

Он вбежал бегом, приговаривая шепотом:

— Только не Ингрид, только не она... У нее же погоны капитана!

Нас рассадили в салоне порознь, я присмотрелся — в администрации аэропорта служат хитрые жуки, вон те два места оставлены для службы безопасности полетов, сейчас там сидят Челубей и Куцардис, а они в вопросах безопасности заменят кого угодно, так что руководство на двух билетах сэкономило...

Места Ингрид и мое рядом, думаю, не случайно, она время от времени оглядывалась, сразу же делая вид, что вот такая провинциалка и очарована огромным салоном, а мне прошептала:

— Мне ребята нравятся. А тебе?

— Пока да, — ответил я. — Но проверим еще и в деле.

Бортпроводница попросила пристегнуть ремни, мотор заработал, самолет медленно покатил по взлетной полосе.

Ингрид посматривала на меня искоса, наконец прошептала:

— Ты чего? Про другого бы сказала, что трясет, но ты же айсберг!

— Да какой из меня, — огрызнулся я. — Я никогда не был руководителем и не стремился им быть!.. Блин, как я в это влез, сам не понимаю. Как мартышка в сеть. Это ты во всем виновата

— Конечно, — согласилась она великодушно. — Вали на меня. У меня спина крепкая. Если что, и тебя из огня вынесу.

— Нет уж, — отрезал я. — В такие места не лезу. Я руководитель или кто? Теперь я только издали... И чего сейчас... Ну да, ну да, надо же самому посмотреть, кто и как...

— Да брось, — сказала она покровительственным тоном, что нас так бесит в женщинах. — Ты не знаешь группу, потому и тревожишься, как отец-командир.

Я сказал зло:

— Предыдущая группа исчезла без следа! Словно камень в болоте.

— Их было двое, — напомнила она. — Нас шестеро... и уже знаем, что там встречаются не хлеб-солью.

— Ты этих ребят знаешь?

Она наклонила голову.

— Двух.

— Кого?

— С Куцардисом и Челубеем была в Йемене, хоть и в разных группах. Встречалась в лагере. Затопек, как я слышала, на сутки раньше меня прыгал с парашютом ночью на горящий Дамаск. Ребята опытные...

— Они опытные, — сообщил я, — когда руководитель опытный и не сует их в мясорубку. А я как раз из таких, что не очень-то... В общем, хоть и лечу с вами, но там держусь в сторонке, поняла? Наблюдаю, насколько я хорош как стратег и тактик. Ну, как стратег я просто чудо, уже знаю, а насчет моей тактичности проверить не мешает...

— Да уж, — сказала она ядовито, — тактичность у тебя просто зашкаливает. Думаю, руководство не будет против твоего и личного участия. Еще как не против!.. Это хорошо, когда руководитель своими глазами видит, как ведут себя его бойцы в боевой обстановке. Но, думаю, это можно только раз-другой, потом не должен вылезать из своего бункера в Стратегическом Центре КЗАЧ.

— Стратегический Центр, — повторил я, — как звучит...

— А что, — сказала она пророчески, — если рисков так много, как ты говоришь, нашей команды на весь мир не хватит!

— Боюсь, — сказал я, — наша команда разрастется... Хотя так и должно быть, масштабы не мы выбираем, но все равно тревожно...

Она покосилась на меня с нескрываемым интересом.

— Вот уж не думала, что ты страшишься масштабов.

— Это не страх, — возразил я. — Реальные масштабы не всегда что-то значат. У меня целый огром-

ный мир на столе между стеклышками микроскопа!.. И далеко не всякий поймет, что там делать.

— Поняла, — ответила она серьезным голосом, и я поверил, что в самом деле поняла. — Но если надо... ты сможешь и в этом мире, реальном...

— Тот еще реальнее, — сказал я.

— Ладно, — ответила она, сдаваясь, — сейчас ты просто уперся рогами. Чаще такие у женщин, но и мужчины бывают... что-то вас где-то переклинивает... Смотри, весь салон забит туристами. Неужели в Тунисе так интересно?

— Страна от туризма получает прибыли почти столько, — заверил я, — сколько от продажи нефти. Про Карфаген слыхала?

Она оживилась, повернулась ко мне всем телом.

— Что? Откуда Ганнибал повел слонов на Рим?

— Именно, — подтвердил я. — Наша буквенная письменность тоже оттуда. От финикийцев, что выстроили Карфаген. До них писали пиктограммами...

— Здорово, — ответила она, но тут же ее лицо стало строгим. — Хотя нам не до туризма. Те двое не вернулись...

— Мы вернемся, — пообещал я, но внутри что-то предостерегающе заныло.

Пассажиры практически все туристы, только двоих-троих можно заподозрить в деловых поездках, у остальных уже отпускное настроение, везде шуточки, хохмочки, хотя некоторые благоразумно устроились соснуть в креслах, чтобы выйти по прибытии из самолета свеженькими и готовыми к приключениям.

Рейс продлится четыре часа с минутами, расстояние всего три тысячи километров, столько же до Новосибирска или Каира, так что нашим тоже

можно бы вздремнуть, но, похоже, успели отдохнуть прямо перед назначением, присматриваются и к пассажирам, и к нам с Ингрид, хотя ее более-менее знают, это я для них темная лошадка.

Сбоку, чуть сзади, в соседнем ряду сидят Затопек и Левченко. Оба сидят с закрытыми глазами. Делают вид, что спят, хотя не думаю, что на самом деле так.

Глава 6

Самолет только пошел на снижение, а я ощутил, что окунаемся в мир знойного солнца, раскаленного песка и синего-синего неба, где ну просто не бывает облаков, не говоря уже о тучах.

От здания вокзала осторожно пошел в нашу сторону автобус, а когда самолет наконец остановился на полосе, важно подъехал трап, а за ним суетливо посадочный автобус.

Через десять минут мы все вышли из здания аэровокзала, вальяжные и довольные туристы, в свободной легкой одежде, с рюкзаками у кого за спиной, у кого на плече.

— Добро пожаловать в Тунис, — сказал я, — надеюсь, вам понравится.

Левченко поинтересовался:

— Вы наш гид?

— Я ваше все, — ответил я. — Ингрид, закройся хиджабом. Никаб не предлагаю, Тунис все-таки еще светское государство, но радикальных группировок многовато, потому лучше держаться без вызова.

Она молча повязала, умело и с неременной женской грацией, закрыв не только волосы, но и горло с шеей. Яркая восточная красота стала

только заметнее, а крупные орлиные глаза сразу привлекают внимание с такой мощью, что чувствуешь невольную оторопь.

Куцардис и Челубей вовсю фотографируют новое здание аэропорта, в самом деле современное, Затопек делает вид, что с восторгом рассматривает каждую темнокожую красавицу, а Левченко объясняет Ингрид, что и здесь люди живут.

На примыкающей к аэропорту площади несколько автобусов с названиями отелей, гиды уже зазывают на экскурсии, сразу заметно, что в городе многовато людей с оружием, и далеко не все из них относятся к полиции.

Левченко перехватил мой взгляд, понимающе кивнул. Слишком большие потоки беженцев проходят через Тунис, где от солнечных пляжей рукой подать до берегов Италии.

Беженцы далеко не все бегут ради халавы в Евросоюзе, многие в самом деле стараются уйти из-за непрекращающейся вялотекущей гражданской войны за власть между самыми разными группировками, а опыт говорит, что побеждают обычно самые злые и радикальные.

— Вся Африка такая, — сказал он тихонько. — Вся в огне...

— В глубинке не видно, — пробормотал я, — да и никто не жаждет видеть. Взаимоистребительные войны... что, может быть, и хорошо для мира и прогресса, но потоки беженцев... гм...

Он кивнул.

— Да, здесь на самом крае все это виднее. До Европы рукой подать. Проще туда убежать, чем здесь пытаться что-то наладить... Всего-то переплыть не очень широкий участок теплого и мирного моря!

— И в Европе? — спросила Ингрид.

— В Италии, — ответил я. — Все, пойдемте отсюда. Здесь нафотографировались, пошли дальше.

Куцардис и Челубей двинулись через площадь, все старательно делаем вид, что снимаем на мобильники экзотику вокруг, с удивлением смотрим на осликов, что двигаются по дороге рядом с «Мерседесами» последней марки.

Левченко, не убирая глуповато-восторженной улыбки, спросил негромко:

— Как будем добираться, шеф? Здесь неплохое сообщение поездами. Можно доехать до Джендуба, а уже оттуда не больше сотни километров...

Я покачал головой.

— Нет. Эль-Кеф небольшой городок.

— Туда вообще лучше не показываться?

— Да, — ответил я. — Это здесь любое стадо слонов затеряется.

— Шеф?

Я кивнул на ряд лавок, что начинаются от здания вокзала и уходят в обе стороны нескончаемыми рядами.

— Вон, начиная с той, где пестрый полог, торгуют оружием... Ты смотришься как саудовский принц, что решил лично поучаствовать в благородной войне против неверных, так что пройдишь, посмотри...

Челубей пробасил:

— Он больше араб, чем любой из здешних арабов. Мы же только европейские наемники, что прибыли за длинным долларом. А он точно полевой командир!

Левченко хлопнул его по плечу.

— Я для тебя сторгую самый тяжелый «миниган».

— Сперва присмотри хороший джип, — велел я. — Оружие потом. Нам не стоит ходить обвешанными автоматами, как здешние банды... Топай, а мы, чтобы не привлекать внимания, посидим вон в той кофейне.

— Понятно, — сказал Левченко, — вы же шеф. А я что, я подневольный негр арабской национальности... Ого!

— Что? — спросил я.

Он указал на неспешно едущую посреди улицы бронированную автомашину с крупной надписью на боку «Police».

— Да тут и полиция есть!

— Это полиция, — согласился Затопек, — но это не совсем та полиция... Шеф?

— Полиция, — подтвердил я. — Бандформирование, которое сильнее остальных, всегда начинает устанавливать свои порядки. Порядок нужен даже бандитам... Это «Длань Всевышнего» или «Сыны Аль-Сиды»?

Затопек в затруднении промолчал, а Левченко сказал с удивлением и неким уважением:

— «Длань Всевышнего».

— А куда делись альсидисты?

— Альсидисты сдвинулись в район левее, — ответил он. — Все-то вы замечаете, шеф...

— Ты же заметил, — парировал я.

— Так я узкий специалист, — пояснил он. — А вы, говорят, даже микробов по именам знаете.

— И даже по званиям, — подтвердил я.

Куцардис толкнул его в бок.

— Слышишь, араб... Разве мусульманам пить можно?

— Смотря с кем, — ответил Левченко, — и по какому поводу. А что?.. А-а, увидел Boukha?.. Это их

национальная водка из инжира. Но я больше люблю их ликеры. Финиковый Tibarin и цитрусовый Cedratine. Крепкие, но нежнейшие, как женщины из Гафсы, есть такие особенные...

Куцардис повернулся ко мне.

— Профессор, что он за мусульманин?.. И вообще, это Тунис или не Тунис?

— Здесь мусульман девяносто восемь процентов, — ответил я, — один процент евреев и по полпроцента черкесов и бедуинов.

— Евреям пить тоже нельзя, — сказал Куцардис озадаченно. — Неужели все черкесы выжирают?

— Тут всегда полно туристов, — пояснил я. — Самая прибыльная, после нефтедобычи, статья.

Левченко усмехнулся, отсалиutowал по-арабски и ушел, а мы вошли под широкий навес, защищающий от палящего солнца.

В кофейне, где больше всего мандражировала Ингрид, тихо и мирно, как будто каждый третий мужчина в городе не выходит на улицу с автоматом через плечо.

Мы наслаждались как хорошим кофе, так и вкусными млябес, что пекут тут же на виду у посетителей. В нашу сторону деликатно не посматривают, понятно сразу, дикие гуси, из Европы многие едут сюда кто подзаработать, а кто и просто поразвлечься, словить экстрим.

Продолжая изображать праздных туристов, говорили о пустяках, новостях, скандалах из жизни звезд. Вспомнили и о последней акции протеста, о которой заявили двое из актеров кино, дескать, власть их угнетает, потому народ не желает смотреть фильмы с их участием.

Куцардис, снайпер, которого во всех досье отмечают еще и как широко образованного, как ни

странно, в области культуры, искусства и даже политики, а вот спортом брезгает, не знает даже названий футбольных команд, не слышал о недавней победе наших хоккеистов где-то на выезде.

Именно он, хоть и эстет, поморщился, сказал с ленцой профессионала, вынужденного общаться с малограмотным человеком:

— Затопек, чего ты хотел?.. Самые профессионально неумные... или просто обделенные интеллектом, как гласит статистика во всем мире, это актеры.

Челубей сказал довольно:

— Во-во!.. А еще умничают. Профессионально неумные... хорошо засадил! Внушает!

Куцардис сказал тем же тоном:

— Их у нас вообще называют, простите за грубое слово, артистами. Ну это понятно, писатели хотя бы придумывают героев, сюжеты, ломают головы над замысловатыми диалогами, а этим артистам, то есть актерам, нужно только точно запомнить слово в слово и ничего не перепутать.

— Во-во, — подтвердил Челубей, — попугаи пингвинистые!..

Затопек проворчал:

— Сами вы... Это же люди искусства! Или не?

— Попугаи, — согласился Куцардис. — Если актер изменит хоть слово или пропустит, его с работы выгонят. Какая уж там свобода творчества... И какого хрена именно они с экранов жвачников поучают правительство, как надо править, какие реформы проводить, за кого нам голосовать, чтобы всем было щасте?.. Блин, актеры!.. Актеры учат политике!..

Челубей сказал лениво:

— Наших актеров вообще можно всех расстрелять без всякого ущерба для кино. Все равно отечественное не смотрим. А польза будет, у пятой колонны боевые потери... Мелочь, а приятно.

Ингрид поглядывала на меня, я помалкивал, устами дитятей глаголит Бог, в этом случае ясно и доходчиво говорит истинную истину через этих дитятных десантников.

В Европе нарастает роботизация, уже миллионы крепких здоровых мужчин оказываются на улице. Самое время вербовать их в отряды для борьбы за правое дело на Востоке, обещая высокое жалованье и плюс высокие гонорары за каждое выполненное задание.

С каждым годом работы будут лишаться по два-три миллиона человек, потом по пять-десять, так что пусть не все пойдут воевать, но все же впереди интересная жизнь...

В Европе ради экстрима только с крыш прыгать с парашютами, а на Востоке простор для приключений!.. Убивай, грабь, насилуй... хоть привычно женщин, хоть попробуй мужчин, если в прежней жизни стеснялся, а здесь просто: изнасиловал — застрелил, изнасиловал — застрелил... Ишака и вовсе стрелять не надо, никому не скажет. Счастье-то какое! Свобода, воля, счастье, люди Флинта песенку поют, дело Робин Гуда живет... Романтика! Как же достала жизнь в зарегламентированном мире!

На проезжей части перед кофейней остановился пикап с открытым верхом, что естественно в жарких странах, где не то что зимы, но и дождей не бывает.

Сверху — скрепляющая борта толстая труба, за которую не только удобно держаться, но и можно прикрепить к ней крупнокалиберный пулемет, что

здесь смотрится уже не как писк моды, а вполне обыденно, как в Мексике сомбреро.

Левченко заглушил мотор, выпрыгнул лихо, красивый и полный молодой силы, пошел к нам, широко и победно улыбаясь.

— Как лошадка?

— Хороша, — сказал я, — повышенная проходимость, рама приподнята, мотор усилен... Кому-то служил верно, вон пулевые пробоины с левого боку и пару осколочных царапин закрасили недостаточно умело...

— Все-то замечаете, профессор, — сказал Левченко. — Но пробоины — лучший паспорт!.. Да и сторговал задешево. Хозяин уже в земле, а наследники постарались поскорее избавиться от такого опасного средства передвижения... А мой кофе?

Я сделал хозяину жест и сказал на тамезрете:

— Большую чашку моему другу и большой макруд!

Конечно, получается у меня с акцентом, тут уж ничего не могу сделать, зато на любом языке и на любом наречии, если только отыщется в Мировой паутине.

Левченко одобрительно кивнул.

— Спасибо. Кстати, хороший говор. Выдает уроженца Сахары, там живут самые свирепые туниисцы.

Он сел, с жадностью припал к большой чашке, вовсе не стыдясь, что изысканный напиток пьет, как верблюд воду, мужчинам все можно, одним взглядом поглядывал на улицу; где то и дело проезжают в разных направлениях такие же авто с уже установленными на них пулеметами, а полиция, если и видит, задержать или даже задавать вопросы не осмеливается.

Челубей спросил страшным шепотом:

— А пулемет?

— Тоже взял, — ответил Левченко тихонько.

— Ты бог!

— Язычник, — ответил Левченко. — Нет Аллаха, кроме Аллаха, и Мухаммад пророк Его!

— Воистину, — согласился Челубей. — Да будет благословенно Имя Его... А патроны?

— Что я за мусульманин, — спросил Левченко, — если бы забыл о патронах?.. Взял ящик.

— Прекрасно, — сказал Челубей, а Куцардис подтвердил язвительно:

— Стрелять он обожает. Хоть по воробьям, хоть просто по облакам, а чего они тут возникают всякие...

Я спросил негромко:

— А все остальное?

Левченко ответил:

— Здесь рай. Полубезвластие — это та же либертарианская демократия. Столько лавок, где только оружие!.. Я пересчитал массу новейшего, что только-только поступает в армию Штатов и НАТО, но здесь уже в ассортименте.

— Покупал в разных?

Он кивнул.

— Да, но это так, на всякий случай. Там один при мне закупил пятьдесят автоматов и шесть гранатометов. Мои шесть пистолетов и шесть штурмовых винтовок не показались бы чересчур, но, конечно, купил в трех лавках, что далеко друг от друга. Еще взял снайперскую и десяток гранат с минами. Все в джипе, накрыл тряпками, ребятня не растащит.

Затопек отозвался недовольно:

— Если не заметит!

— А они замечают все, — сказал Куцардис елеяно.

— Но-но, — ответил Челубей. — Я слежу. Пока никто в кузов не заглядывает. Хотя дети здесь просто огонь!

— Дети войны, — сказал Куцардис. — В Европе такие тоже были... в Столетнюю.

— Здесь тоже столетняя, — определил Челубей. — Клановая... Война Алой и Белой розы!

— Война Алой и Белой розы, — сказал Куцардис, явно щеголяя знаниями, — всего лишь эпизод Столетней... А кофе здесь лучше, чем в Москве.

Глава 7

Я допил кофе, все пока идет хорошо, вооружились спокойно. Такая обстановка, когда все выживают как могут, позволяет, как ни странно, держаться городам на плаву уже несколько лет достаточно уверенно.

Бандформирования тоже заинтересованы, чтобы город жил и даже процветал, иначе им тоже придется уходить в пустыню и кормиться наравне с верблюдами сухими колючками.

— Надо уходить, — сказал я. — Не надо давать повод думать, что появилась еще какая-то вооруженная группа, никому не подчиняющаяся.

— Будут вопросы, — согласился Левченко. — Мы шестеро не смотримся мирными пахарями. Морды не те.

Ингрид поднялась молча, старательно играет роль исламской женщины, хотя вполне можно вернуться к роли берберки. Третью Туниса занята пустыней Сахарой, где вольно и гордо передвигаются свободолюбивые и никем не покоренные берберы... потому что у них отнимать нечего.

Куцардис сразу сел за руль, включил двигатель и придиричиво начал прислушиваться к шуму мотора. Сделал круг перед кофейней, вылез и похлопал ладонью по капоту.

— Командир, — спросил он у Левченко, — поведешь ты? А Ингрид сядет рядом или останется нянькой нашему профессору?

Челубей и Затопек заулыбались, Ингрид вздохнула.

— Увы, надо быть с ним. Вовремя кормить, слякчавчики менять...

Уже четверо жизнерадостно загоготали, Левченко и Челубей с Затопеком запрыгнули в кузов. Ингрид жестом указала мне на сиденье рядом с водителем, здесь женщинам не уступают лучшие места, а сама полезла в кузов.

В кузове по обе стороны небольшие откидные сиденья, Челубей сел первым, заулыбался.

— Меня выдерживает! Значит, не все тунисцы такие червяки, как здесь попадают. А где пулемет?

Левченко указал на гору тряпок у левого борта.

— Да вон завернут! За городом сам установлю. Незачем здесь привлекать внимание.

— А крепеж? — спросил Челубей.

— Купил.

— Я сам установлю, — сказал Челубей. — А ты бди, а то в рядовые разжалнем. Хотя ты крут! Вон как по-ихнему чешешь.

Я заметил, что хоть и неявно, но все трое все еще присматриваются к нам, с особенным недоверием смотрят на меня. В Левченко все же увидели своего, Ингрид тоже приняли, опасное в ней проступает отчетливо, а вот я совсем из другого эшелона, как будто вообще с другой планеты.

Когда Куцардис развернул автомобиль и погнал к выходу из города, Левченко сказал мне так же весело:

— А рассказать им, как вы вдвоем с Ингрид разгромили чуть ли не целую базу?..

Десантники заинтересованно насторожили уши. Я покачал головой.

— Не нужно детей обманывать. Я профессор, этим все сказано. Профессорство важнее, чем стрелять, ломать и взрывать.

Он кивнул.

— Да-да, верно. Правда, вы там еще и все сожгли за собой... Но это не важно, верно?

— Верно, — ответил я внимательно слушающим десанникам. — Важнее всего выполнить задание. Тривиально, но от того, как будет выполнено, в самом деле зависит, будет мир существовать и дальше или сгинет. Я бы сам в такое не поверил, сказали бы мне... но на самом деле это так, ребята. Вот такое оно, очевидное — невероятное. Добро пожаловать в новый мир! Он никогда не будет прежним.

Все посерьезнели, я сам ощутил, что голос мой не просто серьезен, но в нем проскальзывают какие-то трагические нотки.

За город выметнулись без всяких приключений, а там, отъехав на пару миль, свернули в небольшую рощу, где и остановились.

Челубей вытащил из-под тряпок крупнокалиберный пулемет, из такого хорошо сбивать даже вертолеты, Затопек взялся помогать в установке, а мы разобрали автоматы, пистолеты и запасные обоймы, Левченко повесил на плечо сумку с гранатами и двумя дистанционными минами.

— Похоже, — сказал он задумчиво, — мы готовы к операции... Как скажете, шеф?

— Ты командир, — напомнил я. — Но думаю, ты почему-то прав. Как пулемет?

Челубей прогудел довольнo:

— Командир молодец, ящик патронов купил!.. Да я любую армию смету, как хозяйка тараканов...

Левченко ответил с ухмылкой:

— Патроны здесь дешевле некуда. Штаты снабжают «своих» боевиков бесплатно, а от них все перебрасывается сюда. И здесь распределяется.

— А оружие, — сказал Затопек, — заметили? Лучшее армейское, а то и вовсе для морских котиков!

— Поехали! — сказал я.

Дорога долго шла прямая и широкая, потом асфальт исчез, хотя он не так уж и важен, выжженная до цвета кирпича земля такая же сухая и твердая, а авто прет, не сбавляя скорости, разве что чаще стало подпрыгивать на кочках, но здесь это знакомо, потому в кузове везде есть за что ухватиться.

Я подключился к спутниковой связи, позумил, уже видно, как по едва заметной ниточке дороги стремительно и мощно несется по песочного цвета миру пикап такого же песочного цвета.

Даже небо из синего от жары и зноя стало оранжевым, совсем другой мир для европейца. Я тоже чувствую себя так, словно вдруг очутился на Марсе или Венере... хотя там совсем не такое небо, но подобное же чувство далекости от привычного мира...

Левченко сказал, будто только что вспомнив:

— Там две коробки патронов для снайперской, как это все чаще в спецслужбах, из обедненного урана. Достать практически невозможно, все, повторяю, в руках спецслужб.

Куцардис обронил:

— Разве что за деньги.

Левченко бросил на него злой взгляд.

— Что-что?

— Мы знаем, — сказал Куцардис, — дважды уже появлялись у террористов. За большие деньги, конечно. За очень большие. Но у террористов они откуда-то берутся. К ним пойти, что ли?.. А то еще за квартиру два года выплачивать ипотеку.

Левченко кивнул в его сторону:

— Слышали, профессор? Вот откуда они берутся.

— Это у нас в продажной Европе, — заметил я. — На Востоке все за идею. Потому террористы только оттуда. У нас последние террористы царя бомбами закидывали.

Он сказал со вздохом:

— Я тоже не слышал еще, чтобы кто-то за деньги себя взорвал. Ладно, Куцардис, пока живи, но все равно будешь под наблюдением.

— Меня нельзя, — сказал Куцардис испуганно, — у меня жена ревнивая.

Левченко вскинул брови в изумлении.

— Так зачем тебе такая? Возьми другую!

— Так интереснее, — пояснил Куцардис. — Мы как бы настоящие муж и жена. В том, старом понимании. Может быть, в самом деле так и есть?.. А если не ревнивая, то и не жена?

Левченко сказал с отвращением:

— Как же достала эта игра. Иногда кажется, что и мы в игре, вот только пули настоящие.

Дважды навстречу попались на пикапах банды с оружием в руках. В нашу сторону все смотрят настороженно, но мы разъехались, не сбавляя скорости, и, думаю, те орлы тоже вздохнули с облегчением.

Одно дело — показывать свою круть мирному населению, а другое — столкнуться в бою с такими, как мы, точно никакой прибыли не светит, а очередь из автомата прямо в упор можно получить с легкостью.

Я вспомнил, что спец по оружию Эндрю Никкол как-то сказал с удовлетворением, что в мировом обороте сейчас сотни миллионов единиц оружия, что значит — на каждые двенадцать человек уже по пистолету, автомату или пулемету. Это много. После чего подумал и добавил: «Единственный вопрос, как вооружить остальных».

Сейчас его мечта сбылась, танки и тяжелое вооружение больше не выпускаются в странах, что постоянно ездят друг к другу и все проверяют и проверяют, зато пистолетов и автоматов на душу населения стало намного больше.

Особенно в таких вот регионах с нестабильными режимами или где вообще никаких режимов. Здесь уже не на двенадцать человек один автомат, а на пятерых, а то и троих.

Затопек с завистью поглядывает по сторонам, а когда проезжали по горной тропе, откуда распахнулся дивный вид на чудесное чистейшее море со сказочным пляжем и пальмами, что между собой и морем оставили сотню метров белого кварцевого песка, тяжело и протяжно вздохнул.

— Есть же такие места на свете...

Челубей сказал с иронией:

— А у тебя дома не так?

— Не совсем, — ответил Затопек. — У нас в Нижневартовске десять месяцев лютая зима, а два... так, тоже зима, но с зеленью.

— Я бы тоже здесь поселился, — сказал Куцардис. — Вечное лето... Жить на берегу теплого моря...

— Никогда не бывает ни холодно, — поддержал Затопек, — ни слишком жарко...

— И комаров нет, — сказал Левченко, — как у вас там в Нижневартовске с комарами?

Затопек, как в ознобе, передернул плечами.

— Комары? У нас хуже, мошкá!.. Облепляет толстым шевелящимся одеялом!.. И жрет так, что ходишь как со снятой кожей!.. На оленей смотреть страшно, сердце кровью обливается. Но, блин, это у нас в Нижневартовске ракету «Иблис-7» создали, а не здесь, в здешнем раю!.. Не понимаю, почему они в таком щасте нищие?.. Профессор?

Я промолчал, ответил с уверенностью Куцардис:

— Нищета в Африке поддерживается нарочито...

— Это... как?.. Профессор, он брешет?

Я покачал головой.

— Нет, но сказано слишком сильно. Если точнее, не поддерживается, но и не делаются никаких усилий, чтобы с нищетой и разрухой бороться.

— А надо?

Я подумал, ответил честно:

— На самом деле бедные и очень бедные нужны, чтобы в обществе были представлены все слои населения. В этом случае средний класс видит, что он получит бессмертие вскоре после супербогатых, а эти вот бедные и нищие вовсе не получают. А если и получают, то в туманном будущем, когда это будет бесплатная услуга.

Они смотрели с непониманием, я подумал, что это я слишком уж залетел, эти ребята и слыхом не слыхали ни о каком бессмертии.

Куцардис проговорил громко, перекрикивая встречный ветер:

— Не знаю, кто что получит, но для общества очень важно, чтобы кто-то жил лучше, а кто-то хуже. Разве не так?

— Верно, — сказал я с облегчением. — У тех, кто живет лучше, сразу выше самооценка, самочувствие, уровень гормонов, индекс благополучия, патриотизм и уверенность в правильности выбора президента.

Остальные слушают с вялым интересом, Куцардис сказал чуточку хвастливо, рисуясь эрудицией:

— Европа на пятьдесят четыре процента счастлива только за счет понимания, что Африка живет намного беднее и вообще во всем хуже! Верно, профессор?

— Точно, — подтвердил я. — Потому в европейских странах стабильные системы и устойчивые режимы, несмотря на то что к власти приходят то одни партии, то другие.

Челубей хмыкнул.

— Да, конечно, всегда чувствуешь себя лучше, когда сосед болеет.

Я покосился на ярко-синее небо, такое не увидишь в наших северных широтах. Купол выгнулся так, что уже не перевернутая чаша, а словно бесконечный туннель вверх, где стенки сходятся одна с другой только в перспективе...

Думаю, напрасно наивные ждут, что там в космосе нас встретят Старшие Братья по Разуму и дадут конфетку. Видно уже по тому, что чем человек разумнее, тем свирепее воевал с себе подобными. С себе подобными потому, что остальных соперников уже уничтожил, а теперь только люди разумные и остаются противниками, потому что они, сволочи, то другую религию исповедуют, то демократия

у них не такая, то вообще нахрен они нужны, когда уже есть мы?

Так что чем выше разум, тем нещаднее он будет уничтожать другие разумы. Хоть у себя на планете, хоть в космосе.

Так что нет никаких Братьев по Разуму. Мы и есть самые Старшие и самые Древние. И вообще Первые, от которых пойдут другие веточки, если сами их не обрубим, погубив и себя заодно.

— Самая древняя цивилизация на Земле, — сказал Куцардис. — Или почти самая. Капсийцы, финикийцы... У нас история начинается с Рюрика, а здесь к тому времени уже тысячи лет строили огромные города, ученые и философы спорили об устройстве мира, происхождении Солнца и звезд...

Левченко с усмешкой взглянул на меня.

— Что скажете, босс?

— Все верно, — подтвердил я. — Первые люди поселились здесь двести тысяч лет тому, а за пять тысяч лет до новой эры здесь уже мирно и счастливо процветало государство капсийцев. А в наши дикие и дремучие земли пришли те беспокойные и яростные, кому не сиделось в тепле на берегу моря. Они создали особый западный мир с иными ценностями и религией, построили паровозы и самолеты, запустили в космос корабли, а потом вернулись сюда, где все так же возят хворост на ишачках, строят дома из кизяка, живут в тепле, уюте, голоде, нищете и болезнях, надеются на гуманитарную помощь со стороны наших северных стран...

Они помолчали, озадаченные, потом Челубей горделиво раздвинул плечи.

— А в самом деле... Чего это мы?

— Двести тысяч лет тому здесь уже жили люди, — продолжал я. — Здесь могучий Карфаген бросил вызов могучему Риму. Отсюда знаменитый Ганнибал привел свою победоносную армию в Италию и везде разбивал войска римлян, подойдя к самому Риму, где в ужасе кричали «Ганнибал у ворот!.. И что?.. Где этот Карфаген?..

Челубей сказал с горделивой усмешкой:

— А где Москва, все на свете знают!

— Вот-вот, — подтвердил я. — Так что не надо завидовать. Мы живем правильно.

Левченко сказал философски:

— Думаю, не случайно нигде в раю ничего не создали. А в теплых странах народу живет в сто раз больше, чем в холодных!.. Но они и сейчас живут так, как тысячи лет тому, а мы?..

Глава 8

Я слушал краем уха и достаточно рассеянно смотрел на этот мир, где нет ограничения рождаемости, где каждая женщина рождает столько детей, сколько может, и старался представить себе тот страшный момент, когда начавшееся неизбежное уничтожение этого мира перейдет в горячую фазу.

У нас в Европе роботехника уже заменила людей на сборке автомобилей, стиральных машин, телевизоров и вообще в производстве самых массовых предметов потребления.

Потому к стремительно возрастающей массе пенсионеров, которых нужно кормить и выплачивать пенсии, прибавляются миллионы еще моло-

дых, которым из-за растущей роботизации уже не устроиться.

На самом деле ненасильственные методы сокращения населения уже запущены, к гейству и лесбийству добавили старательно раскручиваемый тренд насчет чайлдфришности как самого изысканного и великолепного способа сделать свою жизнь ярче, богаче во всех смыслах, как в материальном, так и в духовном, когда занимаешься только собой, растешь, совершенствуешься, делаешь карьеру или просто повышаешь квалификацию, и ничто тебе не мешает, не отвлекает, не требует заботы и внимания...

Если убийство человека военными способами обходится в семьсот пятьдесят тысяч долларов, то медийными это дороже только в первый год, потом этот более красивый и одухотворенный способ набирает размах, ширится, и вот сперва миллионы людей объявили о своей гейской натуре, лесбийстве, а сейчас женщины массово совершают камингауты насчет чайлдфришности.

Чайлдфри — то же самое, что всадить пулю в лоб живому человеку, но это грубо и неэкономично, потому что до этого момента была затрачена уйма денег на рождение, детский сад, школу, на питание, одежду, и когда убиваешь такого человека, то делаешь напрасными и все финансовые вложения, и весь труд по выращиванию.

Чайлдфри сокращает избыточное население в самом начале самым экономным способом. А те огромные деньги, что были затрачены на пропаганду и поддержку чайлдфришности, сейчас начинают окупаться.

На сегодняшний день убийство человека по системе чайлдфри стоит не больше сорока тысяч

долларов, но когда чайдость распространится на более отсталые страны, куда мода и тренды приходят позже, то уже в первые годы цена умерщвления достигнет десяти тысяч, а потом и снизится до тысячи. Есть смелые прогнозы, что затем эта мода перейдет на режим самоподдерживаемости и дополнительных расходов уже не потребует.

Конечно, запуская такие высокоинтеллектуальные проекты нового уровня, не отказываемся и от старых. На Ближнем Востоке умело спровоцированы войны всех против всех, в десятках разгромленных и уничтоженных государств сейчас гуляют озверелые банды, уничтожающие всех, кто хоть чуточку отличается, и впервые быстро размножающееся население исламского мира начало сокращаться, что на Западе было принято как победа в первом этапе.

Наша задача, как я понимаю задачу западной цивилизации, не мешать им красиво жить и красиво умирать за идеалы. Мы должны всего лишь мониторить, чтобы не возникали там угрозы и нам, то есть мирового масштаба.

А если вдруг ситуация начнет стабилизироваться... То да, конечно, нужно будет как-то жестко и резко сократить численность именно здесь. Хотя бы на пару миллиардов. Ничего личного, просто бизнес, как говорили раньше.

Просто рациональность, говорим сейчас. Строго по науке. Если сокращаем население в цивилизованной Европе, то здесь это нужно не сокращать, а уничтожать. Хотя вслух этого не скажут даже самые-самые, но на самом деле... гм...

Куцардис гонит автомобиль на большой скорости, благо дорога пока что хорошая, снова пошел

длинный заасфальтированный участок, наследие колониальных времен, кое-где остались еще и римские дороги, тоже, как ни странно, вполне готовые выдержать хоть бронетранспортеры, хоть тяжелые танки.

Затопек проговорил с ленивым изумлением:

— Это все еще Тунис?

— А ты что думал? — спросил Куцардис.

— Так все мчимся и мчимся, — пожаловался Затопек, — и все еще Тунис?.. На карте его и не видно вовсе! Зажат между Алжиром и Ливией, как мышь между слонами, а для нас и Алжир с Ливией такие же мыши...

— Он даже на карту посмотрел, — заметил Челубей. — А я думал, только покерные знает.

Про ученых, продолжает виться мысль, что в подвале или в гараже собирают машины времени или делают какое-то невероятное открытие, сейчас не говорят даже дураки. Современные дураки умнее прошлых дураков, однако сама проблема несанкционированных прорывов в науке и хай-теке не исчезла.

Правда, для этого пока что требуются огромные капиталовложения и немалый штат работников, что вроде бы исключает тайные работы... однако нужно будет создать группу или хотя бы посадить одного человека, который бы отслеживал ситуацию в хай-теке.

Да, с железом посложнее, чем с вирусами гриппа, но все-таки присматривать нужно...

Ингрид пихнула в бок:

— Шеф, ты как лунатик!

— У меня лунная походка? — поинтересовался я.

— Морда, — ответила она. — Морда лунная. Навигатор твой не в ловушку тащит?.. Он госдеповский или наш? Хотя да, наш на американском джипе...

А то все СМИ пишут, что искусственный интеллект вот-вот истребит людей...

Левченко ухмыльнулся.

— Тоже читал. В самом деле, вот-вот. Так и пишут. А бабки верят. Ингрид, не обижайся! То другие бабки, не ты. Не такие красивые. И без платочков.

— Глупости, — заверил я. — Ерунда. Полная. Как он истребит, когда сами себя истребим, а его даже строить будет некому?

Ингрид сказала невесело:

— Не сами себя, а вот такие, к кому едем...

— Мы тоже пока такие, — буркнул я. — В смысле, люди. Скорее бы...

Вряд ли остальные поняли, что имею в виду под «скорее бы», но Ингрид поняла, зло и ревниво блынула глазами.

Глава 9

Поздно вечером навигатор велел сворачивать с дороги прямо в стену придорожных деревьев, Куцардис ругнулся на тупую технику, проехал еще сотню метров, но дальше отыскался едва заметный спуск в сторону, который проскочили бы, не заметив без предупреждения.

— Фары не включай, — велел я. — Хотя и далеко, но поосторожничаем... кто знает, что у них за техника. В досье есть пометка, что видишь в темноте?

— Почти верно.

— А в чем «почти»?

— Привыкаю быстрее, — сообщил он, — чем другие. Кому-то надо полчаса, а мне полминуты хватает...

— Но в полной темноте и ты слеп?

Он ответил с неохотой:

— Как и сова.

— А летучие мыши нет, — сказал Затопек.

— Они смотрят ушами, — возразил Куцардис, — а мы с собой глазами!.. Шеф, уже скоро...

— Спрячь машину вон под теми деревьями, — велел я. — Дальше пешком.

Все намазали морды темной краской.

Левченко протянул мне тубик, я покачал головой.

— Не положено, я руководитель группы.

— Но...

— Вы идете впереди, — пояснил я, — а я буду сзади... во всех случаях, когда не впереди.

— Это как?

— Вот так, говоря по-научному.

Середина ночи, но не знаю, что этим дурным птицам такое страшное снится, вскрикивают, ворочаются, скрипят гнездами, дуры, а то и раскачивают так, что на головы сыплется всякий непристойный мусор.

Я поинтересовался:

— Кто из вас снайпер?

— Я, — ответил Куцардис.

— Что у тебя?

Он понял вопрос верно, отчеканил:

— Простая «барретка»!.. Левченко знает, что покупать. Еще и две коробки с патронами!

— Хорошо, — одобрил я. — С дальностью не слишком, но для таких операций и не нужны оружейные рекордсмены... Пойдешь со мной. Остальным ждать сигнала.

— Какого?

— Крикнешь полосатой гиеной, — сказал я.

— А что это? — спросил он.

— Это такая же гиена, — ответил я. — Только с полосками, как у зебры. Но поменьше. Ты что, и простой гиеной кричать не умеешь?..

— Дитя асфальта, — признался он. — И действовал только в крупных городах. Недельку назад прыгали на Дамаск ночью с бомбардировщика, задание выполнили, и тут же нас забрал вертолет без опознавательных знаков... Вот такая у нас жизнь. Все мечтаю, когда же забросят в Йеллоустонский парк, чтобы там рвануть вулкан... Хоть птичек успею посмотреть. Гиену, может быть, увижу и услышу, как воет... Или поет?

— Поет, — ответил я. — Примерно как Челубей.

— А вы его уже слышали? — любопытствовал он.

Я зябко повел плечами.

— Нет, но стоит посмотреть на его оперное лицо...

Темные деревья осторожно двигаются навстречу, тихие и тревожные, кусты расступаются с едва слышным шелестом протеста, а впереди наметился широкий просвет, стена деревьев поредела, последние стволы приблизились и уставились на обоих с немym вопросом: ну, чего пришли?

Широкое пространство то ли вырублено от деревьев и кустов, то ли земля такая, может быть, под толстым слоем сгнившей травы болото еще не позволяет дереву пустить корни в тухлую воду, но выдерживает двухэтажный дом, пусть он даже из тонких дощечек, каменный бы сразу ушел на дно.

И плюс три наблюдательных вышки, каждая на расстоянии от дома на сотню метров, а здание как раз в середине треугольника.

Я отыскал в электромагнитном море мобильник Левченко, тщательно изолировал его и послал сигнал.

Через несколько мгновений услышал испуганный голос:

— Что?

— Выдвигайтесь по нашему следу, — велел я. — Никому не звонить, ясно?

— Да, шеф, — шепнул он и отключился.

Куцардис покосился на меня с неодобрением, но пусть учится доверять, не могу же рассказывать, что могу какое-то время держать линию защищенной.

Вскоре за спиной зашелестело, по шагам узнал Челубея, затем подошли Ингрид и Левченко с Затопком.

Левченко, стараясь показать свое командирство, первым заметил на фоне звездного неба вышку и сразу прошептал:

— Ого... сразу три наблюдательных!.. Вон там еще две...

— Мало? — спросил я.

Он пробормотал:

— В такой глуши... От кого вот так?.. Охренели.

— От комаров, — буркнул Челубей. — Здесь знаешь какие комары? Как индюки!

— А возле моря нет, — сказал Затопек со вздохом. — Нет, точно куплю виллу на берегу... Поставлю везде пулеметы с автонаведением и заживу...

В ночном небе висит изъеденная пятнами луна, ждать, когда скроется за облаками, не приходится, небо по-южному чистейшее, далеко за спинами иногда перекликаются совы. Нет, тут же подсказал услужливый дурак, это сычи вида короткоухих, часто селятся в дуплах таких вот крупных деревьев, куда редко заглядывают люди.

— Будем дожидаться рассвета? — поинтересовалась Ингрид с сомнением.

— Зачем? — спросил я.

Она прошипела:

— А ты в темноте видишь?

— Нет, — ответил я, — но и враг не видит. Так что у нас преимущество.

Она фыркнула.

— Если он и мы не видим, то где преимущество?

Я подумал, что всем в самом деле страшно-вато и неприятно вбегать в темное здание, где единственный свет от луны и звезд останется за спиной.

У Куцардиса глаза быстро привыкают, сейчас он ориентируется отлично, я практически вижу даже в полной темноте, хотя это не зрение, а целый комплекс чувств и работы мозга, анализирующего все от запахов и до температуры воздуха, который возле наших тел намного теплее.

— Где твои очки спецназа? — спросил я.

Она прошипела:

— Я не спецназ. Я офицер ГРУ.

— Да я в нашивках не очень-то...

— Ну вот и заткнись, — сказала она тихо. — Умник нашелся.

— Умнее меня в ваших тюрьмах сидят, — досказал я.

В темноте ее глаза блеснули, как у лесного зверя.

— Умнее вряд ли. Но такие же отвратительные.

— Ты меня переоцениваешь, — сказал я со скромностью, — но все равно спасибо. Приятно... Так, слушайте внимательно. Охранников на вышках трое, но двое из них бесстыдно спят, бдит только на одной.

— Так делают часто, — сказал Челубей понимающе. — Потом будит другого, а сам в отруб. Нечего всем троим, когда глухая ночь и ничего нигде...

Я сказал быстро:

— Куцардис, ты снимешь часового. Но не раньше, чем я войду в здание. Запомнил?

Куцардис кивнул, хотя и озадаченно, Левченко сказал протестующе:

— В здание? Когда с вышки все просматривается?

— Часовой не стоит на месте, — напомнил я. — Смотрите, постоянно ходит взад-вперед.

— Иначе заснет, — вставила Ингрид.

— Я просчитал его шаги, — сказал я. — Добежать не успею, потому лягу посередине, а маскировка у нас хорошая... Как только отвернется, побегу снова.

Ингрид спросила то, что у каждого, похоже, было на уме:

— Зачем?

— Там один сидит на пороге, — сказал я. — Отсюда плохо видно, но испускаемое тепло тела... Ну, из тела, если кто хочет поохмить. В общем, после выстрела по часовому на вышке вскочит в здание и, заблокировав двери, поднимет тревогу. Ясно?.. Челубей остается с Куцардисом. Когда Куцардис снимет часового, двое других проснутся. Уберете обоих.

— Есть, — ответил Куцардис. — Я постараюсь всех троих, но как получится. Глушитель все-таки вредит точности. Но, профессор, ваше ли это дело...

— Мое, — ответил я серьезно. — В следующий раз все сами, сами. Я буду следить за вами из Москвы. А сейчас сдаете мне экзамен... Все, я пошел!

Они следят, как я чувствовал, с остановившимся дыханием, потому что я понесся, как олень, через открытое пространство, считая шаги часового, а за секунду до того, как он начал поворачиваться, рухнул лицом в траву и затаился.

Когда он дошел в эту сторону до барьера, тупо повернулся и пошел обратно, я снова понесся, чувствуя, как стонут мышцы от непривычной нагрузки.

Это здорово, хвала хай-теку: охранник сидит на крыльце, прислонив штурмовую винтовку к стене, и азартно гоняет какую-то хрень по экрану смартфона. Звук, конечно, отключил, но это, видимо, чтобы издали услышать шаги проверяющего караулы.

Я подкрался сбоку, чувствуя злость на свои медленные мышцы. В уме уже все проделал и все закончил, а на самом деле сделал только первый осторожнейший шагок...

Он не успел даже понять, что случилось, а я захватил его горло в локтевой захват, сдавил с силой. Он пытался хватать меня за руки, но я жал все сильнее, сам задыхаясь от усилий.

Наконец он перестал сопротивляться, я подавил еще несколько секунд, ослабил хватку, он не шевельнулся. Пощупал пульс на яремной вене, жив, но долгая отключка, а потом сильнейшая головная боль обеспечена.

Со стороны вышек пока что тихо, потом я увидел, как вся моя команда бежит ко мне, но оружие держат не просто наготове, а передние периодически приостанавливаются и ждут, когда пробегут остальные, потом останавливаются те и прикрывают бегущих.

Так, наверное, должны делать все, в том числе и я, но эти инструкции не для меня, хотя знаю

назубок, но я теперь цаца, простые правила не для белых, предпочитаю импровиз, мне важнее вслушиваться во все, рассматривать по возможности через камеры внутренние помещения...

Левченко хладнокровно дорезал того, которого я только придушил, а Челубей показал знаками, что может прокрасться вперед и прикончить следующего ножом, если там кто-то на стреме.

Я покачал головой, поднял пистолет с глушителем.

Щелчок нам показался громким, но пока тихо. Левченко подбежал и тихонько подхватил винтовку, довольно хмыкнул. Последняя модификация М-16, в сумке запасной рожок, две плитки шоколада.

— Ждите, — шепнул я, — кто-то спускается.

Несколько секунд томительного ожидания, наверху распахнулась дверь, по ступенькам в нашу сторону начал спускаться человек с автоматом в руках.

— Он собрался наружу, — шепнул я, — пусть идет.

Охранник в самом деле прошел мимо, даже не посмотрев по сторонам. Я кивнул Левченко, на цыпочках побежали наверх по лестнице.

Снизу донесся хрип, Челубей явно решил не выпускать проверяющего часовых наружу.

Наверху у запертой двери я прислушался, Левченко с напряжением всматривается в мое лицо, все-таки профессора трудно понять простому человеку.

— Та-ак, — сказал я шепотом, — трое охранников прямо в предбаннике. Еще один на лестнице на второй этаж, этот точно не спит. Неприятно, что последние двое прямо там на месте.

— В лаборатории? — спросил он тихо. — Уверены?

— У меня у самого лаборатория, — ответил я. — Так что слушайте и внимайте. Все слушайте!

— Слушаем, шеф, — ответил Затопек и добавил ехидно: — Челубей тоже слушает.

— Ни в коем случае, — сказал я строго, — нельзя повредить при стрельбе колбы и все эти чертовы пробирки. Там вполне могут быть опасные микробы.

— Насколько...

— Смертельные, — прервал я. — Не для нас, кому мы нужны, а для человечества. Сгинет, кто будет делать айфоны?.. А кому толкать героин?.. Мафия нам не простит потери клиентов. Хорошо, я впереди, вы прикрываете спину.

— А мы? — спросила Ингрид.

— Вы с Затопеком сразу блокируете ученых. Если надо, прикладом в зубы. Можно кого-то пристрелить, но не до смерти, нам нужны ответы.

Ингрид промолчала, а Затопек ответил шепотом:

— Все понятно.

— Тогда пошли, — сказал я. — Минут!

Левченко прикрепил магнитную мину к двери, мы отбежали вниз. Я кивнул, Левченко включил взрыватель, оглушительно грохнуло. Дверь разлетелась в щепки. Левченко и Затопек влетели первыми, сразу швырнули светошумовые гранаты.

Раздался адский грохот, дико сверкнул ослепляющий свет, ударив даже по закрытым глазам. Оба ринулись вперед разом, но мне показалось, что двигаюсь очень медленно, как сам чувствую свое тело, где мышцы и так стонут от перегрузки, не поспевая за мозгом, что уже все просчитал, наметил, как, что и чего, теперь скучает, я нажимал на курок еще до того, как из-за угла коридора покажется человек, и пуля покидала ствол как раз в момент, когда он

начинал высовываться вполглаза, но увидеть ничего не удавалось, пуля отбрасывала обратно уже с разбитым черепом.

Левченко бежит следом и все не успевает выстрелить, я опережаю, а когда в дальнем дверном проеме возник темный силуэт с автоматом в руках, Левченко и я выстрелили одновременно.

Охранника отшвырнуло к стене напротив, автомат с деревянным стуком отлетел в сторону.

Спеша успеть, я ринулся вперед, опережая Левченко, выстрелил, выстрелил еще раз во второго, выпрыгнувшего так глупо в коридор.

На втором этаже дверь заперта, я приложил палец к губам, Левченко не понял, но замер. Почти не целясь, так это выглядит со стороны, я выстрелил трижды в стену.

Левченко поймал мой взгляд, торопливо ударил ногой в дверь и лихо ворвался, готовый нарваться на встречный огонь. Я услышал, как он выругался не то со злости, не то в восторге.

В комнате трое распростерлись в лужах крови, один стонет и тянется к выпавшему пистолету.

Я выстрелил ему в голову, сказал негромко:

— Там еще комната. Будь осторожен.

Он проговорил обалдело:

— Да, но... как так точно?

— Опыт, — ответил я. — Профессионалы всегда становятся у двери одинаково, как их учили мастера. Это и подводит.

— Здорово, — сказал он, — жаль, в наших европах не пройдет. Не прошибешь, когда стены кирпичные, а то и бетонные с хорошим армированием.

— Там свои слабые места, — обронил я. — Замри!

Он тоже услышал топот, но боевики не ожидали, что мы продвинемся так далеко вперед. Огонь мы открыли вовремя, Левченко бьет короткими очередями, а за нашими спинами слышен рев Челубея, он прикрывает нас с той стороны и, словно наркоман, счастливо лупит длинными.

Я вбежал вместе с Левченко, там двое с автоматами в руках суетливо всматриваются во все стороны. Я двумя выстрелами свалил их, Левченко недовольно хрюкнул:

— С вами, босс, хорошо говно есть... Всегда успеваете первым.

— Слева, — бросил я.

Глава 10

Он еще ничего не увидел, но послушно развернулся, готовый стрелять. Через секунду оттуда выбежали двое с автоматами на изготовку, Левченко красиво срезал их одной очередью.

— И чего я не профессор? — спросил он удрученно.

— Еще есть шансы, — утешил я. — Хоть ты уже, конечно, староват... и прыщи вон...

Он обиженно засопел и попытался бежать впереди, но дисциплина придержала, потому что со стороны Ингрид, Затопека и Куцардиса все еще гремят выстрелы.

Слышу, Ингрид стреляет короткими экономными очередями, ее почерк, тут же прячется, а высовывается для новых выстрелов в моменты, когда противники не ждут, идиоты, как же все это предсказуемо, как ее выстрелы, так и реакция этих одурманенных.

Мы с Левченко пробились к главному помещению. По ту сторону двери, как понимаю, главная лаборатория. В комнате перед нею охранники, укрывшись за перевернутыми столами, открыли шквальный огонь.

Левченко нащупал гранату, я ухватил его за кисть.

— С ума сошел?

— Думаю, стол с колбами от двери далеко...

— Нельзя, чтобы хоть одна упала, — сказал я резко, — а взрывная волна на сколько метров бьет, в школе не учили?.. Погоди-ка...

Я присмотрелся, один из защитников в азарте чересчур выпрямил ногу, из-за крышки стола показался кончик башмака. Я тут же выстрелил, охранник закричал от боли и, дернувшись, высунулся на миг.

Рядом со мной коротко простучала очередь из автомата Левченко.

Охранник упал, я взял у Левченко гранату и, не вынимая чеку, швырнул ее с криком:

— Берегись осколков!

Едва она ударилась о стену по ту сторону стола, оттуда в прыжке выметнулся последний охранник. Левченко срезал его все так же в воздухе, а на пол тот грохнулся уже с пулями в груди и черепе.

За нашими спинами простучали шаги Челубея, следом раздались голоса Ингрид и Затопека.

— У нас чисто, — крикнул Челубей.

— Заканчиваем, — сообщил я.

Затопек в азарте подбежал к двери и пнул ее ногой. С той стороны тут же раздался выстрел, мы с Левченко одновременно всадили по пуле в дурака в белом халате, что вздумал играть в героя.

Он рухнул на пол, Ингрид и Левченко вбежали в лабораторию. Я оглянулся на Затопека. Он с перекошенным лицом прислонился к стене, зажимая ладонью рану в плече, но автомат из руки не выпустил.

Я быстро взглянул, пуля прошла плечо навывлет, ничего важного не задето, хотя, конечно, парню совсем не радостно, но стиснул челюсти, смотрит упрямо, глаза виноватые, старается не кривиться.

Я сказал подбадривающе:

— Полежи тут. Минуты за три все затянется!

Он посмотрел на меня взглядом, полным подозрения.

— И где это... вы видели... чтобы раны затягивались... сами?

— В Волфштейне, — ответил я бодро и побежал через помещение лаборатории в жилой отсек.

Там четверо в одинаковых пижамах, делающих их похожими на арестантов, стоят на коленях, руки за головы, смотрят на Ингрид в диком ужасе, а она с перекошенным яростью нагугалиненным лицом грозно нависает над ними, широко расставив ноги и поводя автоматом.

Когда я вбежал, на меня посмотрели, как на ангела-спасителя. Возможно, из-за моей чистой морды, не измазанной черной краской.

Я спросил Ингрид:

— Сказали, чем занимаются?

— Молчат, — ответила она зло. — Клятва...

Я вытащил пистолет, демонстративно проверил количество патронов.

— Кто-то хочет говорить?

Ответом было глухое молчание, на меня теперь смотрели исподлобья и враждебно. Я прицелился одному в голову, поинтересовался:

— А теперь?

Снова все смолчали. Я нажал курок, выстрел грянул как-то совсем негромко после грохота автоматных очередей. Пуля вошла в висок и вылетела из другого вместе со струей крови и кусками мозгов, забрызгав соседа.

Тот побелел, вид такой, что вот-вот грохнется в обморок, но я посмотрел ему в глаза и выразительно поводит стволом пистолета из стороны в сторону, дескать, такое не пройдет.

Направив ствол ему в переносицу, всегда страшнее, когда видишь черное дуло, откуда вылетит раскаленный кусок металла и разнесет голову, я заинтересовался:

— Молчишь? Тогда...

Он вскрикнул торопливо:

— Я скажу! Я все-все скажу!

— Говори.

— Мы работаем с новыми штаммами вирусов, — заговорил он быстро. — Нам поручено некой корпорацией вывести универсальную вакцину от гриппа...

— Врешь, — сказал я холодно и нажал на спуск.

Пуля точно так же просадила череп насквозь, оставив во лбу маленькую дырочку, а из затылка такую, словно оттуда вылетел артиллерийский снаряд.

Его тело завалилось на спину, я перевел прицел на третьего.

— Говори быстро, я человек нетерпеливый...

Он сказал быстро:

— Это не вакцина, только не убивайте!.. Но они меня убьют, если скажу...

— Если смогут, — заверил я, — а вот мы сможем точно. Ну?

Он пролепетал дрожащими губами:

— Это опасный штамм. Болезнь передается воздушно-капельным путем и даже при соприкосновении!.. Это смертельная болезнь...

— Кто заказчик?

Он помотал головой.

— Не знаю. И никто не знает. Нам заплатили большие деньги. После этой разработки мы могли оставить работу и жить на собственных виллах на берегу теплых морей...

Я выстрелил ему в лоб и повернулся к четвертому, последнему.

— Ну, доктор Честерберг, я вас нарочито оставил на сладкое. Все мертвы, можете говорить, не стесняясь коллег. Никто из них не упрекнет вас, что вы проговорились, сдали, предали идеалы.

Он смотрел на меня зло, наконец проговорил медленно:

— Я вас знаю?.. Что-то знакомое...

— Доктор Лавронов, — назвался я. — Мы с вами как-то опубликовались в одном из номеров журнала «Новости нейрофизиологии». Статьи были с портретами.

В его взгляде мелькнуло удивление.

— Вот уж не ожидал... Можно мне встать?

— Можно, — разрешил я. — На каком этапе разработка вируса?

В его взгляде мелькнул скрытый триумф, я насторожился, спросил резко:

— Челубей, в лаборатории все цело?

— Я туда даже не заходил! — ответил тот быстро и с обидой.

Честерберг сказал почти с сочувствием:

— Вы опоздали, доктор Лавронов. Но если гарантируете мне защиту, я даю сведения, что спасут

вам жизни, хотя запланированную катастрофу не отменяют...

— Гарантирую, — ответил я твердо. — Все эти люди свидетели. Что вы сделали?

— Вирус, — ответил он, и голос ожил, налился красками и оттенками, чувствуется азарт ученого, решившего сложную задачу, — бинарный вирус. Инкубационный период которого сорок дней. В это время может передаваться как при касании, так и воздушно-капельным путем. Достаточно чихнуть в метро или на автобусной остановке...

— А после инкубационного?

— Смерть наступает в течение суток, — ответил он еще оживленнее. — Трудность в выведении этого вируса в том, чтобы он потерял смертоносные свойства не раньше, но и не позже, чем через неделю, как выйдет из инкубации.

— Понятно, — отрубил я. — Куда отправлен?

— Это было несколько часов назад, — сообщил он. — Приезжал человек, он и забрал колбу.

Я видел как посерели все мои в команде, даже смуглый Левченко, а лицо Ингрид стало совсем страдальческим.

— Еще вопрос, — сказал я тяжело, — за пару дней до нас сюда должны были прибыть двое из нашего Управления с проверкой. Что-то о них слышали?

Он покачал головой.

— Абсолютно ничего. Однако ночью был далеко за пределами взрыв, стрельба... потом все затихло.

— Спасибо, доктор, — сказал я. — Вы крупный ученый. Не буду говорить о совести, у меня у самого ее нет, но совершить теракт, который унесет сотни тысяч жизней, если не миллионы, — это преступление и против науки...

Все вздрогнули, когда я вскинул пистолет и, направив руководителю лаборатории в лицо, нажал скобу.

Выстрел грянул как будто громче обычного. Тело Честерберга завалилось на спину, все моя команда, за исключением Затопека, уставилась на меня несколько ошалело.

— Куцардис, — сказал я, — сними хард с записями от видеокамер!.. Челубей и Левченко, соберите внизу канистры с бензином, откройте кран дизельного бака. Полейте все внизу, а наверху только стены. Стол с колбами и растворами не трогайте. Когда там начнут от жара лопаться колбы и пробирки, пламя вокруг должно быть таким, чтоб ни один вирус не выжил внутри этого огненного шара! Как только сделаете, уходим.

Все трое ринулись выполнять, Ингрид спросила потерянно:

— Зачем ты его убил?.. Ты просто нечеловек!.. Или ты фашист?

Я буркнул:

— Ты хоть знаешь, что такое фашизм?.. Старые понятия, старые клише, глупые люди... Как раз я отошусь к ним как к человекам. Всего лишь.

— А ты, — сказала она зло, — тогда кто?

Я двинул плечами.

— Уже говорил. Но у тебя, как у всех, память сла-а-абенькая. Зыбкая. С прорехами. Зато спинной мозг работает без сбоев. Я трансчеловек, не помнишь?..

Она сказала саркастически:

— Ах да, переходная ступень к постчеловеку!

— Точно, — подтвердил я. — Ты уверена, что вот этих нужно брать в будущее?

Она оглянулась на тела, зябко передернула плечами.

— Их сделала такими среда, — сказала она нетвердым голосом. — Их можно... перевоспитывать! Этот же, с которым ты говорил, крупный ученый?

— Этого мало, — сообщил я. — Надо быть этически чистым ученым. Потому, если он ушел по дороге зла так далеко, то какой суд, какое жюри, какие адвокаты?

С грохотом примчался сверху Куцардис, еще издали поднял над головой коробку харда.

— На двадцать терабайтов!.. Здесь записей за полгода точно!.. Как с внешних камер, так и с лабораторных.

— С самого начала, — определил я. — Как там Челубей и Левченко?

— Заканчивают, — ответил он.

— Поторопи, — велел я.

Ингрид взяла у него из рук хард, а он бросился вниз. Я кивнул Ингрид, она пошла за мной еще больше опустошенная, чем я, хотя на меня тоже подействовало, просто пусть не видят, что командир слаб. Нужно поступать рационально, пусть видят пример, а слово чести, данное врагу, ничего не значит, не те допотопные времена.

Левченко, действуя как слуга Отечеству и отец солдатам, помог выйти Затопеку, а Челубей с огромным удовольствием поджег тряпку и бросил на крыльцо домика.

Мы торопливо уходили под защиту деревьев, а за спиной в ночи вспыхнуло жаркое пламя. Но, думаю, если даже настоящие хозяева лаборатории увидели бы, все равно главное дело, ради чего

она здесь построена, сделано. Хотя и жалко, можно бы еще попользовать, но и то, что вирус создан и отправлен, для них уже хорошо. Это и есть главное.

— Поторапливайтесь, — сказал я. — Затопек, тебя можем оставить в ближайшей больнице, но можем и взять с собой. Что выберешь?

Он сказал с вызовом:

— А что, есть выбор?.. Мне же не голову оторвало.

— Тогда все в машину, — велел я. — Куцардис... где Куцардис?

Левченко буркнул:

— Я велел ему сразу бежать за машиной.

— Хорошо, — сказал я. — Моментально ориентируетесь, майор!

— Если вас прибить, — ответил он, — то я точно буду первым. А так у меня шансов нет.

Через пару минут раздалось рычание мощного мотора. Из-за стены огня выметнулся крупный военный джип с приподнятой колесной рамой и крупнокалиберным пулеметом на раме, понесся к нам на большой скорости.

Куцардис высунулся из окна, помахал рукой.

— Этот поудобнее! И помощнее нашего.

— «Хаммер», — сказала Ингрид.

Куцардис поправил:

— В гробу мы видали всякие «Хаммеры»! Это настоящий «хамми».

— Садимся, — велел я. — Спасибо за инициативу, сержант.

Он ответил бодро и с отчетливо прозвучавшей издевкой:

— Служу трансгуманизму!

Глава 11

На востоке небо посветлело, по краю разлился алый свет и начал подсвечивать небо ярче и жарче, пока там не запылало настоящее пламя, и затем только из-за края земли высунулся раскаленный почти до белого свечения крохотный диск.

Сейчас он начнет долгое взползание по крутому куполу, постепенно остывая и наливаясь оранжевым огнем, а к вечеру превратится в огромный красный шар, разбухший и остывающий, начнет долгий трудный спуск на западе, сейчас же его лучи ударили от горизонта, и каждая былинка, каждый камешек отбросили резкую, как на Луне, тень на многие километры.

Куцардис ведет машину уверенно, разгоняясь на свободных участках и чуть притормаживая, увидев впереди кочки и рытвины, бережет раненое плечо Затопека.

— Эль-Кеф? — спросил он.

— А больше некуда, — ответил я. — Это единственный крупный город. Отсюда дороги в аэропорт, к морскому побережью, в другие города по-мельче.

— Если колбу забрали еще вчера, — сказала Ингрид, — то даже не знаю...

— В любом случае, — сказал я, — вертолета у нас нет. Приедем в Эль-Кеф, там сориентируемся. Посыльный просто не может его миновать.

— Будем надеяться, — сказал Левченко тревожно. — Хотя это не наша вина, мы-то сделали все верно, однако саму операцию можно считать проваленной.

— Еще есть шансы, — возразила Ингрид.

— Ну да, — согласился он. — В его машине мотор заглохнет, колесо отвалится, метеорит попадет водителю в голову...

Я подсоединил хард к планшету и сделал вид, что просматриваю записи, но так как знал, где искать, сразу выбрал место в записи, когда вблизи здания лаборатории приземлился вертолет, а из него выскочил смуглый мужчина в белом костюме и в такой же белой шляпе, быстро направился к лаборатории.

Навстречу ему выдвинулись двое с автоматами в руках. Все трое переговорили коротко, и он прошел мимо них в здание. Уже через десять минут появился снова, на этот раз с чемоданчиком в руках, который держит с достаточной осторожностью.

— Слишком быстро, — сказала Ингрид. Она не сводила взгляда с экрана. — Просто курьер?

— Для курьера даже долго, — пробормотал я, — но для того, кто приведет в исполнение... мало.

— Получал инструкции, как везти и не разбить?

— Примерно, — согласился я. — Хотя, конечно, повезут не в стеклянной банке из тонкого стекла.

Посыльный уже в вертолете повернулся и сделал знак, что все, отправляется. Я увеличил изображение, но слишком низкое разрешение, едва видны глаза, нос и рот. Сосредоточился, добавил программы по восстановлению лиц, началась попиксельная замена на более четкие, наконец на меня в упор уставился смуглокожий человек с типичным, как у нас говорят, восточным лицом, никаких особых примет, разве что крупный белый шрам пересекает левую бровь сверху и почти касается глаза.

Вертолет прыгнул в небо и пропал в синеве. Я захлопнул планшет, попытка найти что-то в инете

результатов не дает, знающие люди ему не доверяют даже под паролями, остается только просеивать все косвенное...

— Вертолет одноместный, — сказал Левченко, — скорость как у автомобиля, дальность полета двести километров. Явных перед автомобилем преимуществ почти нет, разве что поперет по прямой, а в таких местах это немаловажно...

— Но в Эль-Кефе его нагоним, — сказал Куцардис и посмотрел на меня, — или нет?

— Если, — сказал я, — пересев на автомобиль, не поперет дальше. Все-таки вертолет...

— Опасная штука?

— Да, — подтвердил я. — Здесь еще можно рискнуть, а дальше народу побольше. Могут и пальнуть. Хотя из стингера, хоть из пулемета... Хотя для такого хватит и автоматной очереди. Оружия у всех полно, стрелять хочется... А чего он тут летает? Да еще неизвестно кто?.. Ты можешь быстрее?

— Могу, — ответил Куцардис сквозь стиснутые челюсти, — но вас повыбрасывает на ухабах...

— Пусть, — ответил я, — кто вылетит, тот победит на своих двоих. Даже Затопек. Кстати, он еще жив?.. Кто бы подумал... Промедление смерти подобно. Хотя, конечно, такой вирус не убьет все человечество, но несколько миллионов тоже могут нанести некоторый экономический ущерб. Убивать надо постепенно, а не так резко.

Куцардис ахнул:

— Несколько миллионов?

— А что? — спросил я. — Грипп «испанка» в прошлом веке убил около пятидесяти миллионов человек!.. Но тогда не было пассажирских самолетов, что разнесли бы по всему миру.

Он покачал головой, да и остальных еще как впечатлило, судя по их виду.

Ингрид заметила холодно: —

— Используют вряд ли против шиитов или суннитов. Наверняка постараются доставить в Европу.

Челубей сказал с кривой усмешкой:

— Наш шеф скажет, что пятьдесят миллионов не жалко, но это вызовет хаос в мировой экономике, а это затормозит финансирование научных исследований...

— Примерно так, — ответил я. — Потому Европу надо спасти. Пусть даже она и плюет нам в спину, а то и камни бросает.

— Ближе всех Италия, — сказал Куцардис. — От Туниса до нее километров пятьдесят?

— До ближайшего итальянского острова сорок три мили, — уточнил я. — Если Италия вымрет, в Россию перестанет поступать моцарелла, потому Италию придется спасать.

Они слушали и переговаривались с ленцой, называется расслабление и отходняк после напряженного боя, да и Затопеку каждый не забывает подвертывать одеяло, он хоть и терпит, не жалуется, но видно же, что каждый толчок не радуется.

Над миром жара, знойное солнце Туниса еще не поднялось в зенит, а уже песок и даже воздух почти плавятся. И хотя Сахара от нас далеко, но я помню, что на юге раскинулась на сорок процентов всей площади страны, а сам Тунис едва ли не самое крохотное государство в Африке, так что Сахара здесь ближе к любому жителю, где бы тот ни находился, чем Сибирь к Москве.

Куцардис, с интересом поглядывая по сторонам, поинтересовался:

— Это здесь Наполеон высаживался?.. Когда пошел на Египет, но жара доконала так, что все бросил и едва убежал обратно?

— Брехня, — ответил я.

Челубей спросил:

— Не жара?.. Мы на «хамми», и то... а они все пешком, пешком... Пыль, пыль, пыль из-под шагающих сапог!

Я отмахнулся.

— Одна из живучих легенд. К примеру, я когда-то был жутко удивлен, узнав, что вся эпопея Наполеона в России случилась летом!.. И наступление, и Бородино, и даже отступление, когда императора едва не захватили в плен при переходе через реку Березину!.. Французы спешно строили мост, как писали в хрониках, стоя по пояс в холодной воде. В холодной, так как наступала осень!.. А на всех грандиозных полотнах художников, которые нам давали смотреть еще в школе, армия Наполеона отступает по колено, а где и по пояс в снегу, люди замерзают от лютых морозов, реки промерзли до дна, везде буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя... Да к моменту наступления зимы Наполеон давно был уже в Париже!..

— Блин, — сказал Куцардис пораженно, — только сейчас вот узнаю...

— Даже во Франции, — добавил я, — оправдываясь за сокрушительное поражение, Наполеон и его маршалы обвиняли российские дороги, что не дали совершить красивый и победный марш по брусчатке на Петербург. Это уже потом, через годы, когда стало забываться, как было на самом деле, их потомки начали говорить о страшной и вообще чудовищной русской зиме с ее ужасающими морозами, метелями и снегами до пояса.

Челубей пробормотал:

— Я тоже не знал...

— Хуже того, — сказал я. — Наши тоже подхватили эту унижающую нас брехню о страшной зиме, что остановила Наполеона. На самом деле он был побежден отвагой и стойкостью наших солдат, тактическим мастерством офицеров и мудрой стратегией Барклая де Толли, в последний момент замененного Кутузовым, который делал все абсолютно по плану Барклая.

Левченко сказал люто:

— Я бы тем, кто рисует Наполеона в снегах России, давал по десять лет тюрьмы. За антироссийскую пропаганду.

Куцардис размашисто хрупнул его по плечу.

— А давайте продвигать нашего майора в министры юстиции? А то я даже не знаю, что за чмо там сидит и бабки пилит да миллиарды за рубеж выводит!..

— Точно выводит? — переспросил Челубей.

— Точно, — подтвердил Куцардис. — Они все выводят! Жулик на жулике. Я бы выводил, но я сравнительно честный, ворую понемногу, а они страну растаскивают!

Левченко посмотрел, как Куцардис лихо обходит большие камни и проскакивает по мелким, спросил меня негромко:

— Постараемся догнать?

— Вряд ли успеем, — сказал я, — ну а вдруг.. Полетка может изменить все у него, как и у нас. Упадёт дерево на дорогу в узком месте... Камни скатятся с горы, все-таки часть пути по горам... Да и он улетит не на край света. Скорость этого вертолета сто сорок километров в час, а дальность двести пятьдесят километров.

— Это немало, — сказала Ингрид.

— Вряд ли он попрет на все сто сорок, — сказал я, — рискуя истратить весь бензин в дороге. Это для коротких перелетов. Посмотрим, куда он... направился...

Все это время я просматривал записи диспетчерских служб, отслеживая путь вертолета до самой его посадки:

— Все верно, держи путь на Эль-Кеф!.. Через полторы мили налево, там хорошая дорога. Гони!

— Есть, — ответил Куцардис.

Ингрид спросила:

— А там?

— Посмотрим на месте, — ответил я. — Или хочешь, чтобы сразу указал здание, где будут пить кофе?

— Хочу, — ответила Ингрид, вызвав напряженные улыбки Челубея и даже Левченко, только Куцардис не оглядывался, а Затопек морщится, когда не видит, что на него смотрим. — А потом скажешь?

— Если будет след, — ответил я. — Не отвлекайся, Ингрид. Ты слишком напряжена. Подумай о чем-нибудь необычном для тебя... Например, о жизни на Марсе или женских платьях.

Кто-то за спиной тихонько хохотнул, еще не представляя эту валькирию в женском платье.

— Хотя весь Тунис по населению меньше Москвы, — сказал я, — но здесь двадцать девять аэропортов. Хотя, думаю, террористы направятся либо в Энфиду, либо в Тунис-Карфаген...

Ингрид оглянулась.

— Они что, — спросила она с недоверием, — еще охрану оставляли?.. Так далеко?

— Хуже, — ответил я.

— Что, — спросила она, — тоже заметил?.. Какой-то ты замечательный... ах-ха, профессор... Что-то ты с каждым выстрелом все профессорее и профессорее... А что хуже?

— То не охрана, — пояснил я, — это жизнь... То, что в Тунисе называется нормальной жизнью. Стране не повезло, развивалась бурно и счастливо, а что оказалась на пути в Европу, было только к лучшему... но не сейчас. Здесь боевики готовятся к наступлению, пытаются договориться об общем командовании или хотя бы совместных действиях... ну, скоординированных, а перепуганные беженцы наводнили страну и стараются перебраться через море в Италию.

— Из Туниса ближе всего, — подтвердил Куцардис.

— Из Марокко ближе, — уточнил Челубей. — Всего лишь перемахнуть Гибралтар...

— Испанцы еще завоевание маврами помнят, — сказал Куцардис. — Такую стену установили, танками не прошибешь!.. А на ней пулеметы с автоматической стрельбой по любой цели, как только та оказывается на их территории... Нет, только Тунис.

— Если не считать сухопутные пути из Турции, — уточнил Челубей. — Но там не так романтично. А вот морем, да... Красиво.

— И утопнуть можно, — досказал Левченко. — Романтика!

Ингрид их почти не слушала, проверила автомат, выдернула из кобуры пистолет и засунула снова, не только мужчины успокаиваются, пощупав личное оружие.

Челубей начал горланить песню, ни на что не обращая внимания... или делая вид, что не обращает.

Куцардис ведет автомобиль на хорошей скорости, но у наших преследователей то ли мотор мощнее, то ли колеса позволяют без особого ущерба прыгать по камням, но расстояние очень медленно, но все же сокращается.

Затопек, поглядывая на наши лица, чуть приподнялся над бортом, лицо стало встревоженным, второй пыльный след заметить легко, повернулся ко мне.

— Это за нами?

— Похоже, — ответил я. — Наверное, через их территорию проехали, не заплатив.

— Кто они?

— Махновцы, — ответил я. — Или банда козака Пильгуй. Или еще какая шайка... Сейчас Тунис хоть и не Руина, но махновщина еще та...

— Дадим бой? — спросил он. — Я могу и одной рукой даже из автомата.

Челубей перестал горланить, сказал бодро:

— Веселые парни! Отставать не собираются!

— Дураки, — сказал я. — Видят же, у нас только одна женщина. Или решили, что везем алмазы?.. В самом деле романтики.

Куцардис сказал ревниво:

— Машину отнимут и велят идти пешком. А я ее уже люблю.

— Ага, — возразил Левченко. — Всего лишь отнимут машину? У иноверцев?.. В городах хоть делают вид, что властям подчиняются, а здесь хозяева полные... Что скажете, профессор?

Я ответил равнодушно:

— Если им здесь законы не писаны, то не писаны и нам.

Он оглянулся — пыльный след от автомобиля преследователей еще далеко, поинтересовался:

— А чем вирус так опасен?.. Насколько я помню, вся эта паника насчет птичьего гриппа, свиного, утиного насморка... все оказалось ерундой?

— Честерберг сказал, — напомнил я, — что они вывели бинарный вирус. Как бы вам объяснить... Туберкулез и СПИД — неприятно, но не смертельно, но если человек подцепит то и другое, он склеит ласты очень быстро, и ничто его не спасет. Теперь представьте себе, что этот вирус распространяется при обычном чихе. В метро, на остановке, в зале кинотеатра. Но не это самое страшное!

— Профессор?

— Другие тоже начинают чихать, — сказал я. — Всего лишь! Уже сотни тысяч чихают, миллионы... Ерунда, верно? Но тут инкубационный период заканчивается, вирус обретает смертельную форму и... убивает своего носителя, которого до этого заставлял всего лишь распространять себя. Убивает за несколько часов.

Куцардис как эрудит сказал важно:

— После распада СССР на полигоне в Аральском море было брошено двести тонн боевого штамма сибирской язвы. Хорошо, потом все сожгли штатовцы. Двести тонн!.. Чтобы уничтожить всю Америку, хватило бы и ста тонн. С каким облегчением они сжигали эту гадость! И как ликовали, что мы им позволили...

Левченко хмыкнул.

— Еще бы! В прессе было о чудике, что рассылал по почте штамм сибирской язвы. В Штатах в одно здание принесли конверт с этой мерзостью, так там несколько лет все деактивировали, чистили и обеззараживали, ухлопали четыреста пятьдесят миллионов долларов! На один только дом, здорово?

Глава 12

Левченко перебрался на сиденье рядом с Куцардисом, принял у него из рук баранку. Челубей уже вытащил из чехла снайперскую ХМ8, что пришла на замену беспорочно отслужившему в армии целых 40 лет семейству М16/М4.

Куцардис ревниво выхватил у него свою красотку, лицо стало таким счастливым, как если бы он в рукопашной перебил всех террористов на свете.

Я смотрел, как он любовно готовил ее к выстрелу. В ХМ8 выпустили четыре основных варианта — базовый карабин, компактный карабин, снайперская винтовка и ручной пулемет, не говоря о десятке промежуточных. Везде можно одиночными и автоматическими, скорострельность 700—825 выстрелов в минуту, а убойная мощь такова, что пробивает любой бронежилет. Правда, эти тунисские казаки даже не слышали о такой смешной и позорящей мужчин вещи, как бронежилеты, героям жизнь не дорога.

— Дай-ка посмотрю, — сказал я и, взяв у него винтовку, начал ловить в прицел головной автомобиль погони.

Куцардис наблюдал, как я держу винтовку, сказал одобрительно:

— Хорошо... руки не дрожат... Но на таком расстоянии не попасть.

— Почему? — спросил я. — Здесь меньше километра. А она прицельно бьет почти на два.

— Если лежа, — уточнил он, — и по неподвижной мишени.

— Движенья нет, сказал мудрец брадатый...

— Другой смолчал, — продолжил он молниеносно, — и стал пред ним ходить! И лучше он не смог бы возразить...

— Ого, — сказал я пораженно, — и такие люди в спецназе?.. Все равно первый прав в том смысле, что если движение раздробить на мелкие отрезки...

Я нажал на скобу, Куцардис вздрогнул от неожиданности, невольно посмотрел в сторону погони, затем снова на меня.

— Надеетесь в кого-то попасть?

— Проверяю парадокс Зенона, — сказал я.

Ингрид и Челубей смотрели с непониманием, а Куцардис как самый грамотный, объяснил, малость рисуясь:

— По Зенону, любое движение состоит из множества неподвижных позиций. Профессор сумел согласовать моменты, когда та машина стоит, и мы тут на полном ходу стоим...

Голос звучал с неприкрытой иронией, я не дослушал, поймал момент и выстрелил снова. Автомобиль, что несется за нами первым, резко вильнул, слетел с дороги и вломился в кусты. Остальные два проскочили, не снижая скорости, люди в кузовах размахивают оружием над головами, делают угрожающие движения, юг, эмоции, жаркое солнце...

В нашем кузове разом замолчали. Я сказал успокаивающе:

— Это у них радиатор забарахлил.

Снова долго ловил момент, выстрелил. Вторая машина, что сейчас идет первой, вроде бы чуть вильнула, но скорости не снизила, только в кузове вроде бы размахивать автоматами стали меньше.

Еще выстрел, и автомобиль начал замедлять скорость, его обогнал третий и быстро пошел впереди.

Я сказал мирно:

— Наверное, шофер устал.

Левченко проговорил озадаченно:

— Так вот как вы нашу базу громили... Несерьезно как-то, профессор. Патетики нет.

— Минутку, — сказал я. — У этого автомобиля мотор вроде бы мощнее. Вон как прет... Прямо как Наполеон по Египту.

Теперь наблюдали с уважением и даже почтением, а Куцардис с откровенной завистью.

Ингрид сказала странным тоном:

— Он же у нас Шатерхэнд — Верная Рука, Друг Индейцев.

Третий «хамми» удалось остановить только с третьего выстрела. Я передал винтовку Куцардису, тот смотрит такими восторженными глазами, что да, я для него бесспорный командир, отец и бог. Остальные даже притихли, потом заговорили быстро и сварливо, обсуждая способы, с помощью которых можно на таком расстоянии из кузова движущегося по неровной почве автомобиля попадать в другие автомобили, что несутся по извилистой дороге, точно так же подпрыгивая и виляя из стороны в сторону.

Боевики, покинув остановившийся джип, сгоряча даже бросились вдогонку, на ходу открыли стрельбу, хотя на таком расстоянии пули вообще не долетят, но стрелять так сладостно, как удержаться?

И все равно зрелище для меня неприятное, хотя и знаю, что малокалиберные автоматные пули упадут на землю, едва-едва пролетев половину разделяющего нас расстояния.

Левченко спросил с сияющими глазами:

— Никому не хочется остановиться и подраться?

— Здесь все взрослые, — заверил Челубей. — Нам бы поесть да поспать... А те ребята, что позади, пусть осваивают профы автомехаников.

— Ага, — сказал Затопек вяло. — Они ж только стрелять умеют, гады... А пахать нам, несчастным.

Левченко с облегчением улыбался, все-таки гнать «хамми», когда нет погони, приятнее, хотя мы и сами гонимся, вся жизнь наша в погоне за кем-то или за чем-то, что философы именуют счастьем, а иначе застой роду человеческому...

Великий вождь всех народов был прав насчет усиления борьбы темных сил по мере нашего приближения к светлому будущему, то есть сингулярности.

Началось еще в те времена, когда некоторые из питекантропов ощутили, что вместе с себе подобными в этом злом мире выживать проще. Таких нашлось мало, но они уцелевали в мире, полном опасностей, чаще.

Вряд ли они росли за счет прибавившихся к ним, скорее за счет подрастающего выводка. Из них большинство тоже грызлись с родителями и уходили, где постепенно погибали, а мелкие сообщества питекантропов разрастались, наконец вид разошелся на две близкие ветки: в одном так и остались жить небольшими семьями, а в другом, более миролюбивом, уживалось настолько много народу, что род превратился наконец-то в племя. Первых мы знаем как неандертальцев, а вторых зовут кроманьонцами, хотя они оставались одним видом и постоянно скрещивались, пока кроманьонцы не поглотили неандертальцев благодаря своей численности.

Но питекантропы, живущие в крови неандертальцев и кроманьонцев, продолжали противиться

любым видам упорядоченной жизни в обществе. Отсюда и луддизм, и воспевание пиратов, разбойников, борьба с властью и порядком, анархизм, а теперь вот, когда мир стал таким сложным и насыщенным, эта борьба питекантропией тьмы с прогрессизмом кроманьонства стала просто ожесточенной.

Ингрид пихнула меня в бок.

— Ты не заснул?.. Вид у тебя больно философский.

— Глубокая философия на мелком месте, — согласился я. — Прикидываю насчет методов борьбы с халифатом. Не вижу пока у них слабых мест... за исключением недостатка собственной техники. А так даже методы у нас примерно одинаковые...

Она сказала с возмущением:

— Что? Это где мы берем заложников?

— Заложников не берем, — согласился я.

— Ну вот!

— Но почему не берем? — переспросил я. — Мы такие милосердные? Придерживаемся каких-то законов?.. Три ха-ха!.. Мы не берем их потому, что для нашего противника ни жизни врага, ни собственные жизни ничего не значат. Если с криком «Аллах акбар» готов взорвать себя, только бы нанести ущерб противнику, то станет ли за жизнь соратника делать какие-то уступки врагу?

Ингрид запнулась с ответом, Левченко обронил:

— Все верно, это люди идеи. Отказывались выкупать даже крупных полевых командиров.

— Как израильтяне, — сказал Куцардис с кривой усмешкой. — Те тоже с террористами не ведут переговоров.

— Израильтяне те же исламисты, — сказал Челубей.

Левченко как знаток Корана сказал веско:

— Ислам гораздо ближе к Библии, чем христианство.

— Восток — дело тонкое, — сказал Челубей со вздохом. — А мы все толстые. Кроме Затопека... Эй, дружище, ты еще жив?

Затопек простонал сквозь стиснутые зубы:

— Рано радуешься, жив...

Левченко крикнул от руля:

— А что там на параллельной дороге?

Челубей изумился:

— Здесь еще есть дороги?

Я помалкивал, пыльное облачко уже заметил пару минут тому, ощущение такое, что параллельно с нами в одну сторону мчатся на большой скорости два грузовика с боевиками...

Дорога то понижалась, то приподнималась, в какой-то момент понеслась, как большая ящерица, почти по гребню, Ингрид вскрикнула, по ту сторону горной гряды два военных грузовика несутся с хорошей крейсерской скоростью, и не по бездорожью, у них дорога даже лучше.

Гряда быстро понижается, через какой-то километр дороги сойдутся, что чревато больше для нас, боевиков в кузовах многовато.

— Левченко, — велел я, — остановись. Может быть, нас не заметили.

— Или не обратят внимания, — сказал Куцардис.

Челубей проворчал:

— А чего бы им не поразвлечься по дороге?.. Они здесь власть. И полиция, и судьи.

— Да и палачи, — слабо простонал Затопек. — Хотя кто знает, что хуже, когда режут или когда вот так везут...

Челубей взял штурмовую винтовку, Куцардис положил на колени снайперскую.

Разделяющий нас гребень постепенно понижается, уже видно верх обоих идущих параллельным курсом грузовиков, в кузовах люди как будто впервые заметили нас, в руках появились вскинутые над головой автоматы, кто-то дал длинную очередь в воздух.

— Может быть, — предположила Ингрид со слабой надеждой, — это приветствие?

— Не совсем, — ответил Куцардис. — Я таких ребят встречал не раз. Левченко, дави на газ!

Левченко взглянул на меня, я промолчал, и он рывком бросил машину вперед.

В первом грузовике в кузове один начал поворачивать в нашу сторону пулемет. Еще один поднялся с длинной трубой ракеты «земля — земля», но грузовик качнуло, и он рухнул на своих соратников.

Грузовик остановился, иначе выстрел будет в небо, если не в кабину, видно, как боевики размахивают оружием, кто-то стреляет в нашу сторону, несмотря на расстояние, точно не профессиональные военные, а всякий сброд с оружием.

Боевик с лаунчером встал, расставив ноги, начал ловить нас в крестик прицела.

Я моментально рассчитал скорость движения нашего «хамми», направление и скорость полета ракеты, ее маневренность, заорал:

— Жми по полной!.. А перед поворотом по тормозам!..

Ингрид вскрикнула:

— Ты с ума сошел...

Левченко, сцепив зубы, выполнил мой указ, игнорируя крики Ингрид, что женщины понимают, а когда ударил по тормозам, мимо оконного стекла пронеслась ракета, едва не попортив обшивку, и тут же саданулась в каменную стену гряды.

Взрыв качнул нас, горячая волна ударила в лицо. Я прокричал:

— Жми!.. Должен успеть вон до того гребня!

Ингрид молчала, только выставляет ствол автомата в сторону опасности, а Левченко моментально разогнал «хамми» по этой проклятой дороге, как они только ездят...

Я видел, как ракетчик приложил к плечу лаунчер, через мгновение оттуда вырвалась вторая вспышка огня и понеслась к нам.

— За гребнем, — прокричал я, — тормози!

Через пару секунд автомобиль остановился так резко, как можно только на таких дорогах, на асфальте тащило бы еще пару десятков метров.

По ту сторону гребня раздался взрыв, на головы посыпались мелкие камешки.

— Теперь гони, — велел я. — Больше нас из лаунчера не достать...

Левченко, поглядывая на меня уважительно и полностью игнорируя Ингрид, она все-таки только капитан, да еще женщина, что еще ниже капитана, сдвинул автомобиль с места и погнал достаточно быстро, но не настолько, чтобы это выглядело как бегство.

Я подумал с раскаянием, что парень слишком уж верит в меня, я же доктор не военных наук, но как хорошо, что есть люди, так беззаветно верящие в науку!

Затопек сказал недовольно:

— Да что же это такое... Как будто знают, что у меня пуля в плече, а без меня вас голыми руками бери!

— Даже без перчаток, — согласился Куцардис. — Профессор, это не случайность?

— Не похоже, — согласился я.

— Неужели у кого-то целая область на поводке?

— Это необязательно, — сказал я. — Достаточно сообщить всем, что некие белые наемники уже не наши, и кто перебьет их и заснимет на видео их тела... а лучше их казнь, получит, к примеру, миллион долларов.

Челубей задумался и начал загибать пальцы, Затопек сказал подозрительно:

— Ты мою долю не уменьшай!

Челубей сказал со вздохом:

— Все равно получается мало... Вот если миллион дали за тебя, я сразу такого засранца за борт. А за одного только профессора должны заплатить миллионов пять!

Куцардис вздохнул.

— Значит, о нас знают больше, чем хотелось бы.

— Похоже, — согласился я. — Видимо, настоящий хозяин приглядывал за лабораторией дистанционно с помощью видеокамер... Но после того как фляга с вирусом была вручена посыльному и тот взлетел на вертолете, я думал, следить будет только за драгоценной посылкой...

— Наверное, — предположил Левченко, — хотел дать новое задание ученым, а там такое... Понял, что гонимся за посыльным, велел всем, кого смог нанять, остановить нас...

— И объявил награду, — добавил я. — Чтобы об- лава стала более массовой.

Глава 13

Левченко гонит на предельной скорости, которую можно выжать из мотора и не вылететь на крутом повороте, я с снайперской сел у заднего борта и наблюдал, как тяжелые грузовики выезжают на нашу общую дорогу.

Куцардис поинтересовался мрачновато:

— Могут быть еще?

— Могут, — ответил я. — Но не слишком много.

— Профессор?

— Здесь не слишком населенные земли, — пояснил я. — Боевикам здесь делать нечего. И быстро не найти тех, кто готов вскочить на коней... Эти вот уже и были в машинах, их просто пустили сразу по новому следу.

Ингрид пробормотала:

— Узнать бы, кто мониторил лабораторию... Вдруг эта сволочь где-то в Москве?

— Ингрид, — сказал я предостерегающе, — смотри, это смахивает на паранойю. Это кто-то из богатых нефтяных шейхов. Скорее всего, саудиты. Но не думаю, что против нас бросят какие-то уж особые силы... Посыльный со штаммом вируса уже наверняка в Эль-Кефе. У нас и там мало шансов его догнать, но на всякий случай нас еще и придерживают...

Челубей спросил недовольным голосом:

— Только придерживают? Даже не стараются в любом случае убить? Как-то обидно. А где горячие арабские парни?

— Что делать, — ответил ему Куцардис. — Ставки настолько высоки, что останемся лично мы живы или нет, для Европы, где погибнут несколько

миллионов человек, роли не играет. Как и для ребят халифата.

— Успокоил, — огрызнулся Челубей. — Хрен с той Европой, кому она нужна, но почему меня не уважают?

— Мой дядя самых лучших правил, — пробормотал Левченко, — он уважать себя заставил... Эй-эй, профессор, это зря переводить патроны!..

— Ты же две коробки взял.

— Но все равно жалко...

— Нехорошо быть жадным, — укорил я. — Пророк велел делиться.

— А я демократ, — возразил он. — И почти протестант. А для них накопительство — путь к богу.

Я просчитывал толчки, подскоки и рывки как нашего «хамми», так и переднего грузовика, мозг с азартом принялся решать сложную задачу, тут главное — мои мышцы, реакция и способность нажать на скобу в единственно возможный момент...

Кончик пальца вдавил спуск, в плечо ощутило двинуло, но предупрежденный о последствиях выстрела организм принял меры, какие-то мышцы напряглись, другие синхронно расслабились, я тут же перезарядил, выждал пару секунд и выстрелил.

Куцардис вскрикнул:

— Клянусь звездными войнами, обе пули уже в радиаторе!..

— Это необязательно остановит, — ответил я.

— Такого калибра? — спросил он. — Да все равно что из пушки! Патроны 308 Винчестер, наконечники из обедненного урана, это же последний писк!

Из-под капота пошел дым, грузовик вильнул к обочине и остановился. Куцардис сказал с жадным восторгом:

— А я, дурак, убегал в универе с лекций о живописи и прочем искусстве... Теперь бы тоже так стрелял!

Я молча приложил приклад к плечу, при отдаче саданул как-то сильнее, потому, рассердившись, я начал ловить в прицел водителя за рулем. Его почти не видно, но мне вовсе не обязательно попасть в голову, как всегда стараюсь, такой пулей неважно куда засадить...

Выстрел тряхнул мое плечо еще сильнее, но грузовик на полном ходу вильнул в сторону и тут же перевернулся, но не просто перевернулся, а трижды прокрутился по дороге, выбрасывая из кузова вопящих боевиков и безжалостно перемалывая их железной тушей.

— Хорошая винтовка, — сказал я и отдал ее Куцардису. — Это не женщина, не предаст... если будешь заботиться.

Ингрид отняла от глаз бинокль, фыркнула, что значит — все слышит, а потом припомнит, но сказала таким тоном, словно продолжает только что прерванный разговор:

— Как вижу, у них только мужчины...

— Отсталые? — спросил Куцардис с интересом.

— Очень, — подтвердила она. — Но у них, понятно, мужчин много, даже очень много... И потому нет женщин с оружием в руках.

— Ну-ну, — подбодрил я, — что хотела сказать?

— Уже сказала, — ответила она победно.

Я смолчал, а она отвернулась с гордым видом, как часто делают женщины, когда сказать нечего,

но брякнут что-то многозначительное и умолкают, дескать, тупые, не понимаете.

Наверное, что что-то фаллическое, мелькнула вялая мысль на заднем фоне настоящих мыслей. Или как ее там, когда вопросы пола, но только с женской стороны, все еще в тренде мстить и отыгрываться за якобы утнетение со стороны сильного пола.

А вообще хрен с нею, со всей этой ерундой, прислушался к Челубею, этот невесело и с ноткой зависти втолковывает мрачно нахохлившемуся Затопеку:

— Халифат — это знамя молодых, а мы с тобой уже старые, не понимаем. Не потому, что сами старые, наша цивилизация старая, а халифату всего несколько лет. Нынешнему. Сейчас он, как и когда-то коммунизм, обещает счастье и равенство для всех...

— Всех? — переспросил Затопек ехидно.

— Всех своих, — уточнил Челубей. — Прими ислам, и тебе будет щасте. Много. И семьдесят две гурии.

— Семьдесят две много, — возразил Затопек. — Мне семьдесят как раз...

— Увы, — ответил Челубей с сочувствием и пониманием. — Возьмешь семьдесят две, и баста!.. Нельзя нарушать законы шарията.

— Но семьдесят две, — сказал Затопек, раздраемый желаниями и сомнением, — уже работа, а я работать не хочу. Какой тогда рай? Это уже не рай...

— Но-но, — прервал Челубей, — не кощунствуй. Догмы не обсуждаются. Либо ты правоверный, либо говно ходячее.

Затопек жалобно пискнул:

— А какой-нибудь... третий путь?

— Буржуазный? — спросил Челубей с тяжелым подозрением. — Ни вашим, ни нашим?.. Кто надеется огрести прибыль с обеих сторон, может огрести что-то другое... Тоже с обеих сторон.

Куцардис прислушался, сказал мне:

— Слушаете, профессор?.. Я заметил, среди революционеров не бывает людей старшего возраста. Молодыми были и декабристы, и якобисты, и марксисты, игилисты, халифасты... Даже как-то стыдно наносить по ним авиаудары, будто по своим честным, но очень неумным в силу возраста и недостатка жизненного опыта детям.

Левченко цыкнул:

— Но-но, разговорчики!.. Враги не бывают ни честными, ни красивыми. Это только мы такие. Вы должны проникнуться к врагу всей беспощадной пролетарской яростью. Их халифат ничто перед нашим. Вон профессор шас скажет, что широк русский человек, если верить террористу Достоевскому, что делал бомбы для убийства царя, но мы в самом деле широки, как Стенька Разин!.. И если нас разозлить, то никому мало не покажется...

Левченко ведет автомобиль на хорошей крейсерской скорости, дорога пустынная, я просматривал со спутников дорогу впереди, позади и вокруг, вовремя увидел за три километра от нас идущий навстречу военный грузовик.

Тревожное чувство прокатилось по нервной сети, а когда грузовик перегородил дорогу и остановился, я торопливо вытащил планшет, сразу же вывел на экран изображение.

— Ого!.. А это что?

Ингрид и Куцардис тут же стукнулись лбами, стараясь рассмотреть изображение при ярком солнце. Там через оба борта как раз начали прыгать боевики с оружием в руках, одни прятались в придорожной канаве, другие укрылись за камнями.

Челубей посмотрел тоже, Куцардис только присвистнул, а Челубей сказал с тяжелым сарказмом:

— Вот это я люблю! За нами погоня на двух грузовиках, а впереди дорогу перекрыл вообще монстр... Почему нет вертолетов, чтобы еще и ракетами зафигачил?

— В самом деле обидно, — согласился Левченко. — Нас совсем не уважают.

Со дна кузова согнувшийся в калачик Затопек сказал жалобно:

— А чем выше уважение, тем выше и жалованье! Иначе Родину придется продавать раньше, чем планируем.

Я хлопнул Левченко по плечу.

— Вот там остановишь. За деревом, но перед гребнем. Нас не увидят...

— Но будем близко, — закончил Левченко. — Воспользуемся?

— Командуй, — велел я.

Он сказал быстро и властно:

— Челубей, бери пулемет и вот на ту высоту!.. Затопек, тебе поручаем самое важное: лежать и не пищать! Я зайду с другой стороны. Пока они ждут появление нашего автомобиля, их можно взять тепленькими.

— Но мертвенькими, — уточнил Челубей хищно. — Профессор полагает, население нужно сокращать. Особенно неблагополучное.

— Начинать по моему выстрелу, — уточнил я.

— Сделаем, — ответил Левченко. — Пошли-пошли!

Мы с Ингрид и Куцардисом ждали, пока они займут позиции, но сильно тянуть нельзя, наш автомобиль должен показаться вот-вот, все их внимание направлено сюда, на дорогу, готовы открыть огонь...

— Вперед, — велел я тихо. — Готовность...

Ингрид и Куцардис двигались за мной тихие и настороженные, я осторожно выглянул из-за камней, дальше простор, на укатанной дороге замер в ожидании военный грузовик с защитной раскраской.

Шофер сидит в расслабленной позе на подножке, прислонившись спиной к дверце кабины, автомат небрежно лежит на коленях, но так, чтобы успеть мгновенно подхватить в руки и прыгнуть в канаву в шаге от колеса.

Я шепнул:

— Куцардис... Присмотрись. Сможешь снять шоферюгу?

Он сказал в недоумении:

— Со снайперки? Запросто.

Рядом зашелестело, это приблизилась и легла рядом Ингрид.

— Здесь примерно семьсот шагов, — уточнила она. — Это предельная дальность для автоматической винтовки...

— Здесь всего шестьсот, — уточнил я, — у страха глаза велики, как у тебя, и такие же красивые, не спорю... Куцардис, правда у нашего капитана глаза красивые?... Да куда ты оглядываешься, вот он рядом лежит, наш капитан... Не похож? А мне иногда кажется вообще полковником. Что значит у страха

глаза велики... Общая дальность штурмовой тысяча сто, а прицельная — шестьсот пятьдесят. Попробуй.

Ингрид сказала с сомнением в голосе:

— Давайте я. Но если спугну, выкурить будет труднее...

— Не повреди машину, — предупредил я.

— Зачем?.. Хотя ладно, как скажешь.

— Как прикажу, — уточнил я. — Или как повелю.

Я ждал, когда она ляжет поудобнее со штурмовой в руках, раскинет ноги, словно при стрельбе из снайперской, которая дает сильную отдачу, долго готовилась, наконец нажала на спуск.

Короткий выстрел в три пули прозвучал резко и неожиданно. Шофер моментально, не вставая, ухватил ствол автомата в нашу сторону, но тут же дернулся и завалился в сторону.

Ингрид выдохнула с недоверием:

— Неужели я его достала...

Я тем временем открыл быструю стрельбу из винтовки по тем, кто спрятались за камнями, их достать будет труднее всего, а сейчас, пока не опомнились...

Куцардис — классический снайпер, правильный, что значит долго готовиться к каждому выстрелу, а я, пользуясь быстройдействующей нервной системой и рукой Шатерхэнда, быстро-быстро вышиб мозги у тех, кто едва-едва высовывает голову над камнями, наконец загрохотал пулемет Челубея и прогремели короткие злые выстрелы из автомата Левченко.

Куцардис начал приподниматься, готовый бежать вперед, стреляя на ходу, я прижал его к земле.

— Погоди. Мы не видим, сколько их там в канаве, а для Челубея и Левченко все как на ладони.

Через минуту стрельба затихла, с вершины по косоугору вниз побежал Левченко, а за ним показался Челубей с пулеметом на плече.

— Проверь грузовик, — велел я Куцардису.

— Возьмем его?

— Если в порядке.

Он ухмыльнулся.

— Как же я любил в детстве меняться! Миллионером стал бы, но не повезло, вырос, зачем-то честным стал, а когда опомнился, все уже разворовали...

Он первым добежал до грузовика, неподвижное тело спихнул в придорожную канаву, Ингрид остановилась у переднего колеса, зорко осматриваясь с автоматом в руках.

Левченко сбежал по косоугору, крикнув «Чисто», за ним спустился Челубей, с интересом взглянул на военный грузовик.

— Ого, люблю такие штуки... Колеса вдвое больше, чем у «хамми».

— Проходимец, — согласился Левченко. — Как там, Куцый?

Куцардис сообщил из кабины:

— Пока все в порядке... И бензина еще два запасных бака. Можно до Москвы гнать!

— Там впереди море, — напомнил Челубей.

— А если с разгона? — спросил Куцардис. — Не проскочим?.. Жаль, а так хотелось привезти такую машинку. Это же «Кайзер», работает на дизеле, бензине, керосине и любом авиационном топливе! Поставил бы перед домом, место на парковке тут же бы отыскалось.

Борта настолько высоки, что если прыгать через них, это как с крыши дома, особенно если с оружием и вещмешком.

Куцардис крикнул из кабины:

— Садимся?

— Подгони к нашему «хамми», — велел Левченко, — там у Челубея кое-какие вещички остались.

— Затопек, что ли?

Левченко отмахнулся.

— Затопека можно и бросить, не жалко, а вот сумка с магнитными минами... это вещь.

Куцардис включил зажигание, послушал, как гудит мотор, неспешно сдвинул тяжелую машину с места и неспешно подъехал вплотную к «хамми».

Левченко и Челубей лихо прыгнули через задний борт, он намного ниже, Левченко помог подняться Затопеку, хотя тот и сам, на мой взгляд, вполне может даже бегать и стрелять, пусть и с одной руки, но если командир жаждет проявить заботу в целях воспитания молодого поколения, то да, может хоть нести такого, жалобно стонущего...

Левченко нести, правда, не стал, но пошел следом, даже помог подняться в кузов, а оттуда протянула руку Ингрид. Челубей принес сумку с минами и, как я понял по выпуклостям, еще и с гранатами.

— А наш «хамми» бросим? — спросил он со вздохом. Левченко напомнил:

— Вообще-то он тоже не совсем наш. Мы его сперли этой ночью. Как цыгане. Еще не стыдно?

— Пока нет, — ответил Челубей. — Я как бы заскорузлый к укорам совести. Но зато жадный, как Тони Блэр. Эту ашимочку можно хорошо продать, кстати.

Куцардис развернул грузовик, мотор гулко взревел, и нас понесло по раскаленному миру, горячий ветер дует в лицо, но вся пыль поднимается за нами и будет висеть в воздухе долго.

Глава 14

Ингрид снова осмотрела рану Затопека, сделала перевязку, выказывая себя женщиной, хотя любой из отряда может сделать не хуже, обучены, умеют, программа экстренной помощи входит в курс обучения спецназовцев.

Впереди слева от дороги показался лагерь, три грузовых автомашины и легковая, две палатки, похоже на пикник, если бы не столько мужчин в камуфляжной форме.

Левченко, не отрывая от них взгляда, протянул руку к Челубею.

— Дай бинокль. Мне кажется, это черкесы...

Челубей изумился:

— Какие черкесы? Это берберы, не видишь?.. И вообще, откуда в Тунисе черкесы?

— В Тунисе и евреи живут, — буркнул Левченко. — Как отдельный народ... Все-таки это черкесы, блин... Куцардис, гони... Нам нельзя останавливаться!

Грузовик ревнул и понесся как низколетящая ракета. Со стороны лагеря прозвучали две короткие очереди, прицеливаются, что ли. На такой дистанции автомат как оружие ближнего боя бесполезен, разве что случайной пулей достанет, но я похолодел при такой мысли, ясно и отчетливо представив, как в меня вонзается такой вот раскаленный кусок

металла и, пронзив мои хилые мышцы, рвет мои внутренности...

— Пригнитесь, — велел я, — там впереди на возвышенности двое с автоматами!.. Нет, трое!

— Это черкесы, — крикнул Левченко. — Профессор...

Я не отвечал, ухватив автомат, уперся для устойчивости и, едва грузовик вышел на дистанцию, я открыл огонь. Челубей, Ингрид и Левченко моментально сориентировались и тоже начали стрелять в ту сторону, хотя еще не видели противников.

Над краем нависающего над дорогой обрыва появились головы с выставленными стволами автоматов, одна поникла сразу, вторая дернулась обратно, а сам автомат выпал из его рук.

Третий поспешно отодвинулся, а наш грузовик с ревом пронесся по дороге. Челубей радостно хохотал, Левченко спросил быстро:

— Никто не ранен?.. Чего ржешь?

Челубей показал ему новенький автомат, выпавший из рук черкеса в засаде.

— Он тебя прикладом чуть не убил!.. Ты посмотри, еще смазка сохранилась!.. Ну американцы, ну молодцы!.. И белым продают, и красным, и черным, и зеленым...

Затопек проговорил с завистью:

— А почему вам так везет?.. Даже новенькие автоматы на головы бросают... Вот это жизнь...

— Еще бы ящик с патронами, — сказал Челубей. — Вон ты как хорошо лежишь. Полкузова занял! Можно с самолета бросать, не промахнешься. Мягкий...

Из машины было видно, как внизу в распадке боевик в длинной до земли одежде установил ми-

номет, закинул мину в жерло и, присев и отвернувшись, зажал ладонями уши.

Выстрел грянул такой, что горы дрогнули, снаряд по крутой дуге ушел через горную гряду, через несколько секунд с той стороны раздался мощный взрыв. Взлетели мелкие осколки.

Челубей спросил в недоумении:

— Он что, рехнулся? Мы же здесь!

— Эгоцентрист, — сказал Левченко.

— Чё-чё?

— С чего ты решил, — ответил Левченко, — что весь мир крутится вокруг тебя?.. Тут столько групп, группировок, партий, течений, что шайтан ногу сломит!..

— Чертов басмач, — ругнулся Челубей. — Вот так с минометом, гад!

Куцардис оглянулся на меня с надеждой.

— Надо бы его снять...

— У тебя руки заняты, — напомнил я.

— Это я быстро, — заверил он и, торопливо остановив машину на полном ходу так, что всех нас бросило на кабину, ухватил винтовку. — Сейчас я его... А то вдруг он и по нам шмальнет.. А что такое басмач?

— Новое поколение, — проворчал Челубей. — О душманах и то уже забываете, куда уж о басмачах...

Куцардис торопливо прицелился, человек в арафатке только-только поднес мину к жерлу миномета, как Куцардис нажал на спуск.

Минометчик вскинул руку и, не выпуская мину, завалился лицом вперед. Куцардис приосанился, отдал винтовку нам за спину и снова ухватился за руль.

Судя по картам гугла, можно пройти через небольшой лесок и по краю овражка, а там выбраться на дорогу к Эль-Кефу, сократив путь по меньшей мере на сорок миль.

Я указал на планшете Куцардису, тот поколебался, но кивнул.

— Если вон то темное пятно не какое-то болото... то попробуем.

— Какие в Тунисе болота? — сказал я. — Появись у них хоть одно, они из него национальный заповедник сделают... Качество снимка просто хуже некуда...

— Там просто ниже местность, — заметил Челубей. — Вот смотрите, везде тени от солнца, а там тьма... Только и всего.

Вскоре Куцардис свернул, бодро пронеслись через лесок, все напряженно всматривались вперед, первым рассмотрел впадину и с облегчением вздохнул Челубей.

— Я же говорил!.. Небольшое понижение, съезд хороший... Думаю, и выберемся на той стороне так же легко. Дорога там рядом?

— В двух милях, — ответил Куцардис.

— Ну вот...

Впадина походит то ли на кратер древнейшего вулкана, что осел за миллионы лет и почти сровнялся с поверхностью окружающей земли, то ли на воронку от огромного метеорита, что шарахнул не меньше миллиона лет тому, раз уж никаких следов...

Когда мы проехали почти до середины, я сказал быстро:

— Стоп!.. Возле тех камней останови.

Куцардис спросил испуганно:

— А что там?

— Там укрытие, — ответил я. — А впереди какие-то морды разбили лагерь... или первобытную стоянку. Не нравится мне это...

Без бинокля рассмотреть сложно, я-то через спутник, Левченко некоторое время смотрел в бинокль, Челубей спросил в нетерпении:

— Ну что там?

— Похоже на «Братьев Али», — сказал Левченко, — только у них и «Заветов Алсу» такие повязки... Но «Заветы» должны быть намного левее... где-то миль на сто.

Челубей спросил быстро:

— Ты скажи лучше, чем они отличаются друг от друга?

Левченко покачал головой.

— На самом деле очень сильно, но с нашей точки зрения вообще ни в чем. Ни друг от друга, ни одна от другой. Хотя различия есть, но для нас они как китайцы, что все на одно лицо. «Братья Али» как бы из умеренных исламистов, но умеренность их в том, что головы не режут, а устраивают массовые казни, ставя жертвы на колени и стреляя в затылок. У «Заветов» группировка вроде бы самая непримиримая, но эти вообще пленных не убивают, да. А непримиримыми их считают за то, что принимают только суннитов определенного толка хасаулитов. Есть еще отряды «Ветер Веры», «Гора Аксы», «Люди Шотт-эль-Гарса», «Знамя Бургибы», их главный старается держать их на разных участках, а то начнут стрелять друг в друга...

— Весело живут ребята, — сказал Челубей. — Что делать будем?

Я перешарил инет в поисках ключа, но глухо, подсказок нет, сказал неохотно:

— Они нас видят, не стреляют. Либо дисциплинка уже есть, либо что-то хотят... Нам же придется ехать через них. Справа и слева камни... Либо назад, либо вперед.

Левченко подтвердил:

— Обычно лупят даже в воздух, не жалея патронов. Командир, пойду я?

— Нет, — сказал я, — пойду я. Хотя ладно, ты больше похож на местного, а я буду как белый наемник. Пойдем вместе. Остальным держать их под прицелом!

Ингрид сказала зло:

— Не понимаю, зачем это вам нужно.

— Нам нужно ехать дальше, — ответил я. — А орущая толпа на джипах за спиной как-то раздражает наше утонченное восприятие. И отвлекает, что важнее. Куцардис, вруби мобилу. Должен слышать все, понял? Вдруг будем говорить о квартире, где деньги лежат? И вообще все слушайте, кому не позакладало. Майор, готовы?

Левченко ответил бодро:

— Ко всему хорошему!

— Это не гарантирую, — ответил я, — но скучно не будет.

— Здесь жизнь веселая, — согласился он. — Это не мух бить газеткой в офисе.

Лагерь раскинулся вокруг двух грузовиков, четыре просторные палатки, длинный самодельный стол, настоящая полевая кухня, ветерок донес слабый аромат бараньей похлебки.

Нас заметили издали, вокруг лагеря нехилая охрана, кто-то выстрелил в воздух, еще двое, по-

казывая, какие они отважные, выпустили в небо по автоматной очереди, наконец к нам навстречу вышли тоже двое, высокий и красивый блондин, я даже пожалел, что не взял Куцардиса, были бы как партия и Ленин, что близнецы и братья, а второй приземистый и грузный араб, тоже будто не араб, а бюргер из Мюнхена.

Блондин чем ближе подходит, тем смотрится великолепнее и красочнее, высок, широк в плечах, рельефная мускулатура, хоть сейчас на чемпионат по бодибилдингу, лицо продолговатое, худощавое, мужественное, а глаза такие, что берет оторопь — синие-синие, яркие, почти светящиеся. Наверное, таким же был некогда Лоуренс Аравийский, легенда английской разведки.

Он всмотрелся в нас с пренебрежительным интересом, а я спросил издали:

— У вас там много людей с автоматами, а мы не воюем, просто туристы... Мирные, любопытные, природу фоткаем, развалины живой природы, карфагенизмы...

Араб скривился, а блондин поинтересовался лениво:

— Что-то акцент странноват... Европейец, это понятно. Русский?

Я ответил мирно:

— Как и ты. Хорошо чешешь по-арабски. Тебя как звать?..

Он кивнул на Левченко.

— А этот понимает?

— Он настоящий араб, — сказал я. — Абдулла, поприветствуй нашего соратника...

Левченко поклонился и сказал витиевато на арабском:

— Аллах стоит за спинами всех, кто держит в руках оружие. Пути его неведомы, но суд его будет строг.

Блондин кивнул.

— Вижу, чешет по-ихнему чисто. Хороший у вас гид. Явно в спецвойсках стажировался. Меня в том старом мире звали, только не смейтесь, Иваном. Мне всегда хотелось, чтобы мое имя было типа Ричард, Роланд, Гастинг, Нибелунг... Но здесь у них «Иван» звучит так, как у нас «Ричард Львиное Сердце»...

Я прислушался к его акценту, спросил по-русски:

— Ты из Рязани, что ли?

Он посмотрел на меня волком, лицо стало неприятным, почти прорычал, как волк:

— Я москвич, скотина, сам ты рязанец...

— А где жил?

— На Донского, — ответил он с нажимом. — Возле метро.

— Ух ты, — восхитился я. — А я на Скобелевской!.. Ты в Северном Бутово, а я в Южном. Соседи!..

— Сейчас я тебя по-соседски, — пообещал он, — немножко убью...

— За что?

— За оскорбление... Ишь, рязанец!

— Все мы в руке Аллаха, — ответил я. — Слушай, раз уж мы земляки, скажи своим, что мы тоже за царя, за веру и Отечество. В смысле, за халифат. Хотя и за деньги. Пусть уберут вон оттуда с вершинки пулемет, что за серым и пятнистым камнем.

Он широко улыбнулся.

— Дорогу нужно держать под прицелом. А стрелять или не стрелять — другое дело. Но вообще-то можете ехать...

Его молчаливый напарник, что, как и Левченко, помалкивал, только рассматривал в бинокль наш грузовик, вдруг сказал радостно:

— Шурале, у них там женщина!.. Очень красивая!..

Блондин сказал заинтересованно:

— Да?.. А ну-ка..

Он выдернул из его руки бинокль и всмотрелся очень внимательно.

— В самом деле... Какая гордая красота... Это кто?

— Моя жена, — ответил я.

Он посмотрел на меня внимательно, покачал головой.

— Врешь...

Араб заговорил быстро и зло, затем махнул рукой, побежал обратно к своим. Там боевики заговорили между собой, вскинули над головами оружие.

Блондин сказал с сочувствием:

— Мы вас пропустим, но женщину придется оставить. Видишь, народ против. А глас народа — глас Божий.

Я пробормотал:

— Не понял... У вас что, демократия?

— Первобытно-общинная, — уточнил он. — Даже коммунизм. Правда, пещерный. Но такой искренний... Скажи своим, женщина пусть отойдет в сторону.

Я поинтересовался:

— А тот снайпер, что вон между теми двумя камнями на самой вершине, рядом с пулеметчиком, он держит на прицеле меня или женщину?

Он широко ухмыльнулся.

— Заметил? Набью обоим морды, чтобы в следующий раз маскировались лучше. Распустились, никак к дисциплине не приучу... Тебя, конечно, на прицеле. А женщину зачем?.. Или она такая же туристка, как и ты?

— Зачем вам женщина? — спросил я.

Он с интересом всмотрелся в мое лицо.

— Ты же знаешь... Почему спрашиваешь?.. Действительно, с какой целью... странно... Вон сколько горячих парней, уже неделю без баб... Будь реалистом... мир бывает жесток и грязен... но приятен...

Я сказал негромко:

— Куц, давай.

Он насторожился, сказал быстро:

— Что?..

— Не дашь в морду снайперу, — сообщил я. — Хотя и мне хочется...

Со стороны его лагеря раздалась стрельба. Он бросил руку к кобуре, но застыл, мой пистолет, что появился в моей руке с непостижимой скоростью, уже смотрит ему прямо в лоб.

Он замер, затем медленно выдохнул и убрал пальцы от кобуры.

— Ну ты и ганфайтер...

Левченко с автоматом в руках ринулся к месту схватки, но выстрелы утихли раньше, чем он добежал.

Иван сказал зло:

— Там было двенадцать человек, сволочи все... Неужели сумели? Вы кто?

Я с силой ударил его рукоятью пистолета по зубам и тут же снова взял на прицел.

— Ты как разговариваешь?

Он закашлялся разбитым ртом, прижал ладонью разбитые губы, кровь часто-часто закапала между пальцами.

— За... что?

— За хамство, — пояснил я.

— Ты что... интеллигент хренов?

— Я интеллигент, — согласился я, — а вот ты хренов. Хочешь, и остальные зубы выбью?.. Распустился на югах. Где культура белого человека? Бремя белых нужно нести достойно, как завещал великий Редьярд!.. А не женщин насиловать, да еще против их желания!

Он проговорил зло, взгляд обещает немедленную смерть:

— Я тебе что, араб?.. С белым мог бы и повежливей.

— Аллах не различает цвет кожи, — напомнил я, — а душа у тебя черная. Ладно, хоть ты и земляк, но разве не все люди на свете земляки? Аллах не видит разницы.

Он сказал в недоумении:

— Ты какой-то слишком грамотный... И какого хрена здесь?

— Иди к гуриям, — сказал я, но почему-то это прозвучало, как будто послал к черту. — Это был твой личный отряд?

— Мой, — ответил он зло. — Полгода подбирал, учил, готовил этих тупых чурок, отсеивал, выгонял слабых... Остались настоящие львы! А вы их, сволочи, так просто...

— А у меня овцы, — сообщил я. — Всего четверо. Но зубатые овцы. Осторожно вытащи пистолет, роняй на землю и отступи.

Он буркнул:

— Ага, турист... бабушке своей скажи.

Когда отступил на три шага, я носком ботинка отшвырнул в сторону, кивнул в направлении его боевиков:

— Топай туда.

— В спину выстрелишь? — спросил он равнодушно.

— Без отряда и жизнь не мила? — поинтересовался я. — Другой соберешь. Еще и похвалят, что все погибли, а ты выжил.

— Ты смотри, — буркнул он. — Я тебя все равно найду, гад.

Издали видно, что все целы, кроме Затопека, тот охраняет грузовик, а боевики убиты все, за исключением толстого араба, который приходил с красавцем Иваном.

Он сидит, раненный в ногу, зло сверкает глазами, Ингрид держит его на прицеле. Думаю, он уже не так рвется обладать этой красивой женщиной... Хотя кто знает, эти питекантропы такие непонятные...

Куцардис и Челубей спокойно взяли на прицел Ивана, а я рявкнул арабу:

— Имя, звание?

Араб прошипел ругательство, я с силой пнул его в раненую ногу. Он застонал, скрипнул зубами, начал было подниматься, но нога подломилась, рухнул на землю.

— Его имя Саллахран, — сказал Иван. — Ничего вам не даст и не скажет. Он простой, хоть и смысленый мародер. Избивать его бесполезно...

— Так тому и быть, — согласился я.

Отдача от выстрела чуть тряхнула кисть, но уже слабее, мышцы крепнут, привыкают. Саллахран за-

валился на спину, дыра во лбу такая, что пролезет черенок лопаты, явно кости рыхловаты, остеопороз уже в расцвете.

Глава 15

Левченко поднял его автомат, выдернул пистолет из кобуры, обычный «кольт», скривился, у него лучше, но как не взять, мужчина скорее жемчужное кольцо бросит на дорогу, чем пистолет, вот мушкетеры алмазные подвески тут же вернули королеве... хотя бриллиантовые могли бы и присвоить.

— Уходим, — распорядился я. — Иван, сиди здесь на видном месте и не шевелись...

— Понимаю, — буркнул он. — Моего снайпера снял твой умелец? Сам или по наводке?

— Сие тайна глыбокая есть, — ответил я. — Но ты будешь на мушке, пока не отъедем. Так что начнешь собирать оружие, когда уедем. Автомобили твои портить не будем, пользуйся.

Он сказал без всякой благодарности в голосе:

— Ну спасибо. Может, хоть пару моих ребят воскресите?

— Да какая тебе разница, — ответил я, — что один араб, что другой... Вон их сколько по пустыне бегают!.. Все, ребята, уходим. Развлечение хорошо, сам люблю вот так веселиться, но работу никто не отменял.

Затопек помахал нам издали, что хорошо. Иван, который Шурале и похож на Ричарда Львиное Сердце, поймет, что мы действовали не всем отрядом, он в самом деле может быть в крестике прицела.

Когда погрузились в кузов, а Куцардис быстро погнал грузовик в прежнем направлении, Ингрид вдруг строго спросила:

— Отпустил его зачем?

— Оспариваешь? — спросил я с интересом.

Она огрызнулась:

— Я не оспариваю действия вышестоящего по должности, но... приказы должны быть понятными!

— Ему понятны, — ответил я. — А тебе я какой отдал непонятный приказ? Или должен отчитываться перед вами, капитан?

Она вытянулась, отчеканила:

— Никак нет, командир!

Левченко, как и другие, поглядывали на меня с опасливым уважением. Я подумал, что либо воинская дисциплина тому причиной, либо я в самом деле сумел сказануть таким тоном, что прониклись.

— Это мое решение, — произнес я веско. — Если будут вопросы у моего непосредственного руководства, я ему изложу. Если не изволю, то и ему не изложу. Вы забываете, что если меня уволят с этой гребаной службы, то не подметать улицы пойду, а надену белый халат профессора и пойду руководить престижнейшей лабораторией, где даже у последнего лаборанта тест на интеллект выдает такую цифру, что лучше не показывать некоторым генералам, что нас курируют!.. Вопросы есть?

— Нет, — ответил Левченко поспешно. — Никаких вопросов, командир!.. Вам виднее.

Куцардис даже голову втянул, блин, я в самом деле начинаю командовать, это не только их вымуштрованность, это я становлюсь настоящим доминантом, кто бы подумал.

Там, в Центре Мацанюка, вообще как бы нет доминантов, все мы одинаковые от докторов до лаборантов, а доминирует над всеми Ее Величество Наука, светлейшая и властнейшая, ей нельзя не подчиняться, потому что ее авторитет непоколебим и незыблем, а мы все перед нею у ее подножия всего лишь мелкие и радостно служащие ей, добровольно вписавшиеся в рабство.

А популяцию, вдруг сказал другой голос в черепе, суровый и холодный, конечно же, надо снижать всеми способами. Вообще-то в деторождении необходимости нет вовсе. Те ученые, что работают сейчас, через десять-двадцать лет решат проблему бессмертия, это согласно всем исследовательским и прогностическим центрам, что в этом как раз сходятся.

В крайнем случае, если что-то затормозится, на помощь стареющим ученым придут те, кто сейчас даже не в детских садиках, а в школах. Причем в старших классах. Так что и с тем взрослым населением, которое уже есть, неизвестно, что делать. Оно же взбесится от безделья, так как всю работу возьмет на себя автоматика. Куда уж рожать новых, бессмыслица какая-то...

Челубей как самый бесхитростный, сказал беспечно:

— Профессор, вон Ингрид хочет сказать, у вас такой вид, словно гелиоцентрическую систему Птолемея открыли. Что-то важное? И для нас, я имею в виду?

Я покачал головой.

— Нет, нам важно поскорее добраться до Эль-Кефа. Ты женат?

— Было такое, — ответил он. — Но как-то легко пришло, легко ушло.

— Дети?

— Не успели, — ответил он. — Вот выйду в отставку...

— Не заводи, — посоветовал я. — Не делай их несчастными.

Он спросил настороженно:

— Почему?

Я заметил, что и остальные слушают заинтересованно и с таким же недоумением, поинтересовался:

— А кто заметил, как быстро и без шума закрыли готовый к выходу на рынок продукт «Искусственная матка»? Все опыты стопроцентно удачны: занятые работой и вообще занятые мужчины и женщины воспрянули от великолепной возможности поместить оплодотворенную яйцеклетку в эту матку, а через девять месяцев получить абсолютно здорового младенца...

— Ну-ну, — сказал Челубей, — можно вообще без женщины обойтись? Здорово...

— Но проект исчез, — ответил я. — Даже не проект, а был уже готов экспериментальный экземпляр. Дело было за малым, всего лишь пустить в массовую разработку и продажу.

— И чего? — спросил Челубей в нетерпении.

— Все исчезло, — сообщил я. — Пошли слухи, что некие олигархи купили и... закрыли, хотя для олигархов такое неестественно, за высокую прибыль они и мать продадут, как сказал великий пророк Карл Маркс.

Левченко пробормотал:

— А верно, даже упоминания исчезли.

— Что и понятно, — объяснил я, — с таким гаджетом детей станут заводить и те женщины, ко-

торые из-за успешной карьеры отказывались от беременности. Но кому нужно резкое увеличение рождаемости в мире, где как раз требуется резкое снижение населения?

Они ошарашенно переглядывались, Ингрид сказала зло:

— Наш профессор... подчеркиваю на всякий случай, не командир, а профессор, подводит базу под свое людоедское «их восемь миллиардов бегают!»

— Ну, — ответил я, — можно понять и так. Я сам, честно говоря, об этом не думал, однако, полагаю, как сознательный член общества людей я правильно понимаю тенденцию к уменьшению населения.

Она сказала еще злее:

— Тогда террористы делают хорошее дело? С этим вирусом, что убьет миллионы? Может быть, им просто не мешать?

— Не-е-ет, — ответил я, — так убьют и умных, а умные нужны. Разве мы сейчас с вами не чистим род людской от мусора? Хоть одного ученого убили?..

— Убили, — проговорил снизу тихонько Затопек. — Четверых.

Я отмахнулся.

— Они были на стороне Дарта Вейдера из Мордора. Такие еще хуже мелких бандитов. От мелких мелкий вред, а от крупных крупный.

Ингрид отрезала:

— Все люди заслуживают право на жизнь! Так, в целом. Я не беру наши случаи...

— Как высокопарно, — буркнул я. — Капитан, вы сами в это верите?

— Это неважно, — возразила она. — Главное — следовать инструкциям.

Я покрутил головой.

— Мне кажется, все человечество выжило только благодаря таким правильным, как вы, капитан. Которые правильные по жизни и которые следуют инструкциям.

Она поморщилась.

— А где же вы, профессор, в этой картине?

Все слушали с интересом, даже Куцардис наводил уши. Я ответил с горделивым смирением:

— Я? Я среди тех, кто выживших питекантропов дотащил до этого уровня и так же уверенно затащит в сингулярность. То есть среди тех, кто пишет инструкции.

Она фыркнула.

— Скромность не будет украшать сингуляров?

— Не будет, — согласился я.

— А что будет?

Я двинул плечами.

— А зачем сингулярам украшения?

Они умолкли, переглядываются, такого командира у них еще не было, и хотя командир у них Левченко, а я вроде проверяющего, что-то вроде контролера, но чувствуют что-то тревожно-непонятное, что вместе со мной приходит в их жизни.

Я посмотрел на Тунис с высокой орбиты, этот регион из богатой и благополучной страны превращается в нечто вроде Сомали, но Тунис все еще богат, два года назад ВВП был больше ста миллиардов, а это почти десять тысяч долларов на каждое рыло, бегающее здесь в стране, или, как говорят вежливо, на душу населения.

Тунис сто лет был колонией Франции, та на-строила домов, проложила дороги, создала и нала-дила экономику, а так как в Тунисе условия получ-ше, чем во Франции, то и зажили тунисцы богаче французов... на несколько десятков лет, пока не восхотелось чего-то вообще красивого, возвышен-ного и необыкновенного, вроде всемирного хали-фата.

Куцардис ведет грузовик умело, разгоняясь на ровных участках и лавируя на крутых поворотах, где то скала заставляет делать петлю, то глубокое ущелье.

Пока команда занята отдыхом, я продолжал по-глядывать с высоты, как языческий бог на Землю, хотя греческие боги обитали на вершине Олимпа, что вообще-то не Эверест, не Эверест и даже не гора, а так, холм высотой в километр и сто метров, я же посматриваю с орбиты то штатовского спут-ника, то китайского, а если повезет, то и своего родного, у которого все в цвете и разрешение чуть ли не 8К.

Страна кишит бандами и группировками, при-ходится отслеживать хотя бы те, которые могут чем-то угрожать, я присматривался к тем, что впе-реди у дороги, сказал резко:

— Не спать!.. Через полтора километра нас ждет засада!..

Левченко дернулся.

— Армия?

— Какая здесь армия, — буркнул я. — Весь Ту-нис — Гуляй-поле... Нет, даже не банда, а так, шайка мародеров.

— Остановимся и примем бой?

Я поколебался, ответил со злостью:

— Нет времени. Попробуем проскочить. Все-таки у нас военный грузовик. Только романтики могут напасть со своими каменными топорами...

— Еще далеко?

— Я скажу, — пообещал я. — Как только Куцардис вывезет нас за вон тот поворот, увидим... Вот, взгляните...

На планшете людей не видно, но можно рассмотреть два грузовика и один внедорожник в двадцати-тридцати метрах от кустов. А что людей нет, то понятно, все заняли позиции в кустах, как только увидели издали пыльное облако за нашим грузовичком.

Наш автомобиль миновал россыпь камней и выметнулся на простор, дорога хорошая, накатанная, впереди с левой стороны зеленеют заросли густого кустарника, тянется на протяжении примерно сотни шагов.

Я указал Челубею:

— Вон там и спрятались. Куцардис, чуть сбавь скорость, а потом по моей команде газанешь по полной.

Челубей спросил кровожадно:

— Начинать с краю?

— Да, — ответил я. — Не жди, когда начнут, стреляй сразу, как только приблизимся на расстояние прицельной стрельбы.

— Уже почти, — ответил он. — Почти-почти...

— Всем укрыться, — велел я. — Огонь открыть сразу, как войдем в зону поражения из нашего оружия.

Куцардис сбросил скорость, катим все равно достаточно быстро, но там небольшой поворот, и он сделал вид, что осторожничает.

Челубей сказал свирепым голосом:

— Ну, держитесь...

Над головой люто и страшно загрохотал его крупнокалиберный пулемет. Ветви кустарника, как скошенные исполинской косой, начали разлетаться в стороны, падать на землю, где вскакивают и тут же падают сраженные боевики.

Куцардис, не слыша от меня команды на ускорение, ведет машину на той же средней скорости, Челубей развернул пулемет и с диким ревом, нагнетая в себе ярость, продолжает сечь пулями ветки кустарника, пока вместо зарослей не образовалось зеленое поле с трупами, укрытыми ветками.

Боевики, почуяв беду — почему-то не получилось, как замыслили, — бросились врассыпную, кто-то выбежал из кустов, развернулся и начал стрелять в ответ, но теперь уже Ингрид, Левченко и даже Затопек быстро и метко стреляют в каждую замеченную цель.

Уже несколько из уцелевших выскочили из кустов, хоть и растерянные, но все равно быстрые и неустрашимые. Мы продолжали держать плотный огонь, они тоже успели открыть огонь, но их пули ушли мимо, отвага в наше время чаще приносит поражение: Левченко профессионально точно и хладнокровно бьет короткими прицельными очередями, Челубей орет и строчит из пулемета, пули продолжают сечь ветки и высекать искры, взметывая рои мелких камешков.

Левченко просто редкостный стрелок, стреляет быстро, ни одного лишнего движения, и каждая пуля находит цель, Ингрид бьет чаще, женщины вообще не экономят даже семейный бюджет, но все, кто

попадает на мушку ее автомата, падают, разбрасывая руки и роняя оружие.

Я стрелял одиночными, выбивая в первую очередь тех, кто уже вскинул оружие для стрельбы, хотя таких мало, остальные уцелевшие просто разбегаются, многие уже в крови, еще не понимая в шоке, что раны у них смертельные.

— Куцардис, — крикнул я. — Полный вперед!

За спиной все еще слышатся выстрелы, мой мозг холодно считал их и строил график вероятности попадания. Пусть и мала, но все равно моей ошибкой было допустить такое, когда можно было бы не допускать.

С другой стороны, когда спешешь, приходится идти на риск.

Челубей выпустил ручки пулемета и без сил опустился прямо на металлическое днище кузова.

— Весь диск выпустил, — сказал он сварливо. — А профессор каждый патрон считает, я заметил!

— Сволочи, — сказал Затопек. — Пара пуль все-таки попала в кузов. Куцардис там жив?

— Если автомобиль ведет не зомби, — ответил Левченко, — то да, пусть едет. Хоть и зомби.

— Бандиты, — сказала Ингрид с отвращением. — Робингуды проклятые!.. Подло, из засады...

Я промолчал было, из засады бьют на любой войне и в правительственных войсках, но ей начали поддакивать, я прислушался, и хотя я не так уж за справедливость, кому она нужна, но одновременно попирается также истина, я вздохнул и сказал медленно, но по-профессорски внушительно:

— Как бы вам это сказать помягче... на мой взгляд, в ИГИЛе честнейших и благороднейших людей больше, чем в России и Европе, вместе взятых. В России, Штатах и Европе заняты прежде все-

го тем, как купить новый крутой смартфон и вдуть жене соседа, а в ИГИЛ из той же России, Штатов и отовсюду из Европы едут те, кто разочаровался в западных ценностях, в самом деле обесценившихся, и честно хотят установить счастье и справедливость во всем мире.

Челубей пробормотал враждебно:

— Профессор, вы что-то не то говорите...

— Почему? — ответил я. — Это абсолютно верно. Другое дело, что когда за дело берутся чистосердечные романтики, заканчивается либо кровавым термидором Франции, либо режимом Пол Пота, либо даже событиями на Украине... Вы не читали планы декабристов, что те хотели осуществить в России под властью диктатора Трубецкого, если бы удалось убить царя и захватить власть?.. Это была бы резня почище, чем во Франции, а нескончаемые войны по завоеванию мира гремели бы на всех направлениях!

Левченко сказал сдержанно:

— Я читал.

— Потому, — сказал я, — в военном отношении ИГИЛ сам по себе обречен. Но соединенная мощь Запада в состоянии уничтожить только людей и коммуникации, но не идею справедливости.

Некоторое время они молчали, наконец Челубей крикнул и сказал с неохотой:

— Во всяком случае, Запад потерял привлекательность в качестве честного и благородного рыцаря. Деньги там выше любой справедливости.

Ингрид сказала с обидой:

— И что... ИГИЛ справедливее?

— Выглядит справедливее, — уточнил я. — Но, добиваясь такой справедливости, пришлось бы

уничтожить даже не половину населения всей планеты, а почти всех... Внимание! Слева!

Ингрид вскинула автомат раньше всех, впереди из-за камней приподнялся боевик с автоматом на изготовку.

Левченко крикнул:

— Всем лечь!

Ингрид резко пригнулась, Левченко выстрелил, едва не сорвал с ее головы темный платок. Человек с автоматом дернулся и упал спиной на каменную стену.

— Не понимаю, — проговорил Челубей в недоумении, — зачем привстал? Мог бы лежать... Ах да, романтик! Человек должен жить и умереть красиво.

— И уйти к гуриям, — напомнил Левченко. — Это Затопек все еще не решил насчет семидесяти двух, он у нас серьезный и расчетливый, а эти романтики еще не соображают, что занадто, то не бардзо...

Я поглядывал то на экран планшета, то вперед, сказал наконец:

— Ингрид, еще один... на этот раз справа. Вон за тем деревом впереди...

Часть III

Глава 1

Она развернулась и моментально выстрелила с такой скоростью, что, возможно, может потягаться даже со мной. Боевик как раз высунулся для стрельбы, пули прострочили его от лба и до живота.

Автомобиль пронесся вроде бы еще быстрее, Куцардис струхнул от неожиданности, крикнул всполошенно:

— Еще будут?

— Не скоро, — заверил я. — Пока никого не видно.

Левченко вдруг сказал с тоской:

— Какое солнце, какое солнце... У нас солнечные дни можно пересчитать по пальцам, а тут всегда чистейшее небо!.. Челубей бредит домиком на берегу теплого моря, я бы здесь все заставил солнечными панелями... И пусть нефть остается в недрах, кому она нужна, когда солнечную энергию можно получать напрямую!

Челубей хмыкнул.

— Не только в Нижневартовске, но и в моем Петрограде не часто солнышко видишь. А так бы да,

сразу чистое электричество без всяких посредников вроде угля и нефти... Сейчас солнечные батареи уже обгоняют нефть и газ. Но пока, правда, в таких вот жарких и солнечных странах... Что скажете, профессор?

— Без огромных капиталовложений, — ответил я, — абсолютно убыточных, но рассчитанных на перспективу, не было бы нынешнего бума. Несколько лет правительство вкладывало миллиарды, но КПД повышался медленно и оставался убыточным, но наконец-то порог рентабельности достигнут, и... какой бум во всем мире!

Левченко пробормотал:

— Это трезвый расчет, основанный на традиции Эдисона. Когда он изобрел лампочку, то начал продавать ее за доллар, хотя обходилась в пять долларов. За год продал несколько сотен штук и потерял пару тысяч долларов. За второй год продал уже тысячу штук, но за это время сократил себестоимость до трех долларов. В третьем году себестоимость уже была доллар и десять центов, но продал пять тысяч штук и едва не разорился. Но на четвертый год себестоимость упала до девяноста центов, и хотя прибыль крохотная, но он продал миллион лампочек и вернул все понесенные раньше убытки плюс получил немалую прибыль.

Челубей кивнул, добавил:

— А дальше себестоимость упала вообще до двадцати центов, помню, проходили в школе. Сейчас то же самое делают государство и частные корпорации, вкладывая огромные деньги в будущие инновации. Казалось бы, такое не может быть тайным. Профессор, почему так несправедливо?

Я двинул плечами.

— Ингрид, заткни уши. У меня смутное... и какое-то странное впечатление, что эту несправедливость европейские страны молча хотят исправить. Штаты тоже Европа, если кто не знал. Представьте себе, вот эти дикари с автоматами перебьют друг друга, а мы придем на эти земли и уже по праву поселимся там, где захотим. Думаете, норвеги или шведы не хотят со своего мерзлого берега переселиться сюда, где вообще не бывает зимы?

Левченко посмотрел на меня осторожненько.

— Что... и такие планы могут быть?

— А почему нет? — ответил я. — Мир вступил в эру быстрых и резких перемен. Весь этот арабо-африканский регион виновен в терроризме, потрясении основ мирового порядка... Сперва вот так перессорить друг с другом, чтоб уменьшить население, а потом добить остальных. И теплые моря принадлежат Европе.

Куцардис откликнулся от руля:

— А что, я за!.. Несправедливо, что я вынужден жить в зоне вечной мерзлоты, лета не вижу, а тут дикари всю жизнь у теплого моря... Я хочу, чтобы здесь была Европа с европейскими законами!

Он оглянулся на меня, я кивнул.

— Многие хотят, но помалкивают. Однако сейчас мир опасно катится к.. откровенности. Ладно, сейчас не до этой глобальности. Нам нужно попытаться догнать курьера...

Левченко вздохнул.

— Да. Догнать и отнять везомое.

— А курьера? — спросил Челубей.

— Курьера, — протянул Левченко, — это к профессору. Говоря ученым языком, предполагаю, что курьера ждет летальный конец.

Челубей хмыкнул.

— Летальный конец... В детстве, когда услышал этот термин, чего только не навоображал.

— Правда? — изумился Левченко. — Чего вдруг?

— Потому что слово «летальный», — объяснил Челубей, — связывал только с полетом... На тот момент я хотел стать летчиком.

— Да, — сказал Левченко со вздохом, — где наша молодость, романтика... Да и слово «конец» имело другой смысл...

Они посмеялись, Ингрид заподозрила что-то неладное, оглянувшись, сказала раздраженно:

— Типа отдать концы?.. Так это морское.

— Да, — согласился Челубей лицемерно, — именно морское. А еще склеить ласты.

Она возразила:

— Это уже из зоологии!

— Из зоологии, — возразил Челубей, — будет «откинуть копыта». А «склеить ласты»... это из морской зоологии.

— Военно-морской, — уточнил Левченко.

Ингрид посмотрела непонимающе на ухмыляющихся мужчин, а Куцардис откровенно ржет, с самым оскорбленным видом отвернулась.

Я подумал, что любому человеку достаточно ощутить превосходство над другим, чтобы сразу начинать относиться свысока. Это отношение помещиков к черни, генералов к солдатам как пушечному мясу, любой знати к простым людям как быдлу...

В нашей среде точно такая же иерархия, где доктор посматривает свысока на кандидата, а тот на студента. Даже студент снисходительно посматривает на тех, кому не повезло поступить в его ВУЗ, кто остается без высшего...

Превосходство над недочеловеками необязательно выражается в желании перебить, как в свое время решил Гитлер с его дружной командой энтузиастов. Христианские миссионеры, напротив, стремились помочь пастве подняться до их уровня, но, по мне, так и это достаточно оскорбительно, когда кто-то, надев рясу, именует себя гордо пастухом, а меня овцой в стаде.

Во всяком случае, ощущение превосходства сразу отделяет от людей попроще, сперва низводя их до людей второго сорта, а потом и вовсе до существ, убийство которых не считается убийством.

Да и все мы понимаем, что убийство профессора — это большая потеря, убийство десятка грузчиков — потеря небольшая, а вот если перебить всех нищих, бомжей и рецидивистов в тюрьмах, то здесь даже правозащитники молча согласны, хотя вслух тут же радостно закричат о кровавом режиме Кремля.

Я как ни старался ощутить жалость или хотя бы душевное волнение, когда убивал людей, как сказала бы Ингрид, живых людей, но все равно чувствовал лишь некое холодное равнодушие.

Слишком уж отстают в развитии от меня. А что будет, когда я и мне подобные усилятся еще больше имплантатами в мозг, в тело? Как будем смотреть на этих примитивных существ, что лепечут о духовности, сами не понимая, что это, и не умея объяснить в понятных терминах?

Я покосился на Ингрид. Понятно, осуждает, но женщины — хранительницы как очага, так и всех устоев, хотя их и стараются расшатать, и еще как расшатать.

У многих расшатаны, но в целом женщины намного консервативнее мужчин как в злоупотреблениях, так и в дурных привычках и плохо мотивированных скачках в стороны хоть в нравственности, хоть в идеологии.

Они всегда идут сзади в плане прогресса, чтобы, если что-то пойдет не так, успеть вовремя затормозить. А что мужчины погибнут, не жалко, для того и появляются на свет, чтобы разведывать дорогу. Те немногие, что нашли ее, сумеют обрюхатить всех оставшихся в тылу женщин, что правильно и верно просчитано эволюцией.

Куцардис радостно завопил, впереди косогор, грузовик с натужным ревом попер вверх, в какой-то момент даже показалось, что не одолеет крутизну, но с облегченным сапом выбрался на ровное и, как подстегнутый, понесся к протянувшейся в сотне метров ровной и широкой укатанной дороге.

— Все, — крикнул он ликующе, — миль через сорок будем в Эль-Кефе! А то и раньше.

— Это столько же, — буркнул Челубей, — сколько от Туниса до границы с Италией.

— Мы не попрём по морю, — заверил Куцардис. — Дорога... нам бы такую в Нижневартовск!

Ингрид ревниво нахмурилась, любые сравнения арабских или африканских стран считает оскорбительным, здесь не бывает зимы, постоянных переходов через ноль, а Россия как раз в этом чемпион, да и нельзя сравнивать дороги мельчай-

шего Туниса с протяженной Россией, где на одной Тюменской области разместится вся Западная Европа...

Я чувствовал, что тело ноет от усталости так, словно по мне проехал трактор, а потом развернулся и проехал еще разок. Мелькнула тоскливая мысль: я же интеллектual, зачем мне все это надо, пусть этим занимаются те, кого для этого тренировали!

У меня же возможности намного выше, чем не только у среднего человека, но и весьма продвинутого. Остался пустяк: определиться, как использовать дальше.

Можно, конечно, нахапать всего, начиная от дорогих автомобилей, дворца с прислугой и гостевым домиком, солидного счета в банке... потом вообще купить островок в океане и построить там замок... но это мечта человека простого, не обремененного интеллектом, а на хрен это мне?

Можно увеличить капитал настолько, что запросто смогу покупать заводы и фабрики, сам буду создавать НИИ, где смогу заниматься проблемой антистарения и даже бессмертия...

Но и это зачем, если Мацанюк этим уже занимается, а если он занимается, то вряд ли у кого-то получится лучше. Разве что в таинственной мегакорпорации, которая, по слухам, принадлежит Алисе Чумаченко, но там настолько много непонятного, вплоть до того, что эти две гигантские корпорации не так уж и воюют друг с другом...

Ингрид придвинулась и села рядом, усталая, но полная сочувствия к обессилевшему боссу.

— Профессоры все старики, — сказала она подбадривающе, — несмотря на возраст.

— Ну спасибо, — простонал я. — Утешила чисто по-женски.

— Ты окреп, — сказала она, — но пока что с этими ребятами не тягаться. На короткой дистанции даже обходишь, мы все видим, но на марафоне сдохнешь.

— Вот тебе радость!

Она насторожилась, сказала тревожно:

— Майор... это что впереди?

Глава 2

Дорога уходит вниз, извивается, а там далеко-далеко видны две пятнисто-зеленые машины на обочине. Полотно дороги перегорожено полосатым шлагбаумом на козлах.

Ингрид сказала встревоженно:

— Какого черта... Они здесь не должны...

— Что там? — спросил я. — Граница?... До Ливии далековато...

Левченко проговорил:

— Временный контрольно-пропускной. Неужели у нашего противника руки настолько длинные...

— Длинные, — подтвердил я, — а насколько крепкие, проверим. Куцардис, подвинься. Что-то за шоферку подержаться восхотелось...

— Пустить за руль? — переспросил он. — Но я...

— Хочу проверить, — ответил я, — могу ли управлять таким крупным автомобилем... Ингрид, садись тоже вперед, покатаю.

Он скривился, но когда я перебрался через металлические щиты к нему, послушно уступил место,

а сам перелез в кузов. Ингрид уселась рядышком со мной. Я послал автомобиль вперед, рассчитав точно, когда наберет предельную скорость, это чтобы не насторожить тех армейцев заранее, и в то же время успеть проскочить в то время, когда спохватятся и откроют стрельбу.

А может, и не откроют.

Надеюсь, им хорошо видно, что в машине только молодая женщина и мужчина за рулем. Ингрид заулыбалась во весь рот и помахала им издали обеими руками

Двое боевиков в арафатках вышли вперед, один сделал повелительный жест, приказывая остановиться.

Я врубил предельную скорость, переключив на управление навигатором, ухватил автомат и дал прицельную очередь. Ингрид почти одновременно вскинула автомат и выпустила длиннейшую очередь.

— Гранаты, — велел я.

Куцардис, Челубей и даже Ингрид быстро-быстро швырнули их во все стороны, а Затопек выдерживал чеки и просто ронял за борт.

Шлагбаум от удара разлетелся в щепки. Гранаты я нащупал не глядя, быстро выдернул чеки, блин, как туго сидят, с силой швырнул одну направо, другую налево.

Пули засвистали над головой, но тут же позади громыхнул мощный взрыв, еще два позади и справа, на полсекунды позже еще один слева.

В воздух взлетели черные на фоне страшных желто-багровых облаков огня обломки автомобилей. Нас догнали две волны горячего и тугого воздуха с запахом горящего бензина.

Ингрид, развернувшись, стреляла в быстро удаляющийся КПП, рядом бил нескончаемой очередью из пулемета Челубей. Среди горящего ада только распростерты на земле тела, почти не отличимые от нее в желто-зеленой форме, а впереди дорога делает поворот, уходит за косогор, и я перестал поглядывать в зеркало заднего вида.

Страшные желто-красные шары огня взметнулись к небу зло и победно, это я еще успел увидеть в зеркало, а дальше слились в одно черное месиво из гари и копоти.

Когда нас и пожарище разделило с полмили, я крикнул:

— Куцардис!.. Я для тебя тут место нагрел.

Он сказал сварливо:

— Да? А у меня и там жопа погрела... Иду-иду!

Я на ходу передал ему руль, перебрался в кузов. Левченко пробормотал встревоженно:

— Это становится все чудесатее. Профессор?

— Тоже не в восторге, — ответил я.

— Могли бы и оставить нас в покое, — заметил он. — Или у них у самих не все ладно.

— Значит, — сказал я, — опасаются, что можем догнать. Хотя все может быть и намного проще и банальнее...

— Профессор?

— Просто банды, — объяснил я, — что не терпят чужаков на своей территории.

— Но могли бы просто надавить, — сказал он, — чтобы заплатили.

— Это не Европа, — напомнил я. — И не Штаты. Здесь людей много, а размножаются вообще с дикой скоростью. Так что жизнь стоит дешево. А то и вовсе ничего не стоит.

Женщины более чуткие к опасности, Ингрид то и дело бросала взгляд на пыльный след, что остается за нашим грузовиком, первая вскрикнула:

— Погоня!

Я пробормотал:

— Кто-то новый?

Она сказала быстро:

— Похоже, один из грузовиков уцелел... Или прибыл третий с боевиками. Но нас точно преследуют!

Я процедил сквозь зубы:

— Значит, у них резерва больше, чем я думал. Надо разделиться.

— Зачем?

— Вы прорывайтесь в город, — велел я, — а я останусь здесь и посмотрю... посмотрю на их действия. Куцардис!

Куцардис ответил с неохотой:

— Слушаюсь!

Он затормозил, я прыгнул за борт, Куцардис тут же дал газ, грузовик рванулся вперед, в последний момент на землю соскочила Ингрид с винтовкой в руках.

— А ты чего? — крикнул я.

— А кому там нос вытирать, — ответила она независимо, — там все крутые...

— Вот уж повезло, — огрызнулся я. — Не отставай, Фатима!

Я ринулся под защиту деревьев, а когда отбежали метров на пятьсот, вдогонку прогремели выстрелы. Какие же все-таки дураки, таких не только в сингулярность, даже в двадцатый век брать не стоило, ясно же, что из автоматов, что бьют на двести-триста метров, не попадут, но так по-детски нравится стре-

лять и стрелять, добавляя себе уверенности и куража.

Кусты высокие, в полтора роста, но все равно не защита от автоматной очереди, если прятаться здесь, а когда на человека тратят по семьдесят тысяч пуль, то вообще укрываться лучше всего только за бетонными и хорошо армированными стенами.

Наконец навстречу побежали деревья, не такие высокие и стройные, как у нас на севере, но толстые и раскоряченные, и растут достаточно близко одно к другому, можно перебегать, отступая, прячась за стволы.

Ингрид сказала рассерженно:

— И куда ты меня тащишь?

— Куда, — ответил я, — видишь сама. А зачем, догадайся.

— Зачем?

— Зачем женщину тащат в лес? — ответил я. — Наивная... Траву будешь рвать для моих кроликов.

— Каких кроликов? — вскрикнула она. — У тебя мыши!

— Да, — согласился я, — мыши траву не едят. Но все равно не отставай. Я позже придумаю, как тебя употребить.

Она догнала, побежала рядом, не отставая, и только когда деревья прорывались между нами, оказывалась сзади.

— Не понимаю, — сказала она, — что у них не так?.. С такими силами могли бы зажать нас в кольцо и уничтожить...

— Еще что, — огрызнулся я бодро. — А кто моих мышек будет кормить?.. На Геращенко я не очень надеюсь, он рассеянный, как все гении. Правда, я вот целеустремленный и собранный, в любом правиле бывают исключения...

Она прервала:

— Это значит, у них либо мобильных нет, либо радиомолчание! Выходит, решение было принято не на самом высоком уровне, и даже не на стратегическом. Какой-то олигарх устроил запрещенную лабораторию и контролирует эту территорию своими частными армиями?

— Насчет армий ты загнула, — сказал я, — это просто сброд с оружием. Подкармливает их иногда, а они так же иногда выполняют поручения. А иногда не выполняют. Восток — дело тонкое, Фатимуха.

— Если нет скоординированности, — определила она, — значит, у нас хорошие шансы.

— Логично, — одобрил я. — А говоришь, что дура... Совсем не дура.

Она посмотрела рассерженно.

— Когда я такое говорила? Что ты брешь, как попова собака?.. Сейчас куда нацелился?

— Чутье, — пробормотал я, не объяснять же, что уже сканирую через спутники поверхность в ультрафиолете, а сейчас уже и в инфракрасном. — И что-то смутно чувствуется... даже ощущается...

Она буркнула:

— Тебя бы на смену бабке Ванге. Повангуй, повангуй.

— Возьмем левее, — сказал я. — Ух ты, смотри, какие боровики!.. Эх, лукошка нет...

— Что, — спросила она неверяще, — любишь собирать грибы?

— Терпеть не могу, — признался я, — но показал бы людям, а те решили бы, что я такой же дурак, как и они. Грибы собираю, рыбу ловлю, закатами люблю, чемпионат мира по футболу жду...

Она проворчала:

— По-твоему, все дураки?

— Нет, — ответил я, — все люди уже достигли венца творения!.. Они такие мудрые, что дальше и переть некуда, только футбол смотреть... Осторожнее, коряга!

Я успел подхватить ее под локоть, она тут же оскорбленно освободилась, но посмотрела на меня несколько странно. Я подумал, что мои мышцы постепенно крепнут, да плюс у нервной ткани по всему телу, как мне кажется, увеличилась пропускная способность, как у московских улиц, когда у машин появились электронные консультанты, помощники и, наконец, водители.

— Стоп, — сказал я, — здесь и примем бой.

Она покачала головой.

— Нет. Их десятки. Легко окружают и уничтожат со спины.

— Мы же не панфиловцы, — возразил я. — Москва от нас далеко. Постреляем малость, уйдем. Пусть окружают пустое, как в Москве на митинге оппозиции, пространство. Тут хорошие и какие красивые кусты... Правда, живописно? Это финикийский можжевельник, а это земляничное дерево, его привезли из Индии еще в древности, но прижилось... Пока все прочешут, уйдем... Хотя от такой красоты уходить жалко, верно?

Она сказала с сарказмом:

— С чего это ты красоту стал замечать?

— И сейчас не замечаю, — признался я. — Просто тебе хочу понравиться. У тебя вон какие сиськи!

— Нет уж, — отрезала она решительно, — мне такие монстры никогда не понравятся. А насчет си-

сек спасибо, стал замечать. В первый день, помню, вообще у меня на спине искал!

— Это я как князь Андрей у Наташи Ростовой, — признался я. — Люблю классику. Особенно когда поручик в главных ролях.

Земля начала подниматься, мы взбежали наверх, далеко за нами раздалась пара далеких выстрелов.

Ингрид оглянулась.

— Нас заметили!

— Что бабушке и было надо, — сообщил я. — Сейчас вперед... теперь пригибаемся и... назад.

— Устроим засаду? — спросила она мстительно.

— Да, — ответил я, — только поближе к ним. Люблю дураков! Сразу видно, от кого род человеческий чистить. Нигде так не наглядно, как в воинском деле. В гражданском мире дураки маскируются под своеобразно мыслящих, под нестандартных, творческих личностей, под демократическое меньшинство, хотя дураков большинство везде, а здесь все так просто чудесно!

Она торопливо бежала вниз, прошипела на ходу:

— Ты чего?

— Просто умничаю, — объяснил я. — Вон за тем упавшим деревом заляжем...

— Не рано?

— Как раз, — ответил я. — Они просто бегут, без всякой осторожности, потому бегут быстро. Уверены, что удираем там далеко за гребнем... Люблю военных. Простые, как эти вот камни...

Ингрид бежит рядом, собранная и готовая в любой момент стрелять во все, что шевельнется, а по взмаху моей руки тут же рухнула за упавшим деревом и выставила перед собой ствол автомата.

Боевики вынырнули из-за деревьев через несколько секунд, какой я умница, рассчитал точно, даже Ингрид сердито засопела, признавая точность моих выкладок.

Бегут быстро, автоматы в руках, но пока стволами вниз, так бежать легче, полностью уверены, что мы далеко...

— Давай, — шепнул я.

Обе наши автоматические винтовки ударили очередями разом. Ингрид старается поразить всех, а я стрелял одиночными выстрелами, но всякий раз мой падает на бегу, а у нее все не так красиво.

Рассердившись, я крикнул:

— Да побереги же патроны!.. За тобой что, вагон везут?

Она повернула голову, на лице злость и удивление.

— Ты чего?

— Ты выпустила уже двести сорок две пули, — сказал я обвиняюще. — Никогда бы не женился на такой расточительной!.. У тебя осталось всего тридцать восемь патронов! Как жить будешь?

— У меня еще один рожок, — сказала она победно.

— При такой бережливости, — отрезал я, — хватит ненадолго. У нас экономика все падает, а ты шикуешь!.. Мировой кризис приближаешь!

Вместо ответа она выпустила последние патроны по спрятавшемуся за деревом боевику, быстро заменила пустой рожок на полный и в ожидании оглянулась на меня.

— Все, — сказал я. — Теперь вперед!

Она охнула:

— С ума сошел?

— Я кабинетный ученый, — отрезал я. — Ходить много не привык, не перипатетик. А там у них автомобилей.

— А у шофера автомат, — сказала она едко.

— И запасные рожки, — согласился я. — Смотри во все глаза!.. У тебя их сколько?.. А-а, а у паука восемь.

Глава 3

К выходу на дорогу бежали осторожно, я пытался взглянуть с высоты, но ни одного спутника, ни одного дрона, никого эта часть Туниса не интересует, но это и понятно, мало кто знает, что мы уже здесь...

Ингрид счастливо вскрикнула:

— Там наши!

На дороге догорает автомобиль героев, что бросились в погоню, тела сброшены на обочину, Куцардис и Затопек из кузова нашего грузовика зорко бдят с винтовками на изготовку, а Челубей и Левченко сбрасывают тела убитых в придорожные канавы по обе стороны.

Куцардис увидел первым — что значит снайпер, крикнул вниз. Левченко повернулся, счастливо заулыбался.

— Как хорошо... А то мы собирались идти разыскивать!

— Чего вдруг? — спросил я.

— За вами двоими погнались почти все, — сообщил Левченко с подчеркнутой обидой в голосе, — а здесь оставалось только трое из... сколько их было?.. Челубей так расстроился, что его снова не уважают, теперь до ночи спать не будет.

— А ночью не будет есть, — ответил я. — Ладно, едем. В чем-то эти ребята просчитались. Или не так поняли приказ...

Челубей кивнул, посмотрел на Ингрид.

— Как прошло?

— Спроси у профессора, — огрызнулась она.

Он ухмыльнулся.

— Нашкодила и не закопала?

— Иди ты...

Мы поднялись в кузов, Ингрид заботливо устроила Затопека в углу поближе к кабине, сделала вид, что собирается утереть ему нос, тот злобно пнул ногой.

Куцардис осторожно развернул тяжелый грузовик и погнал, медленно наращивая скорость.

Над нами наконец-то проходит российский спутник, в последние годы Россия делает мучительный рывок в технологиях, это заметно и по качеству картинок, передаваемых спутником. Четкие и детализированные, вдсятеро более качественные, чем американские, но пока что у России таких десятков, а у Штатов три сотни.

— Что-то вроде погони, — пробормотал я. — Или у страха глаза велики...

— Снова? — спросил Куцардис. — Попробую и я на ходу...

Через несколько минут из пыльного облака вынырнул «хамми» песочного цвета, что значит из самой Сахары, где ни клочка зелени, в кузове только один человек, а по сторонам, где нет дороги, еще два пыльных следа за скачущими всадниками.

Левченко покосился на них с иронией, в голосе прозвучала то ли насмешка, то ли зависть:

— На джипе и два всадника... Как во времена древних египтян... Живут же люди...

— Романтики, — согласился Челубей. — Люди живут в гармонии с природой. А у нас что? Без мобильного в туалет не пойдем. Профессор?

Я сказал нехотя:

— Оттони... Подпусти ближе и оттони.

Челубей пробормотал:

— Пыль, пыль, пыль из-под копыт... Африка!

Левченко сказал со вздохом:

— Недавно один из друзей побывал в Штатах, сбился с пути и заехал на территорию индейцев... Не успел оглянуться, а они уже с томагавками и ружьями за спиной скачут навстречу на лихих конях, догоняют сзади, с боков... Короче, быстро окружили со всех сторон. Он говорит, когда посмотрел на их жуткие разукрашенные морды, почувствовал, что никогда так страшно не было и никогда не попадал в такую безнадёжную ситуацию. А они все дико орут...

Ингрид спросила с придыханием:

— И... как разрешилось?

Левченко ответил безразлично:

— Пришлось купить у них два одеяла.

Челубей поднялся, перебрался к пулемету.

— Может, — сказал он с надеждой, — и эти везут сувениры? Отрезанные головы белых или что-то еще смешное... От топота копыт пыль по полю летит... С детства мечтал мчаться на лихом коне солнцу и ветру навстречу, расправив упрямую грудь... но умею ездить на всем, даже на танках и бэтэрах, истребитель водил, прыгал из стратосферы, дрался под водой... но на коне так и ни разу...

— Я тоже, — сказал Куцардис со вздохом. — И тоже мечтал... А вы, профессор?

Я удивился:

— Я что, похож на такого... романтичного? Нет, дурью даже в детстве не маялся. Напротив, всегда мечтал перемещаться с помощью телепортации. Никакой романтики, просто зашел в московской квартире в ванную, а вышел в нью-йоркской. Просто и обыденно.

Челубей уже развернул пулемет в обратную сторону, встал поудобнее, нарочито наступив на Затопека. Тот завизжал так отчаянно, что испуганный Куцардис дернулся вместе с рулем, и автомобиль едва не слетел с дороги.

Ингрид сказала с отвращением:

— Мальчишки... когда уже повзрослеете?

Челубей дал короткую очередь, всмотрелся, как легли пули, сместил едва заметно прицел, и на этот раз очередь прогрохотала чуть дольше, но только чуть.

Один из всадников красиво поник головой, и конь начал останавливаться. Джип завилял и резко встал посреди дороги, повернувшись боком и едва-едва не опрокинувшись.

Челубей оставил пулемет, на лице проступило горестное недоумение.

— Не понимаю, — сказал он, — просто не понимаю.

— Чего? — пикнул Затопек. — Говори, убийца.

— Что ими движет? — спросил Челубей. — Вот так гнаться за военным грузовиком, где установлен крупнокалиберный пулемет... Это же самоубийство.

— Ты забываешь о призе, — напомнил Левченко. — Вон Затопек до сих пор пальцы загибает, все

высчитывает насчет семидесяти двух! Надеется по-торговаться насчет семидесяти, а то больше не потянет...

Затопек сказал обидчиво:

— Чего это не потяну?.. Просто не хочу, чтобы такое мероприятие стало работой. Вон у нас в Европе даже супружеские обязанности отменили, потому что человек свободен, как птичка божья, что ходит по дорогам и говно клюет!

Я время от времени просматривал небо и не находил вблизи ни одного боевого дрона, хотя, если верить прессе, те постоянно патрулируют всю Африку и Аравийский полуостров, нанося по боевикам точечные удары, что не задевают гражданских. Ага, не задевают...

Ближайшие далековато, хотя парочку можно вообще-то на всякий случай подогнать ближе...

Я вздохнул. Идея хороша, но не прокатит. Пара таких случаев, и всю серию отзовут производители, начнут проверять и выискивать причину отказов. Нет уж, пусть патрулируют. Авось сгодятся пищу принести или бомбу сбросить, что тоже для дома, для семьи...

Из-под колес грузовика донесся протяжный гул, что тут же утих. Никто, как мне кажется, не заметил, это я стал таким, как дитя природы, вроде муравья, но ладно, здесь разрушительных землетрясений никогда не было...

Левченко, будучи командиром отряда, то и дело поднимался в кузове во весь рост и осматривал окрестности в бинокль. Остальные отдыхают, обмениваются впечатлениями, но сразу подтянулись и взяли за оружие, когда он сказал кратко:

— Плохо, что теперь мобильники даже у дикарей...

Ингрид по-женски быстро среагировала первой:

— Погоня?

— Что-то вроде, — проговорил он. — То ли просто с нами по пути, тоже едут в Эль-Кеф, до него несколько миль... то ли им сообщили...

— Это чья-то территория, — предположил Челубей. — Какого-то клана. Или бандформирования, что одно и то же. У них тут древние обычаи... Никому не позволим топтать свою священную землю!.. Только за деньги.

Затопек сказал печально:

— Заставят платить налог?

— Да, — сообщил Челубей и посмотрел на него оценивающе. — Кажется, уже знаю, что им предложить.

— Командир, — возопил Затопек жалобным голосом. — Он меня хочет отдать противнику!

Левченко, не отрываясь от бинокля, сказал строго:

— Каждый из нас должен быть готов пожертвовать собой ради счастья и хорошего обеда своих соратников!.. Мы, как говорит профессор, идем к правильному обществу, где всем будет рулить разум. Верно, профессор?

Я ответил нехотя:

— В Тунисе десять миллионов человек. Это семьдесят девятое и девяносто первое по территории, которое всего-то сто шестьдесят тысяч километров. Значит, населен достаточно плотно. Если учесть, что южная половина вообще не заселена, там пустыня Сахара, а учитывая разгул этой вольницы, банды могли бы встречаться и чаще...

— Люблю науку, — сказал Челубей с чувством. — Всегда что-нить приятное скажут. То чер-

ная дыра, то астероид вот-вот грохнется, то динозавры вымрут...

— Уже вымерли, — напомнил Левченко.

— Уже? — ахнул Челубей. — Я же говорю, простой народ в моем лице прав, наука — зло. Мировое, как и капитализм. А она на чьей стороне, профессор, когда начнется третья мировая война?

— Третья мировая война уже идет, — сообщил я буднично. — Намного беспощаднее, чем обе предыдущие. Но бьются не страны друг с другом, а новые люди со старыми, людьми старого мышления. Где-то драки идут на уровне спора, а где-то с выстрелами в упор... Мы тоже участники этой войны.

Челубей пробормотал:

— Видя вас в деле, профессор, я бы сказал, что вы специалист по выживанию в диких местах планеты. Может быть, выживете и на Марсе.

Ингрид буркнула:

— Хуже. Он сам чудовище и специалист по превращению людей в чудовищ.

— Правда? — спросил Челубей радостно. — А можно меня в чудовище?... А то уже противно быть постоянно таким нарядным и замечательным. Побуду, как и профессор...

— Профессор, — пояснила Ингрид, — собирается сделать всех людей бессмертными. Говорит, лет через тридцать можно уже начинать... Хотя и сам не знает, что из этого получится.

Они заинтересованно повернули головы ко мне, даже Куцардис настобурчил уши, а я ответил с неохотой:

— Почему это не знаю? Знаю.

— Что?

— Первым получит кто-то из ученых, — пояснил я. — В порядке проверки правильности выкладок. Сложность в том, кто получит бессмертие вторым. Понятно, что им окажется кто-то из самых богатых и влиятельных людей в мире. Необязательно штатовский президент, он еще не дряхлый старик, но обязательно кто-то из миллиардеров.

Левченко сказал осторожно:

— Бессмертие... просто бессмертие?

Я улыбнулся.

— Хороший вопрос. Я имею в виду, бессмертие... с возможностями. Чем ближе будем подходить по времени к эпохе бессмертия, тем больше у нас будет возможностей апгрейда. Уже полубессмертные, так сказать, будут обладать возможностями, что резко выделяют их среди просто людей. А это обострит... Представляете? На одной территории, даже в одном городе, будут сверхлюди, люди и недолюди...

Челубей поежился.

— Знаете, профессор, мне с вами ехать еще страшнее, чем было драться одному в ночном Бейруте против сотни боевиков, когда меня бросили свои...

— Добро пожаловать в будущее, — сказал я злобно. — То ли еще будет! Потому и любим мир фэнтези, хоть в кино, хоть в книгах. Чтоб Средневековье, магия, рыцари, принцессы... а мы там, естественно, всемогущие и с автоматами.

Картинка в мозгу проступила тревожащая, я поднялся на ноги и, придерживаясь за борт, всматривался вперед. Разум разумом, но сердце сжалось, когда впереди на дороге увидел целую грудку огромных валунов, скатившихся с горы.

Третью страны занимают отроги гор Атлас. Мы были в саванной части, там степи и леса, а здесь две трети дорог то и дело идут через горы то над пропастью, то над обрывом, то вообще над бездной...

И сейчас легкий подземный толчок сорвал со склона стареющей горы около сотни тонн... нет, тут сот пять, и все такие, что даже танк тут же остановится.

Челубей вскрикнул в отчаянии:

— Вот так всегда! Не зря дедушка говорил, ишак надежнее грузовика!

Я быстро оценил массу рухнувших на дорогу глыб — нужен мешок взрывчатки, которой у нас нет, как нет и времени, чтобы с нею возиться.

Ингрид крикнула:

— Бросаем машину?

— Приходится, — ответил я с досадой. — Но город вон уже видно...

— Уходим, — спросила она быстро, — или займем оборону с той стороны?

— Видишь, — сказал я Куцардису, — женщина тоже почти человек. Понимает, хотя обычно не то, не так и не тогда...

Он слабо улыбнулся, туповатые мужские шуточки лучше всего поддерживают наш дух, схватил из машины снайперскую, автомат и выпрыгнул, а из кузова торопливо выскакивали следом Челубей с пулеметом, Левченко с двумя автоматами и polegавшей сумкой гранат, Ингрид протянула руку Затопеку, но тот выпрыгнул достаточно бодро, лишь самую малость изменился в лице.

— Все на ту сторону, — велел я. — Оборону держать глупо. Грузовик все равно не переберется, к тому же его взорвут в первую очередь!.. побыстрее!

Когда перебирались через завал, я посмотрел через объективы спутника на шесть наших крохотных фигурок и два грузовика, что несутся по дороге следом за нами, крикнул громко:

— Всем затаиться!.. Не двигаться!

Ингрид, слыша повелительный голос, тут же вжалась в щель, Куцардис и другие пригнулись за камнями, а через пару мгновений из-за поворота извилистой дороги вынырнул первый грузовик, а ним второй.

Он еще не начал сбавлять скорость, а в кузове уже поднялся боевик с лаунчером, пристроил трубу на плече. Стрелок, судя по всему, уникальный, моментально поймал цель в захват и нажал на скобу.

Мы видели, как ракета вырвалась из трубы и понеслась в нашу сторону, оставляя огненный след.

Я даже услышал удар в кабину автомобиля, затем одновременно рванул боезаряд и бензобаки автомобиля. Огненное облако взвилось, казалось, до неба и закрыло мир.

— Хватит любоваться! — рявкнул я. — У вас три секунды, пока огонь закрывает нас!.. Быстро на ту сторону и уходим, уходим!

Они перевалили через гребень, я спускался сзади, Левченко сказал тревожно:

— До города примерно миль пять!..

— Ничего, — заверил я. — Сейчас вылезут и пойдут смотреть, что от нас осталось. Когда поймут, что мы перебрались на эту сторону, вернутся к машинам.

— А потом?

Я не успел ответить, Ингрид сказала быстро:

— Это же очевидно. Возьмут все необходимое, как говорит профессор, для жизни в этом мире и бросятся в погоню.

Он посмотрел с сомнением на женщину, во мне почему-то не сомневается, как же, я самец, это объясняет, сказал с сомнением:

— Думаете, не догонят?

— Обязательно догонят, — заверил я. — Надо жить интересно и красиво! Чтобы туда ехали — за нами гнались, обратно едем — за нами погоня... Мы же романтики, мать вашу.

Ингрид нервно дернулась.

— Господин профессор, выражайтесь приличнее.

— Я не вижу здесь дам, — возразил я.

— Приличные люди, — пояснила она с достоинством, — и в присутствии ишака не станут говорить дурные слова!

Я кивнул Челубею в ее сторону.

— Слышишь, как она тебя обозвала?

Он сделал вид, что надулся и теперь на всю жизнь с нею в клановой ссоре, смотрел на нее волком, а она, не совсем понимая изысканный мужской юмор, смотрела то на него волчицей, то на меня, но оправдываться и объясняться посчитала ниже своего капитанского достоинства.

Когда они сбежали вниз, я, оставшись наверху с винтовкой в руках, велел строго:

— Уходите, я пока побуду здесь... Мне кажется, через этот завал заморятся карабкаться.

Она сказала нервно:

— Ну да, мы же не заморились!

Левченко посмотрел на меня внимательно.

— А они заморятся. Профессор, может, вам снайперскую?

— На такой дистанции? — спросил я. — Ах, шутишь.

Ингрид возразила:

— Тогда и мы останемся!

Я сказал жестко:

— Это приказ. Уходите. Челубей, если женщина будет противиться, убей за нарушение берберского образа жизни, семейных ценностей и попытку предательски перейти к туарегскому стилю.

И, прекратив разговор, я не стал слушать, что она вопит, залег там же, на этой стороне гребня. Когда оглянулся, Ингрид уже тащила за собой спотыкающегося Затопека, а их сзади прикрывает Куцардис.

На той стороне догорает наш грузовик, послуживший недолго, но верно, из обоих автомобилей преследователей высыпали красочно одетые боевики, что-то все-таки в этом разбойничестве есть, и не что-то, а все то, что так нравится молодым и не обремененным интеллектом: лихость, свобода, возможность ломать и крушить, сладостная власть над безоружными, когда мог бы убить, но благородно только изнасиловал и отпустил... а мужу можно сказать, что и насилия не было, благородный разбойник попался.

Глава 4

Боевики собрались вокруг командира, тот энергично жестикулирует, указывает то в сторону, то на каменный завал. Наконец прозвучала команда, боевики нестройной толпой ринулись вперед.

Я поморщился, сброд, даже рассредоточиться не догадываются, одной очередью можно скосить по-

ловину, но сперва поймал в крестик прицела вожака, а то потом выискивай, когда затаится...

Тот перестал размахивать руками и только смотрел в спину бегущим на каменную преграду, момент удобный, я спустил курок.

Выстрел грянул негромко, это М-16, а не снайперская с усиленными патронами. Мне важнее не убойная мощь, а скорострельность, поспешно поймал в прицел следующего, нажал на спуск.

Тело вожака еще не перестало дергаться у колес их автомобиля, а я успел сразить еще четверых и продолжал быстро-быстро всаживать пули в отважных, что уже начали стрелять в моем направлении, но пока вслепую.

Сейчас даже необязательно бить в лоб, будто дураков в церкви, это потерянные секунды, боевики о бронежилетах не имеют понятия, а даже раненый уже не боец, напротив, серьезная помеха, потому что тот, кто должен воевать, бросается выносить раненого из-под обстрела.

Когда вот так взвинчен, что бросило в жар, стреляю с той скоростью, что самого поражает, словно бью из автомата, хотя это одиночные, где каждая пуля бьет в цель, и когда после каждого выстрела кто-то с воплем и красиво раскинутыми руками, словно птица в полете, падает лицом в камни.

Двое пытались брать командование на себя, я вычленил их моментально, уложил. Остальные попрятались между камнями, но сверху видно все, целиком затаиться не удастся, что-то да торчит, я стрелял и стрелял, заменил пустой рожок на полный, сделал два выстрела, и тут их нервы не выдержали, начали подхватываться и с криками бежать обратно к автомобилям.

Я хладнокровно всаживал пули в спины, это не люди, а просто мишени, хотя, если честно, в людей тоже стреляю достаточно спокойно, как уже замечал не раз.

Двое, нужно отдать им должное, несмотря на падающих рядом соратников, продолжали вытаскивать раненых, один помогал спускаться прыгающему на одной ноге, а второй героически взвалил раненого на плечи и медленно начал пробираться между камнями.

Я их не трогал, но вовсе не из-за восхищения их доблестью и любовью к ближнему, а нормальный расчет, даже когда вытасят из-под огня, о раненых нужно заботиться, везти в больницу...

Если уж, рискуя жизнями, сумеют спасти и погрузить в автомобили, то не для того же, чтобы там исполнить просьбу «добей...»

Оба отважных еще по разу вернулись и вынесли еще двух раненых. Я на всякий случай выстрелил в воздух, давая знать, что не ушел и наблюдаю, но к раненым Аллах велит проявлять милосердие, а к вытаскивающим их с поля боя — уважение, что и делаю.

Как только оба автомобиля взревели и начали разворачиваться, я медленно отполз, а дальше поднялся и сбежал вниз на дорогу.

Четверо раненых, а эти двое героев каждый за рулем, вполне достаточно, чтобы поспешно довести их до места, где окажут помощь. Вряд ли это будет королевский госпиталь, но все же, все же...

Забросив винтовку за спину, я заспешил к городу, с каждым шагом ближе высоченные стены древней крепости, сверкающие под солнцем,

словно сложенные из светло-коричневого сахара, широкие у основания квадратные башни, уже вижу редкие окна, не похожие на европейские бойницы, а под стенами раскинулся яркий и шумный восточный базар, ярко праздничный, карнавальный, где не столько торгуют, сколько проводят время с крохотными чашечками черного как смоль кофе...

Из кофейни вышел и сразу направился в мою сторону высокий и широкий в плечах красавец араб, сказал весело:

— Приветствую, дорогой друг, на благословенной Аллахом земле!.. Как отдохнул?

— И другим дал отдохнуть, — ответил я. — Где остальные?

— Я им нашел укромное местечко, — ответил он. — Никто не говорит на местном наречии, как вот шпарите вы, профессор. Даже я не говорю, потому для всех прибыл прямо из Эль-Риада.

— Веди, — велел я. — А то вдруг кто начнет беспокоиться.

Он хмыкнул.

— Да знаем мы, кто уже начал... да и не переставал.

Я посмотрел на него строго.

— Это кто же?

— Кому было поручено, — ответил он бодро, не моргнув глазом. — Она же у вас телохранитель? Хотя в Управлении не знают еще, что это вы ее чаще телохранительствуете...

— А чего в город не вошли?

Он двинул плечами.

— Да так... Кто-то сказал, уж и не помню кто, что вдруг вам понадобится помощь, чтоб не на-

девать штаны снова и не возвращаться так далеко. Мы вообще-то все ленивы, в наших досье это написано?

— Зови, — велел я, — мы и так задержались.

Городок невелик, едва прошли базар, вот уже и центральная часть, самая древняя, Ингрид засмотрелась на двух типичнейших тунисцев, что идут навстречу, держа в поводу один крупного мула, похожего на лошадь, а второй мелкую лошадку, похожую на мула. Бородатые, несмотря на молодость, одеты почти все в джеббу, на плечах цветные платки, на головах кабусы, а то и вовсе фески, на ногах кожаные сандалии. Штаны из домотканого полотна, что-то вроде старинной мешковины, все-таки мешки давно из бумаги, пластика и вообще из чего угодно, но только не из ткани.

— Живут же люди, — сказал я с почтением. — Вот это культура!.. Настоящая, древняя, устойчивая ко всяким потрясениям и чужеземным веяниям. Три тысячи лет... да какие три, все пять тысяч лет, а то и больше, вот так эти люди идут по этим тропам и ведут навьюченных животных...

Левченко кивнул, а Ингрид буркнула:

— Пять тысяч?

— Пять тысяч лет, — подтвердил я. — Еще когда, как говорят наши заклятые друзья, русские не то сидели на деревьях, не то в пещерах, здесь уже существовала вот эта высокая культура... За это время русские вышли из пещер, завоевали шестую часть суши, запустили спутник и первого человека в космос, а здесь все так же идут по этим тропам и ведут этих животных... Эх, сюда бы перебросить тех наших, кто мечтает жить на природе вдали от угнетающей их цивилизации!

— Тунис будет переполнен, — сказала она. — А Россия обезлюдует.

— Зато станет чище, — заверил я. — Оставшихся вполне хватит для сингулярности. А наших алармистов сюда! Всех сюда, пусть приобщатся к древней культуре... и останутся в ней без права возврата в нашу европейскую дикость.

Я умолк, она тут же пихнула в бок локтем.

— О чем задумался?

— О проблемах бытия, — ответил я замедленно, — о культуре и духовности...

Левченко переглянулся с Челубеем, а Ингрид фыркнула.

— Только не начинай!.. За тобой сколько трупов осталось, забыл?

— Нет, — ответил я, — как раз когда смотрел на них, всякий раз думал о духовности, культуре и стремлении к прекрасному. Именно вот так, шагая по трупам, шли мы от палеолита к сингулярности! Да от какого палеолита, от первичного бульона... И потому сейчас, когда говорят, что нехорошо идти по трупам, у меня вопрос: что, хотите остановить прогресс?

Она спросила с презрением:

— Прогресса без трупов не бывает?

— Теоретически возможен, — сказал я со вкусом, — тема интересная, можно дискутировать, жаль, не с кем.

Она посмотрела косо.

— Да, конечно. Может, для хорошей дискуссии трупов маловато?

Челубей не выдержал, хохотнул. Ингрид посмотрела с подозрением, у мужчин какие-то иные понятия о юморе, хотя все юмористы — мужчины, а женщины все существа строгие и серьезные.

— Сворачиваем, — сказал я, — дальше прямо, потом за тем поворотом свернем направо. Через три квартала будет ультрасовременное здание в окружении старинных... Это отель имени Бургибы. Скорее всего, наш курьер там.

Левченко покосился в мою сторону, но смолчал, зато Ингрид тут же спросила:

— Эта единственный отель?

— Еще восемь, — ответил я и, предупреждая следующий вопрос, похоже, ехидный, пояснил: — Отсюда прямая дорога в морской порт и совсем рядом аэропорт.

— Ты хорошо знаешь город, — обронила она.

— Как-то был здесь, — сообщил я.

Она широко распахнула глаза.

— Ого!.. Никогда бы не подумала, что ты решишься осваивать здешние курорты. Хотя здесь, конечно, замечательно. Я не помешана на древних храмах, но вон тот римский колизей смотрится внушительно и трепетательно. А те колонны... их еще финикийцы, что изобрели письменность, возводили, да?

Я посмотрел на нее с той жалостью, что выводит ее из себя больше всего.

— Существо...

Она сразу же вздыбилась.

— Ну-ну?

— Откуда эта дикая идея, что я приезжал сюда на курорт?.. Ах да, а что ты еще могла подумать?..

Она сказала еще злее:

— Ну-ну, бей, если замахнулся.

— Есть такие вещи, — сообщил я ласково, — как научные конференции. Почему в Тунисе? А он

как раз посредине. С одной стороны едут из Европы, с другой — из Японии и другого мира...

Она надулась, сердитая и злая, отвернулась к Левченко и заговорила о более важных вещах, типа начальных скоростей пуль из «глока» и «Марк-двадцать три», а также насколько увеличен радиус разлета фрагментов осколочной гранаты в последних модификациях.

Отель расположен в старом здании, даже старинном, хотя, думаю, уже тогда его строили как отель, когда-то же перешли к ним от караван-сарая, добротный подъезд, две колонны у входа, полуколонны в холле, где ярко и празднично.

— Зайдем вдвоем с капитаном, — сказал я. — Вы ждите здесь. Если посыльный здесь не появлялся, поедем в другой отель... Ингрид?

— Готова, — ответила она.

Укрыв нижнюю часть лица хиджабом, она соскочила на землю, уже в абайе, настолько хорошо скрывающей фигуру, что помимо пистолета могла бы спрятать еще и пулемет.

Портье, блестящий негр, словно вырезанный из темного дерева и весь покрытый лаком, заулыбался навстречу, словно прошел школу в Штатах, а когда мы подошли ближе, заулыбался еще шире.

— Чем могу помочь?

— Приличный номер, — сказал я, — на двоих. Со всеми удобствами. Я бы сказал, лучший... но жена не позволяет мне выпендриваться.

Он ответил с широчайшей сверкающе белозубой улыбкой:

— Конечно!.. Всего один номер высшего класса... и он ваш!.. Как вас вписать?

— Мистер и миссис Смит, — сказал я. — Мы арабы американского происхождения.

— Да? — спросил он с интересом. — А похожи на американцев арабского происхождения. Надолго к нам?

— Как сложатся дела, — ответил я. — Вот задаток за трое суток. Нам еще осматривать все достопримечательности... Мистер... гм... эх, простите, я не знаю, каким именем один мой друг воспользуется на этот раз, чтобы ускользнуть от ревливой жены, она его преследует всюду... Ну вы меня понимаете...

Он насторожился, спросил натянутым голосом:

— Но этот мистер... как он выглядит?

— На два пальца ниже меня, — сообщил я, — одет в джиббу, но арафатка не красная, а синяя, а главное, левую бровь рассекает большой белый шрам. Сверху вниз. Кого-то может испугать, но вообще-то это красиво и мужественно.

Он заколебался, я положил перед ним на стойку стодолларовую купюру. Он кивнул, не отрывая взгляда от моего лица, бумажка моментально исчезла, а он ответил негромко:

— Это мистер Габана Дэйл из пятьдесят седьмого номера... Он ваш друг?

Я положил перед ним еще такую же купюру и добавил небрежно:

— Просто знакомый. Приятно встретить соотечественника в дальних краях. И вместо походить по красивым местам...

Он чуть расслабился, сказал с той же профессиональной доброжелательностью:

— Он час назад вышел из отеля, но сказал, что к вечеру вернется.

Ингрид вздохнула, я взглянул на нее ревливо.

— Что, он уже очаровал тебя?.. Ладно, тогда завтра походим вместе. А сегодня сами...

Он сказал почтительно:

— Позвольте, мальчик покажет вам номер?

Я взглянул на подбегавшего темнокожего парнишку.

— Пусть показывает, вдруг заблудемся...

Негритенок, здесь еще не начали называть таких афроафриканцами, подвел нас к двери лифта, хотя отель пятиэтажный, лестница широкая и престижная, как в Каннах на кинофестивале, но лифт олицетворяет престиж.

Внутри лифта тоже как в роскошной гостиной, даже диван и ослепительная люстра, а когда поднялись на третий этаж и вошли в номер, Ингрид охнула.

— Да тут роскошно!

Я дал царские чаевые негритенку, тот засиял и выскочил в коридор.

— Тунис не бедное государство, — заверил я. — Хоть и самая крохотная страна Магриба. Помимо нефти и газа, здесь много чего. По экспорту оливок и оливкового масла Тунис занимает четвертое место в мире, круто? Больше половины населения совсем недавно относилось к среднему классу...

— А к чему относится сейчас, — сказала она холодно, — вижу. Номер классный...

— Понял-понял, — сказал я. — Пойдем. Мы же туристы.

Глава 5

Она пошла на балкон, я двинулся нехотя следом. Соседнюю комнату я уже просмотрел внимательно, как и ванную, туалет и спальню, даже не заходя вов-

нутрь, но зашел, походил, хмурясь и двигая бровями, как бы глубоко и серьезно мысля. Простым людям нужны понятные доказательства мыслительной работы, а для этого нужно кряхтеть, посапывать и бормотать под нос нечто непонятное.

Ингрид права, эти люди все равно умрут, сингулярность им не светит, потому не все ли равно — помереть от старости или сейчас, все равно для них все исчезнет, ничего не остается, а между звезд в бессмертных телах из силовых полей будем носиться мы, сингуляры, существа, перед которыми люди по уровню будут ниже червяков...

Ингрид прокричала с балкона.

— Здесь пожарная лестница!

— Правда? — изумился я. — Мне казалось, они есть везде.

— Мы можем посмотреть номер, в котором остановился курьер

— Думаешь, он оставил колбу в номере? — спросил я саркастически.

Она встрепенулась.

— Надо проверить!

— Проверяй, — согласился я. — Встретимся внутри. Я зайду через дверь.

— А ключ?

— Я не родился доктором наук, — ответил я как можно более загадочным тоном.

— Свинья! Пойдем, откроешь при мне. И не выпендривайся!

В номере мистера Габаны ничего не тронут, останавливаться надолго здесь не собирается. Ингрид обыскала всюду, я тем временем подключился к камерам видеонаблюдения и рассмотрел этого Габану еще внимательнее.

Ингрид сказала с надеждой:

— Судя по тому, что его сразу не встретили где-то на улице, он еще не знает, кто и где ему назначит.

— Ему пришлось задержаться на всю ночь, — произнес я.

Она встрепелулась.

— Откуда знаешь?

Я указал на раскрытый планшет в руке.

— Люблю просматривать содержимое видеокамер...

— Извращенец!

— Ага, — согласился я. — Но теперь такого слова нет, как и, скажем, разврата. Теперь это называется свободный и либерально мыслящий человек, не связанный никакими условностями и старомодными догмами!.. Видишь, это вот прибыл... смотри на время... А вот... щас, еще чуть перемотну, вот поднимется по звонку... берет мобильник... слушает, а через пять минут выходит.

— Не торопится, — сказала она. — Значит, встреча не самая срочная.

Не отрываясь смотрела, как Габана взял рюкзак небольшого размера, небрежно забросил на плечо.

— Думаю, — сказала она, — вирус не совсем в стеклянной колбе.

— И даже не в фарфоровой, — сказал я.

— Что теперь...

— Выходим, — прервал я.

Последняя камера, что показала Габану, установлена на входе в отель. Видно, как вышел и сразу двинулся направо. Не думаю, что если бы надо было налево, стал бы запутывать следы там, где ничто не грозит.

Портье широко улыбнулся, по нам видно, что идем развлекаться. Несмотря на экономические трудности, развалины легендарной Медины все на том же месте, как и римские храмы и следы финикийцев, что за тысячу лет до новой эры выстроили сказочно прекрасный Карфаген и создали так называемую буквенную письменность, что легла в основу всей мировой...

Ингрид уже на улице тихохонько спросила:

— А если разминемся... и портье скажет ему, что его спрашивали люди европейской наружности...

Я поморщился.

— Здесь нет кавказской национальности, потому говорят просто «белые»!.

— Если спросят, — повторила она злее, — что о нем спрашивали белые?

Я ответить не успел, навстречу к отелю подходит пожилая супружеская пара, между ними бегают двое отвратительно визжащих внуков, все верно задумано наверху насчет чайлдфри, кому эти существа будут нужны, когда вырастут, а все производство будет автоматизировано...

Мы прошли мимо с самодовольным видом, как толстые и богатые люди из Европы, наконец я ответил кратко:

— Узнаем.

— Как?

— В номере курьера установлена видеочкамера, — пояснил я. — Как и у входа в холл. Я подключил свой планшет к их сети, так что сразу могу получить сигнал.

Она покачала головой.

— Вот так все просто?

— Примерно.

Она сказала со вздохом:

— Может, надо было послушать маму? Советовала идти в науку, а не в военное училище...

— Не стоит, — ответил я. — В науке ты бы научилась горбиться, а здесь спина прямая, взгляд гордый, сиськи вперед... Есть на что посмотреть. А то и засмотреться.

— Свинья, — сказала она.

— Здесь это страшное ругательство, — напомнил я. — В странах ислама свиньи — худшие из созданий. Почти как инфидели. Можешь называть меня как-то и полегче, а то люди оборачиваются.

— А как полегче?

— Лев, — предложил я, — орел, сокол...

— Свинья, — сказала она еще сердитее.

Я не ответил, весь в размышлизмах, куда именно в городе мог отправиться курьер, молодой парень спортивного вида, смуглокожий, явно не склонный к туризму и рассматриванию руин древней крепости.

Проследить не удастся, здесь не утыканная видеокамерами Москва. В этой части света все еще времена халифа Гаруна или, точнее, Хусейна бен Али, с той лишь разницей, что появились элементы современной цивилизации, несколько, однако, не изменившие здешний уклад жизни и обычаи тунисцев.

Едва миновали здание отеля, словно ниоткуда возник Левченко, уже не боевик, а богатый турист с дорожной сумкой, что вся в наклейках, пошел рядом.

Я сказал тихо:

— Он остановился здесь, но вышел в город.

— На встречу?

— Не знаем, — ответил я. — Чтобы вам не привлекать внимание, попробуйте снять хотя бы на сутки или на несколько часов комнату в доме напротив. Из нашего окна видно, там пустых многовато.

— Хорошо, — ответил Левченко с готовностью. — Шлюх приведем... для маскировки, для маскировки! Мы же туристы?

— Действуйте, — ответил я. — Только сумки прячьте от таких подальше. А то захотят обобрать и все оружие сопрут. А потом выкупай его на базарах...

Он кивнул и остановился, а мы с Ингрид прошествовали дальше. На нее поглядывают даже женщины, я прошипел сердито:

— Не горбись, бедуиночка... У бедуинских женщин спины прямые.

— Потому что кувшины на головах носят?

— Да, — ответил я. — Надо тебе ящик с патронами на макушку поставить и гонять по плацу. Осанка будет что надо.

Она спросила сердито:

— А сейчас ее нет?

— Есть, — согласился я, — но это я так, для тренировки. Чтоб и не портилась. Сперва ящики с патронами поносишь, потом со снарядами.

Она спросила невпопад:

— Куда он мог пойти?.. В одних случаях нарочито ищут толпы народа, чтобы передать незаметно, в других — едут на пустынные окраины...

— Толпа нужна, — сказал я, — чтобы незаметно передать при контакте записку или, скажем, зажигалку. Большую флягу со штаммом вируса так не передать, слишком заметно.

— Значит, на окраину?

— Да, но куда...

Разговаривая, я просматривал город с высоты китайского спутника, качество изображения пока уступает американским и российским, зато китайских больше, и сейчас один как раз проходит прямо над нами, город как на ладони, да благослови Аллах страну, где никогда не бывает туч...

На перекресток вышел костлявый мужчина с длинной седой бородой и безумными глазами, воздел руки к небу и закричал:

— Опомнитесь!.. Грядут великие беды, огонь с небес!.. Народы исчезнут, а людей Аллах сделает других, потому что не исполняем его волю!..

Люди останавливались, слушали, кто-то вскоре уходил, другие остались, замороженные его иступленно-страстной речью. Это в Европе полагаются больше на холодные доводы разума, а здесь часто решает напор, страстность убеждения, призыв к сокровенному в человеке... что с точки зрения науки вовсе не сокровенное, а обычно весьма низменное, однако это знает только крохотная группка, да и та помалкивает, чтобы любители прекрасного не забросали камнями.

Любители прекрасного по уровню такие же, как и здесь, в исламском мире, что очень любят забрасывать камнями все непрекрасное.

Пророк по виду очень неглупый человек и говорит то, о чем мы по большей степени не то что сказать, боимся даже подумать. Всем кажется, что так все будет и дальше, только машины крупнее, а морды шире, но пророк прав, мир станет совсем иным еще до прихода сингулярности.

Ингрид фыркнула:

— Сумасшедший!.. У нас таких в психушки сразу, а тут по улицам ходят...

— Богатая страна, — возразил я. — Даже по улицам такие, а у нас только в научно-исследовательских институтах.

Она посмотрела на меня с подозрением.

— Это такой прикол?

— Народы исчезнут, — подтвердил я. — А тебя в эру победного шествия глобализации не смешат попытки карликовых народцев отстаивать свою идентичность, свой язык, свои обычаи? Ну скажи, имеют ли шансы выжить, скажем, эстонский или латвийский языки, где населения по миллиону человек, из которых половина упорно говорит на русском и практически все владеют английским? И после этого эстонцы будут называть себя культурной нацией, цепляясь за свой язык, как берберы или бушмены?

— Бушменов уже нет, — напомнила она.

— Ну вот!

— Но и американцами не стали, — сказала она ядовито. — Теперь бушмены говорят на десятке языков и отстаивают идентичность наряду с прибалтийскими народами.

— Бушмены, — сказал я, — нам тоже не пример. В Тунисе девяносто девять процентов исповедуют ислам и говорят на арабском. Так что Туниса нет как Туниса, это часть единого арабского мира!.. Он исчезнет в числе последних.

Она сказала с вызовом:

— А какой останется?

— Никакого, — ответил я. Увидел недоумение в ее лице, пояснил: — Из существующих. Ну на фига сингуляру звуки, когда проще переговариваться

радиоволнами, лучами, светом... Уж прости, но звуки — это язык животных.

Это нечесаный и лохматый пророк, подумал я с сочувствием, возможно, и слова такого, как «сингулярность», не знает, но чувствует приближение своим обостренным нутром, как животные узнают о приближении непогоды, землетрясений или даже вспышек солнечных пятен.

Только этот пророк обладает еще и обостренным умом, что позволяет делать какие-то выводы, а на их основании строить достаточно верные, хотя и совершенно сумасшедшие, с точки зрения нормального человека, прогнозы.

— Все равно сумасшедший, — сказала она независимо.

— Да, — согласился я. — Тунисский Курцвейл.

Я хоть и не блондин, совсем напротив, почти с такими же черными волосами, как у Ингрид, но кабинетная моя морда под знойным солнцем приобрела красноватый оттенок, дня через два начнет шелушиться и отслаиваться лохмотьями, а это сразу выдает пришельца из враждебной Европы.

Когда-то таких в Тунисе было много, туристы оставляли в отелях, магазинах и на разных развлечениях миллиарды долларов, теперь же сюда едут только безбашенные искатели приключений, остальные благоразумно предпочитают посещать более спокойные страны.

Ингрид сказала тихонько:

— Похоже, наемников в нас не видят. Ты слишком уж... благообразный. Как адвентист Седьмого дня.

— Я бы не назвал их благообразными, — ответил я. — Это потому что ты со мной. Такая нежная

и одухотворенная, прям тургеневская Лейла, а то и вовсе Зухра.

— Не умничай, — сказала она. — Разумничался!..

Мы постепенно двигались к центру города, улочки становились уже более узкими, кривыми, какими-то домашними, лавочки стоят тесно, а если нет лавки, то обычно там широкий полосатый навес, напоминающий штатовский флаг, даже красные полосы чередуются с белыми, хотя, думаю, такие навесы ставили здесь, когда не то что Штатов в помине не было, но и Великобритания была всего лишь Оловянными островами для молодого еще Рима.

Глава 6

Из здания впереди вышел высокий худой чернокожий подросток, в белой хламиде, в такой ходил еще Авраам, судя по фильмам, на голове арафатка, сразу вперил в нас взгляд, полный молодой и всегда справедливой ненависти к угнетателям.

— Африка для черных! — крикнул он.

Ингрид не поняла, но потянула меня мимо, но я ответил дураку с высокомерием грамотного человека:

— Нам, арабам, насрать на черных. Для Аллаха все равны, он не различает цвет кожи, ибо смотрит в души.

Он крикнул еще злее:

— Ты франк!.. Убирайся с нашей земли!

— Для Аллаха нет франков, — отрезал я, — как нет и арабов. Есть только верные и неверные. А у тебя, дурак, нет ни души, ни веры.

Ингрид потащила меня дальше, прошипела сердито:

— Ты чего?..

— Чего «чего»?

— Зачем такой задиристый?.. — сказала она.

— А ты что, уже понимаешь язык священного Корана?

— У тебя голос наглый, — заявила она обвиняюще. — И не брешь, что цитировал Коран. Вообще брехать так нагло не по-профессорски! Ты роняешь престиж ученого!

— Где ты видишь аудиторию? — спросил я. — А на отдыхе мы все туристы. Как только снимаю галстук, я свободен и раскован, как Маяковский на прогулке с Пушкиным.

За нами со снисходительной улыбкой наблюдал из-под навеса расположившийся в тени роскошный старик с седой окладистой бородицей, грузный, но не толстый, а как бы величественный, с мудрым взглядом и много повидавшими глазами.

Я подумал, что не часто бывает так, когда по первому взгляду можешь сказать, что этот человек мудр, а этот всего лишь начитан и в меру интеллигентен.

Хорошо хоть, дураков видно издали...

Он сделал мне знак приблизиться, настолько властный, что мои ноги почти сами по себе сделали шаг в его сторону. Может быть, потому, что властность не от чувства превосходства, а как если бы старый мудрый дед подозвал меня жестом, чтобы объяснить в двух словах, как все-таки оседлать эту лошадку.

— Ты мудрый человек, — произнес он, — вижу, франк, но почему ты знаешь Коран лучше многих правоверных?

Я ответил почтительно:

— Мой господин, стыдно жить в этом мире и не знать Священной Книги Мудрости!

Он кивнул.

— Ты прав, это именно книга мудрости. Присядь здесь в тени, уважь старого человека. Скоро Аллах призовет меня, но пока я здесь, душа моя жаждет познавать мир и людей, что совсем не такие, как в годы моей юности... И женщина твоя пусть сядет. Она тоже из франков?

— Да, — ответил я. — Из самой Москвы. И языка священной Книги не знает. Хотя Коран, конечно, читала и очень даже как бы чтит.

Он подал куда-то за спину некий знак, там раздвинулись шторы из яркого цветного шелка. Немолодая женщина в никабе поставила на стол две расписные чашки, а через мгновение вернулась с кофейником, и мы сразу ощутили аромат изысканного напитка.

Старик сказал ей на языке племени нефуса, что один из диалектов берберского языка:

— И еще чашку. Эта женщина не нашей крови, она не обязана соблюдать все наши обычаи.

Я сказал вежливо:

— Все верно, она не знает языка, хотя вообще-то из племени Шелха.

Старик воскликнул в изумлении:

— Как?.. И моя жена оттуда!

— И как вы ее завоевали? — спросил я с уважением. — Моя жена в седьмом поколении москвичка, но ее гордый берберский нрав немало мне попортил крови.

Он выглядел донельзя польщенным, кивнул мне на чашки, я одну придвинул Ингрид. Она взяла кра-

сиво и гордо, демонстрируя настоящую берберистость.

Старик смотрел на нее с явным удовольствием. Ингрид в самом деле инстинктивно уловила, как нужно держаться, наверное, посмотрела фильм о царице Савской, та из каких-то подобных мест, возможно, тоже берберка...

Ничего не понимает, что мы со стариком перетираем, но улавливает, с каким удовольствием мы обсуждаем толкования Корана, это поняла, раз уж встречаются знакомые даже для не знающих ислам слова.

Старик прощупывал меня легко и ненавязчиво, я в любой момент могу сдвинуться, а то и вовсе соскочить с темы, но с удовольствием принял вызов, моментально цитирую не только Коран, но и труды Лукемана аль-Хакима, Мортеза Мотаххари, Ибн Хальдуна и многих других мыслителей Востока и толкователей ислама.

Наконец он откинулся на спинку кресла и сказал с уважением:

— Вы знаете Коран. Я, шейх племени Рассветные Горы, еще не встречал таких знатоков...

— Еще бы не знать, — ответил я. — Это же главная книга мира. Начните любую суру, и я продолжу. Шестьсот лет христианство уже правило миром к тому времени, когда Мухаммад, будь благословенно Его имя, получил Коран.

Он наклонил голову.

— Учение Христа — великий подарок Аллаха. Но за шестьсот лет люди начали уклоняться от заветов Всевышнего, и потому он прислал пророка Мухаммада.

Я произнес с благоговением:

— И потому Коран строже, четче и правильнее Нового Завета, так как в его законах нет многочисленных ошибок предыдущей Святой Книги.

Он повторил задумчиво:

— Вы знаете Коран на уровне муфтия. Почему?

— Настоящие люди тянутся к мудрости, — ответил я. — Вы же знаете, почти все черные в Штатах уже приняли ислам, а сейчас в него переходит все больше белых американцев.

Он наклонил голову.

— Знаю. Но все равно услышать такое приятно...

— Опасность Корана для Европы еще и в том, — сказал я, — что почти всякий христианин, прочитавший Коран, принимает ислам. Если вам интересно, то многие российские солдаты, попавшие в плен в Афганистане, приняли ислам... но не это главное! Могли принять под угрозами, как обычно о них говорят, но уже дома никто из них от ислама не отказался, вот что удивительно. Хотя приходится терпеть унижения, увольнение с работы, скандалы дома, отказ родителей от такого сына...

Он проговорил с удовольствием:

— Это в самом деле... говорит о силе ислама.

— Великие идеи воспаляют сердца, — сказал я. — Еще как воспаляют! Идея коммунизма зажгла сердца всех благородных людей мира, во всех странах появились коммунистические партии... Жаль, на энтузиазме легко разрушать, а когда доходит до строительства, энтузиазм быстро истощается.

— Сила Корана не истощится, — сообщил он.

Я ответил с тяжелым вздохом:

— Увы, в современном мире строить можно только на личной выгоде, острой заинтересованно-

сти, договорах, своевременной оплате... Слово чести уже не котируется! Без юристов никак, всяк старается друг друга обмануть, обжудить, это называется добросовестная конкуренция, рынок...

Он поморщился, на выразительном, как у большинства стариков, лице отчетливо проступило отвращение.

— Это отвратительно.

— Еще как отвратительно, — согласился я. — В чем-то вы даже ближе к будущему, чем западники. Вы уничтожаете языческие статуи, которые охраняет Запад, чуть ли не поклоняясь им... да что там, уже, стыдно сказать, поклоняются!..

Он спросил с недоверием:

— Вы в самом деле полагаете, что их надо разрушить?

— Конечно, — ответил я уверенно. — Мир идет к светлому будущему, предначертанному Пророком, да будь благословенно Его Имя! Люди, перестраивая себя, станут совсем другими существами!.. И разве этим существам из стали и синтетических волокон будут дороги эти каменные идола, вытесанные дикими людьми десять тысяч лет назад?.. Или старинные здания, в которых изначально не было никаких удобств?

Он чуть наклонил голову, не сводя с меня испытующего взгляда.

— Ты прав... хотя это звучит... непривычно даже для умеренных мусульман.

— Эти старинные здания и статуи, — сказал я с жаром, — не нужны даже сейчас, ислам против всякого язычества!.. Мир будем иным и прекрасным, а эти руины, которыми обязаны восторгаться, тянут нас в прошлое, где тьма...

Он сказал с чувством:

— Прекрасно сказано! Я чувствую, нам не хватает муфтиев со свежими взглядами. Иными подходами...

Я закончил со вздохом:

— Вы готовы к будущему. Однако же западный мир тоже его создает и приближает. Ваши дороги сходятся... Пойдете ли вместе? Скорее всего, нет... У человека выбор из двух сил: ваша — честь и достоинство человека, западная — наука и технологии...

Я сделал намеренную паузу, он договорил:

— Запад выбирает дорогу высоких технологий?

— Увы, — сказал я с сочувствием, — и большинство грамотных мусульман, которые едут на Запад учиться и остаются там жить и работать. Как их вернете?

Он возразил:

— Но ваша страна воюет с исламом. Потому они вернутся защищать если не ислам, то страну.

Я изумился:

— Разве мы воюем с Турцией или Ираном?... Мы воюем с теми, кто нападает на наши земли, будь это мусульмане, немцы или японцы!.. А моджахеды нападают! Никто из них не распространяет ислам с Кораном в руках, а только с автоматом! Полагаю, это вредит исламу больше его самых злейших врагов...

Из-за шелковых штор выступили четверо крепких мужчин с автоматами, тут же рассредоточились и, не выходя на улицу, взяли нас на прицел. Я ощутил сильнейший позыв выхватить пистолет и открыть стрельбу, с моей скоростью могу успеть, да, успею точно, но кто-то может выстрелить в Ингрид...

Старик пояснил тем же сладким голосом:

— Это наша городская полиция. Люди Арслана.

Массивный бородач, на которого мало и пяти пуль, если не в голову, коротко поклонился.

— Мое почтение, мудрый шейх Ар-Рази.

Шейх сказал мне, словно извиняясь за грубую прозу жизни, что вторгается прямо посреди утонченного разговора:

— Они услышали, что в наш город явились франки. И хотят задать вопросы... Женщина пусть останется здесь.

— Хорошо, — ответил я и сказал замершей Ингрид: — Побудь здесь. Я выясню, чем они могут быть полезными.

Старик кивнул, по тону поняв сказанное, Ингрид осталась сидеть, а я вышел в соседнюю комнату, подпираемый в бока стволами автоматов.

У окна, глядя на улицу, стоит грузный мужчина в арафатке и полотняных штанах, но в джеббе, делающей его похожим на деревенского попа, а когда повернулся к нам, я сразу ощутил исходящую от него волну ненависти.

— Этот? — спросил он хриплым голосом, его передернуло, будто от плохо контролируемой злобы. — Ну-ка, давайте его сюда...

Меня подтолкнули ближе, я сказал торопливо:

— Зачем? Я же не враг...

Он вдруг резко и неожиданно ударил меня в лицо. Боль ожгла верхнюю губу, я ощутил во рту вкус крови, завалился спиной на край стола.

Бородач рассмеялся, один из полицейских сказал с восхищением:

— До чего ты быстрый, Арслан!.. Я даже кулак не увидел...

Я чувствовал, как кровь течет и капает с подбородка на грудь, но не сглатывал, а просто ждал. Как физиолог знаю, ничего ужасного пока не произошло, а вид крови показывает им, что они герои, а я сломленная жертва...

Бородач оглядел меня прищуренными глазами.

— Что, трясет?.. То ли еще будет!.. Пусть им займется Али. А я вернусь в участок. Интересно, что с ним за женщина...

Кто-то закричал в открытую дверь соседней комнаты:

— Али!.. Тебя к Арслану!

Вошел заспанный и протирающий кулаками глаз араб, молодой, с виду крепкий, хотя в то же время с утонченными чертами лица, на меня взглянул со странным сочувствием.

— Кто он?

Арслан оглянулся в дверном проеме.

— Какой-то франк. Выясни, чего он здесь, а потом убей.

Он кивнул боевикам, двое ушли с ним, а третий остался в комнате, автомат на ремне, ствол нацелен мне в бок, вид победно-независимый.

Молодой араб, что Али, сказал мне почти с сочувствием:

— У нас маленький город. И все не просто знают друг друга, но мы практически в родне один другому. Такое немыслимо в городах франков, верно?

Я сказал настороженно:

— Да. Но что из это следует?..

Он сказал тем же благожелательным голосом:

— Сегодня прошла весть о неких франках, прибывших в наш город, чтобы сильно навредить нам. И помешать исполниться воле Аллаха. Шейх Ар-Ра-

зи сказал мне, что вы очень образованный и понимающий человек, а потеря таких людей для Аллаха всегда горька. И как жаль, что я все же вынужден вас убить...

Я проговорил смиренно:

— Так не убивайте, вы же свободный человек.

Он покачал головой, в глазах мелькнула неистовая гордыня.

— Нет, я воин Аллаха.

— Это Аллах вам велит меня убить?

Он ответил с достоинством:

— Я подчиняюсь его воле.

— А вы уверены... что это вам нашептывает не Иблис?

Он кивнул.

— Да...

— Я тоже, — ответил я.

Все его возможности уже как на ладони, нервные точки и слабые места тоже, а также учтены все движения моих суставов и насколько сухожилия могут растянуться.

Я сдвинулся с линии автоматного огня, перехватил за ствол и с силой ударил им стража в лоб. Автомат оказался в моих руках, мозг отсчитывает бесконечно длинные секунды и сообщает, на какой именно этот молодой красавец выхватит пистолет...

Он в самом деле потянулся к кобуре, я с силой ударил в живот, развернулся и обрушил приклад на череп стражника. Там хрустнуло, а сам стражник распростерся на полу.

Когда Али разогнулся, черное дуло его пистолета уже смотрело ему в лицо.

— Аллах на моей стороне, — сказал я.

— Но я...

— Это я воин Аллаха, — прервал я и нажал на скобу.

Выстрел грянул глухо, но все равно снаружи услышат, хотя, скорее всего, решат, что он пристрелил меня за ненадобностью, жизни неверных ничего не стоят, однако если кто-то решит заглянуть...

Я дождался, и когда дверь приоткрылась и вовнутрь просунулась голова в бурнусае, я, стоя сбоку, ударил рукоятью в затылок и, подхватив обмякшее тело, втащил в комнату.

Глава 7

Обратный путь помню хорошо, быстро пробежал и выскочил из-за шелкового занавеса, когда шейх разговаривал с двумя боевиками. Один говорил что-то быстро и горячо, прижимая ладонь к сердцу, второй опустил перед шейхом на одно колено и поправлял у него под ступнями подушечку.

Оба обернулись ко мне, я дважды выстрелил почти в упор. Первому пуля ударила в лоб, а второй, что подкладывал подушечку, замедленно, как всегда мне кажется в подобных случаях, начал поворачивать голову в мою сторону.

Пуля саданула его в висок, рана получилась широкая, кулак пролезет, это не лобная кость, кровь брызнула под давлением. Он завалился набок, а шейх с болезненной гримасой ухватился за грудь.

— Неужто задело? — спросил я с невольным сочувствием. — Ничего, рана не опасная. Сожалею, просто пуля навyleт... Где моя жена?

Он сказал хриплым голосом, не убирая ладонь от зажимаемой раны, кровь продолжает течь, хотя и тонкой струйкой:

— Ее увел начальник полиции.

— Арслан?

— Да...

— Где он сейчас?

Он сказал слабо:

— В соседнем здании... Зачем ты это сделал? Ты хуже меня...

— Почему?

— Я хотя бы чувствую праведный гнев, — проговорил он с трудом, — уничтожая врагов ислама... А ты как голем, что когда-то уничтожит всех людей на свете...

— Не уничтожит, — пообещал я. — Люди всегда будут големее любых големов. И никогда им нас не догнать, потому что мы сами еще те големы.

Он попытался привстать и выпрямиться, видя, как я направил ствол пистолета в его сторону.

— Во имя Аллаха, — произнес он с гордым блеском в глазах.

— Во имя Аллаха, — согласился я. — Ислам — религия мира. Так что это я правоверный, а не вы, уважаемый шейх...

— Аллах все видит, — проговорил он слабо, но с оттенком дьявольской гордыни. — Аллах акбар...

— Аллах акбар, — повторил я. — Пусть Всевышний будет милостив к тебе, слуга шайтана.

Выстрел грянул приглушенно, шейх от пули в лоб ударился затылком в стену. По ней расплескалось кровавое пятно, а еще осталась глубокая выемка от пули.

Его тело завалилось набок, кровь на стене тонкими струйками начала сползать к полу.

Я взглянул на труп, почему-то ну совсем не чувствую ни радости, ни гнева, ни даже волнения. А только что с ним спорил, мы общались как люди... Вот и говори, что нет ничего дороже человеческой жизни.

От того, что мы только что спокойно беседовали о роли философии в становлении правильного человека, уже видно — достаточно легко смогу выстрелить и в такого мудрого оппонента.

Я пару мгновений смотрел в его залитое кровью лицо, хотя нужды всматриваться нет, он теперь навечно в моей памяти, только не в мозгу, а в облаке.

Да, убил. И вроде бы давление не подскочило, а пульс все тот же. То ли вот эта все расширяющаяся емкость моего мозга идет за счет подавления эмоций, то ли еще почему, но чуточку тревожит это состояние, когда у меня никакого чувства вины...

Нет, никакого подавления эмоций не происходит. Даже могу сказать теперь, что эмоции тоже стали несколько острее, однако возможности мозга возросли в тысячи раз, потому... потому все под контролем мозга, как мне когда-то в юности отчаянно жаждалось...

Все, произнес голос в мозгу, ищи Ингрид!.. А потом Левченко, Куцардис, Челубей, Затопек...

До участка я добежал торопливый и очень деловой, охране у входа крикнул резко:

— Арслан ждет меня немедленно!

Они не успели слова сказать, я отпихнул и прошел быстро и решительно по коридору прямо в его кабинет, картинку которого постоянно держал перед глазами.

В кабинете Арслана двое полицейских, короткие израильские автоматы висят на плечах стволами вниз, Ингрид стоит посреди комнаты с сорванным платком, прекрасные черные волосы распущены, гордая и надменная, а напротив покачивается на пятках Арслан со сладострастной усмешкой.

Я сразу же с разбега приставил ствол пистолета к его голове.

— Кто шевельнется, я ему мозги вышибу!.. Ингрид, лови!

Она поймала брошенный ей автомат и моментально повернулась с ним к застывшему полицейскому.

— Всех?

— Какая кровожадная, — сказал я с укором. — Это же закон, хоть и хреновый. Но если кто-то шелохнется, коси всех... А теперь, Арслан, ответствуй, ты в самом деле начальник участка?

Он облизнул губы и сказал густым голосом:

— Да. Убери пистолет...

— Не двигайся, — предупредил я. — Видел, как мозги вылетают? То-то. Увидишь, как вылетят твои. Если ты начальник полиции, если представляешь власть и закон, то что же ты, как последний бандит, ударил меня безоружного и с поднятыми руками? Это хорошо?

Он процедил сквозь зубы:

— Мы власть. А ты никто.

Я покачал головой.

— Власть у того, как сказал великий Мао, у кого оружие, так? Ты поступил нехорошо и опорочил законную власть Туниса. Потому я от имени законной власти Туниса и преподам тебе урок. Им тоже...

Он насторожился, когда я вытащил из ножен десантный нож.

— Ты ударил безоружного и с поднятыми руками, — повторил я еще раз. — А так делать нельзя. Чтобы ты и твои друзья это запомнили...

Я резко всадил острое ему в живот, нож погрузился по рукоять, а затем я рванул изо всей силы вправо, слыша, как трещат перерезаемые мышцы.

Он только успел охнуть и попытаться инстинктивно ухватиться за рану, но я отступил на два шага, все еще держа перед собой нож, а в другой руке пистолет все так же смотрит ему прямо в лицо.

Все застыли, глаза полезли из орбит, а начальник полиции, зажимая обеими ладонями вылезающие кишки, упал на колени, потом лицом вниз.

— Запомните, — сказал я жестко. — Франки тоже умеют резать глотки. И выпускать кишки. И много еще чего такого, до чего даже не додумаетесь!.. Зря размечтались, что Запад такой уж нежный и слабый.

Их лица стали блее свежевыпавшего снега. Бородач выл и стонал, зажимал широкую рану обеими ладонями, но кишки, шипя и пузырясь, упорно протискиваются сквозь рану наружу, раздуваются, как толстые сытые змеи.

— Мы уходим, — сказал я жестко, — а вы не раньше, чем через пять минут. Ладно, как только услышите, что мы уехали.

Ингрид держала их под прицелом, а когда мы выскользнули, быстро захлопнула тяжелую толстую дверь с армированными вставками, а я с металлическим лязгом задвинул громадный засов.

— Уходим, — сказал я. — Если не совсем идиоты, то сюда ломиться не станут, а разберут стену. Они здесь из саманного кирпича?

На выходе полицейские встревоженно шагнули навстречу, загораживая дорогу. Я взмахнул ножом, Ингрид провела прием позамысловатее, а дальше, перешагнув через неподвижные тела, вскочили в полицейский джип перед подъездом, Ингрид села за руль и быстро погнала автомобиль прочь.

Когда на большой скорости свернули за угол здания и помчались там, она спросила с надеждой:

— Ну, чем-то оказались полезными?

— Увы, — ответил я, — ошибся.

Она посмотрела на меня косо.

— И где они сейчас?

Я спросил оскорбленно:

— Как где, как где?.. А где еще, если бесполезные? Странная ты какая-то.

Несколько минут она молчала, потом проговорила как-то тревожно:

— А ты звереешь день ото дня.

— Похоже, — согласился я. — С другой стороны, как ты и хотела, я проявил милосердие. Оставил им жизни.

— Но напугал так, что и за оружие кто-то больше не возьмется. Возвращаешься в прошлое? Поскреби интеллигента...

Я покачал головой.

— Напротив. Иду в будущее. Ингрид, мы влетаем в такой новый мир... Всей этой дряни не будет. Ни боевиков, ни убийств, ни полиции.

— Ты что, не видишь разницы между боевиками и полицией?

— Я не разбираюсь в сортах говна, — ответил я. — Ты видишь, как легко полицейские становятся бандитами?.. А впереди мир, когда не будет ни тех,

ни этих. Мы не только застанем тот мир, но и успеем в нем поработать!

— Я думала, — сказала она язвительно, — полежать!

— Отдыхать не так приятно, — ответил я, — как работать.

Она спросила, не глядя в мою сторону.

— А зачем прикинулся, что мусульманин?

— А я и есть он самый, — ответил я. — Как и христианин или иудей. Вообще-то это одна религия, даже имена в ней те же самые.

— Чего-чего?

— А для тебя, — поинтересовался я, — похоже, даже сунниты и шииты, так яростно воюющие друг с другом, две разные религии?

Она пробормотала озадаченно:

— Как, это... одна религия?

— Другие религии, — сказал я отечески, — это буддизм, индуизм, синтоизм... и остальное, что на самом деле просто язычество. Я трансгуманист, для меня иудаизм, христианство и мусульманство — это просто ступеньки к одной вершине, где сияет небесным огнем дверь в сингулярность. Ладно, забудь. А твои осетинские глазищи стали еще осетинестее.

Глава 8

Она послушно сидела рядом со мной на сиденье справа, и только когда машина проехала через площадь, спохватилась:

— Это твоя машина?

— Нет, — ответил я, — но я исповедую принципы либертианства.

Она нервно дернулась, оглянулась с испуганными глазищами.

— Ты что? Нельзя вот так брать любые чужие машины!

— Я не любые, — возразил я. — Этот человек оставил ее в неподобающем месте.

— Каком неподобающем? Там вообще никаких знаков.

— Но все равно нарушение, — ответил я с достоинством. — Автомобиль загоразивал дорогу. Мне. Но ты не волнуйся, мы не станем забирать этот автомобиль в Москву и регистрировать на тебя. Просто оставим здесь же.

Я положил на колени планшет. Ингрид скользнула по нему взглядом, я включил, понаблюдав.

Она спросила с подозрением:

— Ты что-то бормочешь?

— Говорю, — буркнул я, — сколько же в них влезают... Все еще пьют кофе и жрут всякие финтифли. Вот это жизнь... А что делаем мы?

— Начальство и должно работать больше, — напомнила она. — Подавать пример, а не завидовать. Да еще вслух!

— Подаю плохой пример тебе?

Она наморщила нос.

— Меня плохому научить нельзя.

— Уже нечему?

— Я иммунная, — пояснила она. — Как ты их нашел?

— Двадцать первый век, — напомнил я. — Тунис вообще-то богатая страна, почему большинство бежит с оружием и не работает... Видеонаблюдение не только в гостиницах, но и почти во всех домах зажиточных граждан. Не говоря уже

о чьих-то офисах, магазинах... Ух ты, быстро поверни вот туда!

Она послушно повернула, спросила испуганно:

— За нами уже погоня?

— Еще нет, — ответил я, — но машину придется через пять минут бросить... Прямо, а потом налево, я скажу когда...

Она быстро вертела баранку, сосредоточенная, как в бою, спросила сквозь зубы:

— Что увидел?

— Гонца, — ответил я. — Гони!

Не через пять минут, а через три она по моей команде остановилась, мы выскочили с обеих сторон, я ринулся в переулок, и даже Ингрид увидела, как там торопливо идет высокий человек в белом костюме и в белой шляпе.

Я бросился к нему молча, но Ингрид, вот уж эта законность, на бегу закричала страшным голосом:

— Стоять!.. Руки за голову!

Он моментально, даже не взглянув в нашу сторону, с разбега прыгнул через каменный забор. Ноги мелькнули на самом верху и пропали, а звука падения на землю что-то не слышно.

Я крикнул зло:

— Попробуй обойти с той стороны!.. И не ори.

Я не добавил «дура», но Ингрид, похоже, услышала это очень четко и громко, а я так же с разбега прыгнул на забор, больно ударился грудью, кое-как мешком перевалился на ту сторону, упал на землю, но мозг уже все просчитал, и пока я опускался, как в замедленной съемке к земле, просчитал, как упасть так, чтобы ничего не сломать и даже не ушибиться, а потом сразу вскочить и ринуться в погоню.

Он уже неся шагов на сорок впереди, быстро и красиво, как молодой олень, выскочил из двора на пустынную улицу, а там помчался, перепрыгивая мелкие препятствия и ловко огибая крупные, будь это автомобили или деревья, а я ощутил, что бегу за ним без легкости молодого парня, хотя вряд ли он меня моложе, и потому как-то все глупо и отвратительно.

Все-таки да, профессор, не мое это дело бегать и стрелять, надо было оставаться там в штабе и руководить, даже не знаю, что я за дурак, почему даже в каждом умном живет еще и махровый стоеросовый дурак в звериной шкуре и с каменным топором в руке...

В какой-то момент я понял, что он на следующем шаге развернется и выстрелит, инстинктивно пригнулся за автомобилем.

Выстрел грянул, пуля прошла над головой, а он тут же ринулся снова между домами.

Я закричал:

— Стой, дурак!.. Или всажу пулю в спину..

Он снова замедлил бег, резко откидываясь всем корпусом назад, сейчас повернется и резко выстрелит... даже дважды.

Я нырнул к толстому дереву впереди и как раз успел удариться плечом о ствол, когда он резко развернулся и тут же выстрелил дважды... нет, трижды и тут же побежал снова.

И все-таки мои мышцы после болезни уже окрепли, расстояние быстро сокращается, он ощутил за своей спиной мой топот, снова развернулся, я увидел нацеленный прямо в меня ствол, и моя рука будто сама по себе вскинула пистолет, а палец нажал на скобу.

Пули ударили его с такой силой, что отбросили навзничь. Не убирая пистолет, я подбежал, ногой отпихнул его «кольт», прорычал:

— Дурак, сейчас сдохнешь!.. Говори быстрее, кому передал то, что тебе вручили в лаборатории? Я тут же вызову врача!.. Не ты мне нужен...

Вдали остановились двое, вглядываясь в нас, я махнул им свободной рукой, дескать, гребите по своим делам, а то и вам достанется, но пистолет на всякий случай вернул в кобуру.

Гонец прошептал булькающим голосом:

— Аллах акбар...

— Да будет воля Его, — ответил я. — Кому передал?

— Он великий...

— Велик только Аллах, — прервал я. — Где сейчас та посылка?

Он сказал с тревожной улыбкой:

— Нам было сказано, что вы... культурный человек...

Я спросил зло:

— На войне культурные люди?

— Вы же...

— В обществе существует мнение, — ответил я, — что культурные падают в обморок при виде крови. На самом деле культурные просто не любят заниматься грязным делом, но когда приходится, делают все быстрее и лучше некультурных... Говори!

Он прошептал:

— Аллах велик...

— Тогда умри, — ответил я бесстрастно.

Он успел только распахнуть глаза, потому что я выхватил пистолет из кобуры, выстрелил и вернул в одно смазанное движение.

Он взвизгнул, скрючился на земле в позе эмбриона, потому что я стрелял и попал точно в гениталии, что самое больное место, а также драгоценное для того, кто мечтает попасть к гуриям.

— Говори, — потребовал я. — Или отстрелю начисто!

По ту сторону забора раздался топот ног, я инстинктивно развернулся, присел. Простучала автоматная очередь, пули прошли над головой, я торопливо выстрелил трижды, ориентируясь на тень по ту сторону ветхого забора.

Там раздался короткий вскрик, я быстро взглянул на моего пленника, челюсти от злости сами стиснулись так, что перекусил бы берцовую кость мамонта.

Две пули попали ему в голову, глаза уже невидяще смотрят в небо. Что у меня за такие трусливые инстинкты, оберегают меня, как будто я...

Хотя правильно делают, что оберегают, лучше пуля в его черепе, чем в моем, но все же мог бы всадить в плечо, чтобы он выронил пистолет, в ногу, даже в обе ноги или в гениталии...

Картинка со спутника показала, что еще один убегает изо всех сил, явно не случайный прохожий, тем бы только добежать до безопасного места, а этот, напротив, бежит в ту часть города, где трущобы и запустение...

Бежать за ним пришлось между древними сараями из саманного кирпича, перепрыгивать плетни и заборы, из-под ног с истошным кудахтаньем брызгают во все стороны глупые куры, а крупный индюк сразу ринулся в атаку.

Я перескочил через забор, поднырнул под развешенное на двух веревках мокрое белье, дикари,

нет чтобы купить стиральную с отжимом... хотя при здешней жаре все и так высохнет за пару минут, а проутюженное, говорят, вредно для тела...

В одном месте едва не приземлился на крупную собаку, но она, доказывая наличие интеллекта, благоразумно бросилась в сторону, злой человек страшнее любой собаки, дальше я неся через огороды, кустарники с крупными фиолетовыми плодами, снова подныривал под развешенное для просушки белье, на хрен им столько белья, не понимаю...

Ингрид стоит на перекрестке, оглядывается растерянно, я подошел быстрыми шагами, злой как два, а то и три шайтана.

— Ушел.

— Прости, — сказала она виновато, — это я все испортила...

— Что насчет машины? — спросил я.

Она все поняла правильно, указала взглядом на потрепанный старый «Форд».

— Владелец вот этой с букетом цветов только что вошел вон в тот дом. Некоторые ценности универсальны...

— Воровство машин, — сказал я, — еще универсальнее. Хоть и называлось раньше конокрадством. Поехали! А то Левченко с орлами отяжелеют так, что и в машину не залезут.

На этот раз промолчала, что красть машины нехорошо, мы же не ворует, а всего лишь заимствуем на короткий срок, а оставляем в целости, даже не поцарапанные.

— Я за руль, — буркнула она, — а то водишь как сумасшедший. Руки дрожат? Почему?

— Курей крал, — буркнул я.

— А сало?

— Сало перепрятали.

Она медленно повела автомобиль к выезду из переулка, некоторое время даже пригнала голову, ожидая услышать «Стойте! Это моя машина!», но все обошлось, выкатились на улицу попросторнее, народу многовато, разделения на тротуар и проезжую часть нет, словно все еще в девятнадцатом веке...

Я подумал, что вообще-то все верно делают Штаты: во имя мира и прогресса старательно разжигают конфликты по всему миру. Пусть везде начинаются войны всех со всеми, а они там за океаном выигрывают драгоценнейшее время.

Надо успеть первыми добежать до сингулярности, а тогда гребись конем неблагодарная Европа, дикая Азия, озверелый Ближний и Дальний Восток и вообще весь-весь мир! Надо успеть, создать, стать бессмертными и неуязвимыми, сверхлюдьми, а все остальные — какие-то вонючие тараканы, то ли раздавить вас всех, то ли сами друг друга пожрете... Или вирус для вас быстренько создать, чтобы все склеили лапы и освободили землю под парки и зоны отдыха.

Ингрид оглянулась, вскрикнула в тревоге:

— Нас преследуют!

— Да пусть, — ответил я, недовольный, что оторвали от мыслей о великом, что и есть высокое. — А что им еще делать? А жить хотят интересно. Романтично и бригадинно.

Она фыркнула в неуверенности:

— Это интересно?

— А ты как думаешь? — спросил я. — Тебе же интересно?

Она зло зыркнула искоса, но не стала уверять, что ее идеал — жизнь домохозяйки с кучей детей на кухне.

— Они разрушители, — ответила после паузы, — а я на страже порядка. Разницы не видишь?

— Разрушать романтичнее, — напомнил я. — Народ поет о пиратах на бригантинах, а не о тех, кто ловил их и вешал. Ты же романтичная... Э-э... душа?

— Не настолько, — отрезала она.

— Женщины консервативнее, — согласился я. — Эволюция позаботилась. Иначе мужчины все бы разнесли.

— Вот-вот!

— А вы наш противовес, — добавил я. — Косные, тупые, надежные, правильные, замечательные, хранители очага и будущих ростков жизни.

Она вскрикнула:

— Заткнись! Они на трех автомобилях! В каждом полно народу!

— Да, — согласился я. — Теперь народ именно такой. Преследующий идеалы. Не в том смысле, что мы и есть идеал, а как бы в иносказательном и литературном, если есть такое бранное слово... Отстаивающий. Свои и чужие идеалы, свободы и независимости.

— Сумеем уйти?

— В последнем всего двое, — утешил я. — Правда, парень рядом с шофером приготовил ракетный лаунчер.. Но пока держит на коленях.

Она нервно дернулась.

— Ну вот.. А откуда ты... Неважно, если догонят, будем отстреливаться?

— В таком дорожном потоке? — спросил я скептически. — Народ не жалко, восемь миллиардов, но помешают...

— Советами?

— Все будут делать селфи, — ответил я. — Сейчас даже те, кто на осликах, селфничают. Загородят дорогу. Надо оторваться.

Она поняла «оторваться» как резко ускорить движение, но в таком потоке хрен ускоришься, Катенька поняла бы «оторваться» как отвязную ночь в клубе, где много мужчин и вина, но Ингрид гонит авто с той же скоростью, здесь и захотел бы помчаться быстрее, не получится, зато впереди зеленый сменился желтым и через секунду красным, но мы успели проскочить на желтый.

Ингрид вздохнула с облегчением, а на следующем перекрестке зеленый тоже мигнул и сменился желтым, а едва мы проскочили, тут же загорелся красный.

Сзади был визг тормозов и пара ударов автомобиля об автомобиль, но не жалко, не в деньгах счастье, тем более в чужих автомобилях.

Ингрид вскрикнула счастливо:

— Как повезло!.. Они застряли там в пробке!..

— Точно не догонят? — спросил я.

— Не трусь, — заверила она бодро. — У них впереди три ряда, по бокам столько же... и назад не сдадут!

Вообще-то, мелькнула мысль, чего это я, такой вот замечательный и нарядный, подчиняюсь общим законам и там, где можно не подчиняться.

Глава 9

Ингрид взвизгнула от удовольствия, когда на большой скорости гнала авто прямо на красный свет, а тот внезапно дал зеленый, и мы красиво

промчались через перекресток, едва не посрывавши хвосты у испуганно прибавивших скорость легковушек.

— Везет, — сказала она радостно и тут же добавила с тревогой: — Как бы не вышло боком...

— Почему?

— Не может же везти слишком долго!

— Может, — заверил я. — С красивой женщиной всегда везет, хотя потом всегда такой облом, такой облом...

Она сказала рассерженно:

— Что ты меня пугаешь! Ты что, красивая женщина?

— А ты разве пугливая?

— Еще как, — огрызнулась она. — Всегда боюсь недовыполнить задание.

— Отличница, — сказал я с одобрением. — Обществу нужны такие простые и надежные. Предсказуемые, как обожают говорить депутаты по каждому поводу.

— Иди ты...

— Держи руль крепче, — крикнул я. — Я их немного попугаю, не волнуйся.

— Возьми мой автомат, — сказала она.

— Нет, — ответил я, — из такого не умею. У него прицел сбит.

— А из пистолета?

— Меньше вреда, — сказал я.

Вообще-то пистолет лучше тем, что у него прицельная дальность двести метров, а стрельба одиночными выстрелами гораздо эффективнее в городе, чем строчить из автомата, зацепляя расходящимися пулями другие автомобили, что начнут сталкиваться и убивать людей, а еще и подстреливая прохожих.

Из переднего автомобиля один высунулся почти на полкорпуса и, едва удерживаясь при резких рывках, стреляет часто и неприцельно, я понимаю, какая-то из пуль может достать нас, если их будет много, но мы слишком далеко.

Ингрид нервно дернулась, когда я просто высунул руку из окна и дважды выстрелил назад. Автомобиль, преследующий нас, вильнул, но продолжает погоню, только стрельба прекратилась, на что Ингрид, занятая гонкой, пока не обратила внимания.

Я снова высунул руку и выстрелил, промах, но машина вильнула, промах, я тут же выстрелил снова.

Ингрид крикнула раздраженно:

— Ты куда стреляешь?..

— Да я же только пугаю, — сообщил я.

Она красиво и очень точно подрезала одну машину, обогнула вторую, прокричала быстро:

— Как они?

— Оторвались, — сообщил я. — Мы оторвались. Не в том смысле, как ты в стрип-базе отрываешься бесстыдно и по-женски, а те от нас отстали. Тоже как бы оторвались. От нас... Красиво водишь... Им не догнать.

Она с облегчением вздохнула.

— Хорошо. За нами полиция еще не гонится?

— Еще нет, — ответил я, — но если прохожие или сами автомобилисты сообщат... А, смотри какой трейлер! За ним спрятаться сумеешь?

— Конечно, — ответила она. — Жаль только автомобиль бросать...

— Дура, вместе с авто!

— Сумею, — буркнула она.

Трейлер загородил половину улицы, из него дюжие грузчики торопливо вытаскивают мебель, передают другим здоровякам, а те чуть ли не бегом вносят в распахнутые настежь двери дома.

Ингрид проехала мимо, сдала задом и притаилась между стеной здания и массивной будкой трейлера.

Оба автомобиля преследователей, высматривая нас впереди среди автомобилей, проскочили на приличной скорости.

— Догнать сможешь? — спросил я.

— Вплотную?

— Да.

— Попытаюсь, — ответила она без уверенности.

— А потом сразу на тормоз!

— Что ты задумал?

— Выполняйте, капитан, — велел я с веселой злостью.

Она торопливо вылезла машиной из укрытия, автомобильный поток неплотный, дорожные правила действуют слабо, а те идиоты даже привстают на сиденьях, стараясь рассмотреть нашу машину впереди.

Когда Ингрид догнала, наши машины почти сравнялись, я выдернул чеку из гранаты, досчитал до трех и бросил ее, попав точно в открытое окно.

Ингрид торопливо тормознула, машина наших преследователей унеслась вперед, но там вздрогнула и как бы раздулась на миг, словно кто-то громко чихнул или испортил воздух.

Ее раздуло, это я смотрел в замедленном виде, но уже не как воздушный шарик, а будто начало

разбрасывать в стороны кучу разрозненных частей и деталей.

А еще во все стороны полетели окровавленные куски тел четырех человек.

Джип под руками ошалелой Ингрид завихлял по дороге, когда она старалась объехать трупы, пару раз подбросило на чем-то так, что даже я чуть не прикусил язык.

— Держись за следующими, — сказал я и взял в руки винтовку, — хотя, гм, может быть, нечестно стрелять в спину?

Она прокричала зло:

— Честно, честно!..

— Точно?

— Да стреляй же!

Из последнего автомобиля из окон заднего сиденья высунулись руки с двух сторон, у обоих пистолеты.

Я зло ругнулся, стрельба у них будет самая неприцельнейшая, хотя холодок страха все же пробежал по спине, как-то очень не люблю, если пули идут в мою сторону.

Можно затеять дуэль со стрелками, но я прицелился, просчитал все толчки и вихляние наших автомобилей, нажал на скобу.

Их внедорожник, не снижая скорости, резко рыскнул в сторону, еще раз дернулся, пытаясь выровняться, но его повело влево и с огромной силой ударило о каменный забор.

— Черт! — крикнула Ингрид.

Она дернулась, намереваясь давануть на тормоза, но увидела шанс проскочить и нажала на педаль газа.

Со всех сторон раздаются крики, шум, в нашу сторону все указывают пальцами.

Она выругалась.

— Блин, придется бросать машину.

— Так все равно же не наша, — напомнил я.

— Я к ней уже привыкла, — сообщила она.

— За восемь минут?

— Женщины к вещам быстро привыкают, — пояснила она. — К хорошим вещам.

Я посмотрел на нее с одобрением, уместился в кресле поудобнее, чуть опустив сиденье.

— Я к технике тоже... к людям с трудом, у них всегда закидоны, а техника с нами ведет себя честно.

— А ты ей?

— И я ей плачу тем же.

— А твои мышцы?

— Мышки у меня вообще чудо, — сообщил я. — Такие же славные, тоже не врут и не хитрят. Я им пузики чешу, они такие довольные... А можно себе представить, чтобы я кому-то из людей пузо чесал? Ну вот тебе, к примеру?

Она даже плечами передернула, изображая на лице крайнюю степень отвращения, даже сделала движение отодвинуться, но, увы, некуда.

— Свинья! Позволила бы я тебе коснуться моего пуза! Да еще чесать.

Еще два переулка, я подсказывал, куда и где свернуть, Ингрид реагирует молниеносно, наконец я сказал быстро:

— Вон у того желтого дома останови!

И хотя здесь дома все желтые, под цвет песка и раскаленного солнца, она поняла правильно, автомобиль резко остановился, протестующе взвизгнув тормозами, я тут же выпрыгнул и, не захлопывая дверь, ринулся за угол дома.

Ингрид так же быстро оказалась за спиной, уже увидела, как темнолицый араб в национальной одежде ринулся удирать, едва завидел нас.

Бежать по узким захламленным улицам не лучшая затея, Ингрид то и дело шипела в ярости, стукнувшись о брошенные автомобили, о груды ящиков или даже настолько изломанную мебель, словно ее выбрасывали на улицу с десятого этажа, хотя здесь нет даже трехэтажных.

Я делал вид, что тоже натыкаюсь на всякое, но терплю, я же мужчина, все ожидал, что убегаящий начнет отстреливаться, но тот несясь со всех ног, даже не решаясь оглянуться.

Я нагнал, толкнул его в спину, он зашпатыкался, сильно наклонившись и пытаясь удержаться, но все-таки грохнулся и проехал по каменистой земле животом и грудью.

Ингрид подбежала, когда я уже вздернул жертву и, саданув кулаком в морду, потащил в подъезд ближайшего дома.

— Ты куда его?

— Здесь пусто, — заверил я. — Уже посмотрел.

Ее дыхание вырывается со свистом, хотя гнались не так уж долго, просто бег оказался с рандомными препятствиями.

— Ну ты и... лось, — проговорила она с трудом. — Прешь... как бронетранспортер...

Пойманный дрожал и дико поводил по сторонам глазами. По мне он не выглядит храбрым, это не из окна автомобиля стрелять, зная, что прикроют, а вот так, наедине с таким зверем, каким изображаю себя, нужно быть действительно храбрым и готовым отдать жизнь за великие идеи.

Я сказал резко:

— Говори все, что тебе было приказано насчет нас.
Он ответил, заметно храбрясь:

— С чего это?

Я вздохнул.

— Я надеялся, ты скажешь мне как мужчина мужчине. Но если со мной говорить не хочешь, сейчас все расскажешь одной из моих сотрудниц. Она лесбиянка, а это... сам понимаешь. Они обожают пытать мужчин... Ингрид, займись им!

Ингрид решительно отодвинула меня, пойманный взглянул на ее зверское лицо и буквально вжался в стену, а сам стал таким бледным, что я даже удивился, нигде не сказано, что чернокожие могут вот менять цвет, куда там хамелеонам сраным, человек в самом деле царь природы и даже венец.

— Я же не отказывался, — сказал он мне торопливо и нервным голосом, — не отказывался отвечать!.. Я просто знаю мало...

Я сделал Ингрид знак остановиться и сказал резко:

— Говори, что знаешь. Кое-что знаем и мы. Если у нас будут разночтения, то умрешь... доставив кое-кому огромное удовольствие!

— Даже очень громадное, — проговорила Ингрид мечтательно.

Он сказал торопливо:

— Это был Алишер. Он дал денег Сахниду и велел нам охранять человека, на которого укажет. Мы так и сделали.

— Сахнид, — спросил я, — уже с тем, кто вез нечто особо ценное?

— Нет, вы того убили первым.

— А та вещь?

— Ее передали Сахниду. А тот Уланбеку.

— Где теперь Уланбек?

— Он убегал, — ответил он торопливо, — а дальше не знаю.

— Куда Уланбек должен быть пойти?

Он пролепетал в страхе:

— Умоляю, нам велели только охранять!.. Мы не знаем, кто он, куда пойдет!..

— Он не говорил насчет аэропорта или моря?

Он отчаянно затряс головой.

— Такие люди зря не болтают.

Я вздохнул.

— Хоть что-то еще можешь вспомнить?

— Нет, — прошептал он. — Я сказал все.

— Спасибо и на этом, — ответил я и выстрелил ему в голову, стараясь, чтобы брызги не попали ни на меня, ни на Ингрид.

Она вскрикнула:

— Зачем?

— Нужно чтить местную культуру, — ответил я. — Жизнь человека ничто, дела его вечны. Сейчас он как погибший на посту ушел прямо в рай. А там семьдесят две гурии, ноги уже раздвинуты. Все девственницы! Представляешь?

Ее передернуло.

— Ты не перепутал с адом?

— Пойдем, — сказал я, — Уланбек не мог уйти далеко.

— А где его искать?

— Не знаю, — ответил я честно. — Но наверняка на дороге в Европу. Ты знаешь, что в этом регионе, как и на Ближнем Востоке, в каждой семье в среднем по пять-семь детей? А то и по десять?

— Ну?

— И что, — напомнил я, — последние десяток лет численность населения практически не растёт... тебе ни о чем не говорит?

Она запнулась, проглатывая возражение, глаза стали еще круглее.

— Настолько все...

— Да, — подтвердил я, — абсолютно точно просчитанная политика госдепа позволила перессорить и сравить все племена и все конфессии. Так что здесь идет самая кровопролитная и непрекращающаяся война, что никому в Европе и Штатах не мешает. Как и России. Пусть воюют. Им это даже нравится... Романтика, героизм, подвиги, беззаветная отвага, жертвенность... Пойдем, рассиделась над трупом, как бабка на базаре над семечками.

— Я тебя когда-нибудь застрелю, — пообещала она с ненавистью в голосе.

— В спину?

— Такого можно и в спину, — отрезала она.

Я сказал со злостью:

— Снова тупик.

Она опасливо выглянула из подъезда.

— Вроде бы на улице тихо. Не очень-то и обратили внимание.

— Здесь такое часто, — заверил я. — Заморятся из-за всякой разборки полицию вызывать.

— А бандитов?

— Бандиты заняты более важным делом, — пояснил я. — За конкурентами нужно следить и придерживать, чтобы территорию не захватывали.

— Хорошо, что те отказались от погони...

— Еще бы, — сказал я. — Не говоря о том, что они понесли ущерб, ты гнала на такой скорости, от любого оторвешься.

Глава 10

И в самом деле все было здорово, водит она виртуозно, сумела выжать из автомобиля все, что он мог дать. Потому и не замечала, что по настигающим я стрелял, глядя в зеркало заднего вида, и если после первого выстрела поразил мужика с автоматом, то после одного неудачного следующим достал водителя.

Не знаю, попала пуля в голову или еще куда, но попала крепко, раз погоня осталась где-то сзади. Игра в догонялки оказалась еще проще, так что гнаться за нами сейчас просто некому.

Она вышла первой, но дождалась, пока я обгону, и пошла рядом, приотстав на полшага, чтобы соблюсти местные нормы.

— Как бы ту сволочь успеть захватить, — проговорила она с тоской. — Да еще живым бы... Часики тикают!

— Да-да, — согласился я, — а как, чтобы самим остаться живыми?

Она отрезала с аристократической небрежностью:

— Это менее важно.

— Восхитительно, — крикнул я. — Обожаю людей чести! Как всех милых дураков...

В сотне шагов впереди из переулков выехали два военных автомобиля и перегородили дорогу. Из обоих начали выскакивать люди, на ходу открывая огонь из малоформатных автоматов.

Еще несколько человек торопливо бросились под защиту стен и уже оттуда начали медленно продвигаться вперед, стараясь зажать нас в клещи.

Она вскрикнула в испуге:

— Устанавливают блокпост?.. Вчера его там еще не было, я изучила все карты, что ты мне дал!

— А сегодня есть, — пробормотал я. — Кто-то успел сообщить, что мы здесь.

— Нам не прорваться!

— Шанс есть, — сказал я, — но я ученый, а не авантюрист. Отступаем вон к тому подъезду.

— Спрячемся в здании?

— Да, — ответил я быстро. — Полагаю, камень прострелить труднее, чем кабину или борт...

— Тогда за мной, — прокричала она и, стреляя на ходу, бросилась к подъезду, я дважды выстрелил из пистолета, а она присела за корзинами с фруктами и тут же начала отстреливаться.

Я торопливо бежал к подъезду боком, как краб, отстреливаясь, стреляя в тех, кто подобрался слишком близко. Мозг работает так, что разогрелся, отчетливо вижу, как кто из нападающих держит оружие, это указывает на то, как выстрелит, когда выстрелит и в какую сторону полетят пули. Несколько человек уже ведут беспорядочный огонь, больше для того, чтобы напугать, не дать женщине высунуться, а тем временем кто-то попытается подбежать на расстояние прицельного выстрела...

Ингрид по взмаху моей руки вскочила и быстро преодолела расстояние до подъезда, а там, высунувшись из-за края открытой дери, открыла огонь. Я добежал под ее прикрытием, вскочил вовнутрь и захлопнул дверь.

— Быстро наверх!.. Куда, Фатима? За мной!

— Иду, иду...

Ненавижу эту беготню по коридорам и лестницам, не мое это дело — гнаться за кем-то и стрелять

в спину или отстреливаться самому, словно еще не вышел из раннего детства.

Но ирония в том, что хоть и вышел, но все человечество только переходит из детства в подростковую, потому действительно умные и одолевшие очередную ступеньку чувствуют себя в нем несколько неуютно, словно выросли из детской одежды, но обязаны ее носить. На лестнице между третьим и четвертым этажами навстречу попались двое благообразных арабов.

Я бегу с пистолетом в руке, оба прижались в испуге к стене и замерли, явно желая, подобно хамелеонам, слиться с нею хотя бы цветом.

Я крикнул на ходу:

— Будет стрельба!.. Спрячьтесь либо бегом на улицу!

Ингрид пробежала за мной, не удостоив их взглядом, страшная и непонятная с озверевшим лицом и автоматом в руках

На площадке четвертого этажа вскрикнула:

— Здесь?

Я на бегу помотал головой.

— Нет.

— Отступаем?

— Да, — ответил я, — ретирадствуем...

Она прокричала:

— Что-что? Что за ретирада?

— Слово, — крикнул я, — которое не терпел Суворов... Да ладно, и поумничать уже нельзя... Пошли-пошли!.. Что значит — пойдем-пойдем...

Она молча бежала следом, я крикнул на ходу:

— Ты бей из автомата, а мне можно из пистолета, я же профессор.

Она логики не поняла, женщины — прямые и бесхитростные существа, какими бы хитрыми се-

бя ни выставляли и как бы старательно мы им ни подыгрывали, но ломать голову не стала, для этого есть мужчины.

Мир перенасыщен оружием, из комнаты далеко впереди по коридору выбежал мужчина, увидел нас с Ингрид, развернулся и внезапно выстрелил дважды.

Я не успел бы вскинуть пистолет, потому выпалил прямо от бедра в ковбойском стиле. Отдача больно ударила рукоятью в ногу, но стрелок охнул, отшатнулся, пистолет из руки выпал, однако сам успел скрылся за углом, где вторая лестница на пятый этаж.

Я услышал частый стук подошв, как же эта сволочь быстро бежит, я не стал даже нагибаться за пистолетом на полу, мой все равно круче...

Он успел одолеть первый пролет, я увидел, как в гигантском прыжке одолел сразу три ступени, выстрелил, и он с разбега грохнулся вниз лицом.

Я подбежал, перевернул его пинком в слабой надежде, что вдруг это и есть тот, кто должен передать опасный вирус, но раненый блекло улыбнулся мне и сказал с трудом:

— Мудрый человек... я видел вас у шейха Ар-Рази...

— Что не спасло шейха, — ответил я со злым разочарованием, — и не спасет тебя.

Он ответил еще слабее:

— Ну не станете же стрелять в безоружного...

— Почему? — спросил я.

— По всем законам, — напомнил он, — это нечестно и неблагородно.

— А мне насрать на законы, — пояснил я вежливо, — которые пишут люди. Такие законы сегодня одни, завтра другие... Законы Божьи — вот законы!

Он дернулся, спросил торопливо:

— Какие... законы?

— Зуб за зуб, — напомнил я, — кровь за кровь. Разве не так сказал Аллах?

Он попытался слабо улыбнуться, мол, понимает шутку, а я чуть сместил ствол пистолета и нажал на спуск. Выстрел грянул неожиданно резко, я тут же повернул его чуть левее и придавил скобу.

Он запрокинулся, тяжелая пуля пробила лобную кость и вышла из затылка, расплескав кровь на стене.

Не глядя на трупы, где руководимые спинным мозгом тела еще не знают, что хотя они еще живы, но сам человек мертв, так как человек вообще не тело, а то, что человек создает...

За спиной грянули выстрелы, подбежала разъяренная Ингрид.

— Ты что с ним беседуешь?

— Ингрид, — сказал я с упреком. — Какие вы, женщины, не романтичные. Красивые слова — это так важно для самоутверждения!

Снизу донеслись автоматные очереди, что и понятно, такие воины очень часто палят в воздух, устрашая врага и, главное, подбадривая себя, хотя могли бы уже догадаться — мы не похожи на тех, кого можно пугнуть.

Я побежал как можно тише по коридору, из-за угла навстречу вышел боевик с автоматом под рукой и напоролся на удар ногой в голову. Я услышал костяной стук, когда он ударился затылком в стену, влажно хрустнуло, краем глаза увидел, как он завалялся, нелепо задрал ноги.

Можно было подхватить автомат, но не стал терять доли секунды, промчался по коридору, у выхо-

да один стоит ко мне спиной с таким же автоматом в руках, этот в самом деле бдит. Я схватил его сзади за голову, ладонью зажимая рот, и одним рывком свернул шею.

Он мог бы нажать на спуск, автоматная очередь привлекла бы внимание, но не успел.

Сорвав с его головы арафатку, я набросил на себя и, высунувшись из окна, прокричал визгливым голосом:

— Здесь франк и женщина! Они всех убивают!.. На помощь!

Тут же спрятался, но успел увидеть, как несколько человек сорвались с места и ринулись в подъезд.

— Держи оборону здесь, — велел я.

Она даже не спросила, куда это я намылился в одиночку, и так понятно, меня видели в окне пятого этажа, значит, до четвертого можно бежать без всякой опасности.

Я успел залечь на третьем, а когда показались бегущие по лестнице целой толпой, уже как-то почти привычно выдернул чеки из двух гранат и бросил навстречу, а потом открыл прицельную стрельбу из пистолета.

Два коротких сухих взрыва в замкнутом помещении иссекли осколками всех, стены и ступеньки забрызгало кровью, я насчитал шесть трупов, далеко внизу раздались крики, полные ярости, но смысл их понятен будет даже Ингрид.

Я выждал, а когда наиболее отважные попытались, часто стреляя, подниматься по ступенькам, двумя выстрелами поразил обоих. Снизу послышалась резкая команда, как я понял, был приказ не давать поднять мне голову, чтобы другие могли под прикрытием плотного огня приблизиться...

Пули с треском ссекали со стен штукатурку и куски легкого пористого камня, ступеньки снизу и площадку вокруг меня засыпало белым. Я выстрелил еще трижды, но надо беречь патроны, отступил почти ползком, а потом, низко пригибаясь, побежал вверх.

Они стреляли вдогонку, мой мозг холодно отсчитывал выстрелы и вероятность попадания. Пусть и мала, но все равно моей ошибкой было допустить такое, когда можно было бы избежать...

Ингрид лежит на лестничной площадке пятого этажа, автомат в боевой готовности, сказала с отворачиванием:

— Это чем ты вымазался?

— Птички накакали, — буркнул я.

— Геройствуешь, — сказала она с раздражением. — Догеройствуешься.

— За окнами смотри, — ответил я. — Эти ниндзя всюду пролезут!

— Какие тут ниндзя?

— Но здесь же Тунис, — напомнил я.

— Ниндзя в Японии, — просветила она в покровительственной манере и с чувством абсолютнейшего превосходства. — А еще профессор!

— А Тунис разве не, — сказал я, — ладно, я же не в шляпе, мне можно. Отряхни?

Она фыркнула:

— С чего бы? А потом еще и почесать?.. Так ты лучше маскируешься под всякий хлам. А мне важнее доставить тебя взад хотя бы живым, пусть и помятым.

Держа в правой пистолет, я вытащил левой смартфон, нажал на кнопку, послал сигнал вызова.

— Готов, — послышался напряженный голос Левченко.

— Слушай внимательно, — сказал я быстро, — это защищенная линия, никто посторонний не услышит. Мы в доме на улице Бургибы, он здесь единственный пятиэтажный. Нас осаждает большая группа... Нет, не полиция и не войска... Не спеши, окружи и начинайте выбивать аккуратно, не давая уйти... Да, мы продержимся... Говорю же, не волнуйся! Здесь же сама Ингрид. Да, та самая... Спасибо за сочувствие...

Ингрид оглянулась.

— Ты говорил с Левченко?

— Да.

— Уверен, что продержимся? К ним подъехал еще грузовик!.. А там пара гранатометов.

— Не выглядывай в окна, — предупредил я.

— Я по шуму двигателя, — отрезала она. — Прибыли на «Вольво-430». Съел?

Я посмотрел через камеры наблюдения, грузовик в самом деле «Вольво», я мог бы добавить, что 2012 года выпуска, но надо изживать это мальчишество, я же все-таки действительно профессор, а не что-то вроде лихого. Профессорам лихость не только противопоказана, но и смотрится как на ковре седло.

На этот раз они подготовились к атаке лучше: ударили из автоматов и пулемета с такой мощностью, что нам на головы посыпалась не только штукатурка, но и крупные куски камня.

Я продолжал высчитывать интервалы между выстрелами, стрелял одиночными, но, чувствую, в рядах противника растет замешательство. Огонь с нашей стороны не плотный, а потери заметные...

Ингрид сбросила со спины рюкзак и, не отводя взгляда от лестницы, быстро сунула в него руку.

— Что-то еще? — спросил я.

— Крайнее средство, — ответила она мрачно.

Она ещё не успела ничего достать, как я все понял, ориентируясь на ее голос, тембр, нахмуренные брови, форму рюкзака и еще сотню даже мне непонятных деталей, но мозг сказал моментально: контактные мины.

Ни разу не держал в руках, но это не значит, что не умею ими пользоваться. Инструкции пишутся настолько ясно, даже полные дебилы не должны ошибаться... хотя ошибаются, вот и сделаем вид, что кто-то ошибся.

— Надеюсь, — сказал я, — не скажешь, что убивать атакующих надо с разбором, чтоб не задеть невиновного, ага. Среди тех, кто стреляет по нам и вот-вот пойдет в атаку, нет средних людей...

Она буркнула:

— А кто?

— Сама знаешь, — ответил я, — только пламенные энтузиасты и полные дебилы. Правда, во главе должны все равно стоять умные люди, вот идея коммунизма вся на энтузиазме и вере в людей, но помогли устоять столько веков и даже создать страну коммунистов именно умные, расчетливые и прагматичные...

Я говорил почти на автомате, мозг разогрет и постоянно требует какой-то работы, вот и пусть умничает вслух, а руки почти автоматически, управляемые сознанием второго, а то и третьего уровня, вытаскивают мины, взводят и лепят на стены так, чтобы взрыв шел от них, а то и нас придавит...

Ингрид, с автоматом в руках, пятилась тоже, прикрывая меня, занятого такой интересной и важ-

ной работой, это не мышкам уколы ставить, здесь думать надо...

Мины не крупнее ручной гранаты, но куда разрушительнее, так что нужно либо на долгой выучке, какой у меня нет, либо на моих собственных расчетах...

Я скривился, вот так у нас устроена вся жизнь, мозг даден мощный, а используем для того, чтобы кого-то обойти, обжулить, а то и замочить вовсе, сволочь такую, а чего он, да и вообще...

— А теперь, — сказал я, — пару выстрелов и... уходим.

Она дала короткую очередь, я выстрелил из пистолета один раз, чтобы они знали, нас здесь двое, Ингрид по моему знаку начала было отступать, но тут же остановилась, зыркнула на меня зло.

— Ну?

— Да иду я, — сказал я, — иду...

— Иди впереди!

— Капитан, — сказал я с угрозой, — как насчет субординации?

Она молча побежала по длинному коридору на ту сторону дома, где вторая лестница, так называемая черная, когда-то по ней ходили слуги и всякие там зеленщики, мясники и молочники.

Я, высчитывая интервалы, посылал сигналы магнитным минам. За нашими спинами раздался грохот, треск, донеслись крики, стены затряслись, на головы посыпалась штукатурка.

— Пошли вниз, — велел я, — но береги патроны. Там их не меньше десятка... и что-то все такие толстые... неужели в бронежилетах?

Она не ответила, взгляд, как боевой лазер, перепрыгивает с одной мишени на другую. Я выстре-

лил трижды, один внизу на лестнице завалился навзничь, второй рухнул вниз лицом, третий просто осел по стене.

Ингрид завалила двух и повернула ко мне сияющее лицо.

— Получилось!..

— Не отставай, — велел я.

Впереди застрекотали автоматные очереди, мощно ударил пулемет. Ингрид вскрикнула:

— Челубей?

— Вовремя, — согласился я.

Не слушая меня, она пронеслась по ступенькам вниз, в холле несколько убитых боевиков, а когда мы выскочили на улицу — из «хамми» приглашающе машут Левченко и Затопек.

Ингрид с разбега вскочила в джип и сразу оказалась на сиденье рядом с Куцардисом, что крепко держится за баранку, а нога на педали газа.

— Ну ты где?

— Бягу, — заверил я. — Бягу, как говорят в спецназе.

Она фыркнула, когда я перевалился через борт, Куцардис тут же рывком сдернул автомобиль с места.

Левченко сказал быстро:

— Захватим Челубея. Он на позиции...

Челубей с пулеметом в руках выбежал из подъезда соседнего дома, моментально запрыгнул в кузов, Куцардис резко рванул машину с места.

— Что с ногой? — крикнул я Куцардису. — Почему хромаешь?

Он страдальчески скривился.

— Водянку натер... камешек попался, некогда было вытряхнуть. А когда собрался, водянка лопнула... Там сейчас такое, смотреть страшно...

— Жуть, — согласился я. — Это все равно что Ингрид ногой обломит. На том пальце, которым в ухо ковыряется. Потом в носу. А потом снова в ухе...

Ингрид сказала едко:

— Спасибо, что смолчал про жопу. Ты же такой культурный, для тебя вообще нет границ.

— Профессор, — откликнулся Челубей с уважением. — Ему все можно. А что не сказал, так это и так понятно.

— Но-но, — сказала Ингрид. — Мне тоже понятно, что кто-то от меня получит. Не скалься, ногой в зубы!

Куцардис гнал автомобиль к выходу из города, торопливо лавируя между прохожими, им до сих пор невдомек, что существует часть улицы только для автомобилей, а Затопек сказал тоскливо:

— Что им жизнь не дорога, это понятно, когда рождается все равно больше, сколько бы ни погибало... Но, блин, откуда деньги на такие дорогие развлечения?... Как они живут, когда не работают, а только дерутся друг с другом?

— Нефть, — ответил Левченко с ноткой зависти. — Здесь все пропитано нефтью. Это у нас надо бурить на километры в вечной мерзлоте, а здесь копни лопатой — нефтяной фонтан!

— Повезло мордам...

— Потому и богатеют эти страны, — сказал Левченко. — Сотни миллионов долларов переходят из рук в руки с такой легкостью, словно это яблоки.

— Сотни миллионов? — переспросил Челубей с недоверием. — Даже в большой чемодан больше десяти тысяч долларов не влезет!

Левченко сказал покровительственным тоном:

— В третьем тысячелетии необязательно быть лесными братьями в степях Малороссии. Деньги необязательно держать на счету. Можно просто в каждом городе, где есть свои интересы, держать в банке депозитный ящик. А там помимо наличных еще и паспорта, флешки с данными, адреса новых квартир, где можно организовывать встречи... Верно говорю, профессор?

— Точно, — согласился я. — Это уже культура!

Ингрид сказала сердито:

— По-твоему, это культура?

— Прогресс, — уточнил я, — и хай-тек. Они как раз и являются в наше время лицом культуры. Не литературу же или живопись считать культурой?

Челубей сказал с возмущением:

— Как можно? При чем здесь литература?.. Культура — это ваш «Марк-23», снайперка а ля Баррет и мой родной и такой красивый пулемет, что просто верх искусства и дизайна...

Я прервал:

— На выезде из города дорога перегорожена. Боевики засели в доме рядом с оградой. Куц, оставайтесь во-он там у поворота, а сами езжайте, но смотрите не на ограду, а на окна... и стреляйте по ним. Но не спешите!

Левченко спросил быстро:

— Что значит — сами езжайте?

— У меня миссия, — ответил я и выскочил из автомобиля.

Через два дома, прячась под стенами, я вбежал в тот крайний, услышал, как разом вспыхнула стрельба, и сам как можно быстрее взбежал по черной лестнице.

Четверо боевиков в комнате ведут беспорядочный огонь из окон, я подкрался на цыпочках и, собравшись, быстро-быстро выстрелил четыре раза им в затылки. Стрельба оборвалась, у двух автоматы вывалились на ту сторону.

Из соседней комнаты грохочут точно такие же выстрелы, я прислушался к голосам, особенно к тому, что раздает приказы, прокричал как можно громче:

— Шурале? Который Ричард Львиное Сердце?

Из-за стены донесся крик:

— А-а, ты уже здесь, сволочь?..

Я крикнул громче:

— Давай поговорим?.. Я выхожу без оружия... хорошо?

Он подумал, слышно было, как переговаривается со своими, наконец крикнул:

— Выходи!

— Стрелять не будете? — спросил я.

— Пока что нет, — ответил он и сказал своим на арабском: — Выходим. Но держать его на прицеле. Он опасен.

Я медленно вышел с поднятыми руками на середину комнаты, через пару секунд выдвинулся и он, пистолет в руке нацелен мне прямо в грудь.

— Ты чего, — сказал я с укором, — я же без оружия!

— А в кобуре? — спросил он. — Видел-видел, как ты выхватываешь!.. Глаз не успевает... Потому сейчас медленно-медленно вытащи двумя пальцами и роняй на пол.

— Это нечестно, — сказал я с укором. — Ну, если тебе так страшно...

Он нервно дернул щекой.

— Не страшно, но я профессионал.

Я сделал, как он сказал, но когда пистолет ударился о пол, мы по-прежнему не сводили друг с друга прицельно острых взглядов.

— Отступи, — велел он. — Еще...

Я молча смотрел, как он отшвырнул носком сапога пистолет, ухмыльнулся, крикнул на арабском:

— Фараб, Кавейх, Ибрагим, выходите!.. Познакомьтесь с героем-франком, который столько людей перебил по дороге сюда.

В проеме двери появились трое с автоматами, лица настороженные, но в глазах уважение, явно этот Шурале рассказал о налете на его лагерь.

— Быстро же ты бегаешь!.. — сказал он покровительственно. — Но как хорошо, что оставил те два автомобиля! Видишь, как я тебя догнал?.. Хотя трупов ты оставил по дороге, видел, видел... Впечатлен.

— А здесь у тебя еще группа? — спросил я.

Он качнул головой.

— Нет, но у меня репутация. Сразу же ко мне перебежали... Теперь от меня не вырвешься. Я знаю, на что ты способен. Молиться тебе не предлагаю...

Я кивнул на троих, что встали с ним рядом.

— А посмертный салют мне будет? Все-таки я не простой рядовой.

Он ухмыльнулся.

— Обещаю... Это все, что осталось от моего нынешнего отряда.

— погоди, — сказал я торопливо и жалким голосом, — ты победил, это и козе понятно, но скажи, почему ты с ними? Я же вижу перед собой не просто европейца, а человека образованного и культурного, это не скрыть... Почему ты с ними...

Он усмехнулся.

— Договаривай. С такими дикарями?

— Ну типа...

Боевики нахмурились, один засверкал глазами, другой выразительно провел большим пальцем себе по горлу, намекая, что меня ждет.

Шурале двинул плечами.

— В мире что-то случилось. Наверное, мы стали слишком быстро карабкаться по лестнице очеловечивания. И человек устал. Его натура возмутилась насилием над ее природой.

Я возразил:

— Это учитывается, и приняты соответствующие меры, чтобы уравновесить это давление.

— Какие?

Я, как и он, двинул плечами.

— Свободы, каких раньше не было. Строгая мораль разрушена, никто не требует невест-девушечниц, на пляжах полно голых, в сексе разрешено все, легализованы геи, лесбиянки, разрешена педофилия, некрофилия и все остальное... Взамен требуется только быстрее продвигать науку и хай-тек, чтобы поскорее достичь безопасности для человечества.

— Но не получается, — ответил он.

— Разве?

Он прямо взглянул мне в глаза.

— А откуда тогда этот стремительный рост ислама?.. Распространение халифата?.. Почему даже интеллигентные и глубоко культурные люди бросают все и вступают в его ряды?

Я развел руками.

— Всегда какие-то особо впечатлительные бросали все и уходили то в буддизм, то в леса уединять-

ся с Творцом, а самые рерихнутые лезли в Гималаи к снежному человеку в семью.

— Верно, — подтвердил он. — Но тогда это были одиночки, а теперь стало массовым. Человек устал от культуры! Устал ходить постоянно застегнутым на все пуговицы. Вроде бы в сексе может все, но человеку этого мало. Дикие варвары разгромили могучий Рим!

— И вы встали в ряды варваров, — сказал я полутвердительно. Он кивнул, соглашаясь, — но сейчас наш Рим на пороге величайших открытий, что дадут всем людям на свете любые блага, которые те пожелают.

Он хмыкнул.

— Вы заиклены на материальных благах, вот что губит Старый Свет. У вас забыты такие понятия, как честь, достоинство, близость к Творцу сердцем и душой. А сейчас именно это, как говорят у вас, в тренде.

Я возразил:

— Мне кажется, Творец как раз и покровительствует нам, чтобы мы развивали науку и хай-тек! Аллах сказал, что чернила ученого ему так же дороги, как и кровь мученика!

— Так же, — согласился он, — но не выше. А в Старом Мире чернила ученого — это все, а кровь мученика... это ничто, это же дикарь! Но мы, новые люди, готовы исправить эту несправедливость... Да-да, я принял ислам, как ты уже догадался...

Мой метаболизм уже ускорился, сердце колотится, как у воробья. Они все уже расслабились, их четверо, я один и безоружен, жду смерти, стволы опустили...

Мышцы взвыли от перегрузки, когда я рванул-ся, а боевики, что расслабились было, очень-очень

медленно начали шевелиться, поднимая стволы и поворачивая в мою сторону.

Шурале выстрелил, но я за мгновение до того, как нажмет на курок, сместился, выхватил у него из руки пистолет, быстро-быстро всадил по пуле в головы всем троим ошалевшим от такой скорости боевиков.

Шурале с проклятием хлопнул себя по карману, я торопливо выстрелил ему в кисть руки.

Он вскрикнул и затряс раненой рукой. Я чуть сдвинул ствол, нажал на спуск, и еще одна пуля ударила в левое плечо.

Трое рухнули на пол, из простреленных голов кровь потекла густыми ручьями. Шурале покачнулся, но удержался на ногах, я на всякий случай держал его под прицелом, а он с белым, как у покойника, лицом смотрел на меня злобно и растерянно, раненой кистью попытался закрыть дыру в плече.

Я сказал извиняющимся тоном:

— Мне показалось, ты левша.

Он прохрипел:

— Сволочь... я в самом деле бью с обеих рук, но пистолет на земле, не видишь?

— А вдруг у тебя в заднем кармане, — сказал я. — Лучше не рисковать.

Он зло блынул глазами, я понял, что в самом деле где-то припрятан пистолет поменьше размерами, а то еще и десантный нож.

Он сказал слабым голосом:

— И что теперь?..

— Тебя бы зачистить, как говорят профи, — сказал я. — Ты так и делаешь, верно? Но я не профи, я человек здесь в самом деле случайный. Так что про-

сто свяжу, а там либо перетрешь веревку, либо найдут раньше, чем сожрут крысы.

Не спуская с него глаз, я подошел к боевику, что обещал перерезать мне горло. Из рта течет широким потоком кровь, глаза испуганные, я только сейчас понял, что это почти подросток.

— Коей мерой отмериваете, — сказал я, — той мерой и воздастся и вам, как сказал Всевышний...

Я коротко полоснул ему по горлу лезвием ножа, снял с груди длиннющий шнур с множеством костяных шариков.

— Свяжи себе ноги, да покрепче. Руки, ладно, свяжу сам, но учти, малейшее движение... Вот возьми тряпку.

Он буркнул:

— Потная, воняет.

— Там кровь твоего напарника, — сказал я с укором, — отнесись с уважением к павшему за вашу и нашу свободу, чтоб землю в Гренаде халифу отдать... Завязывай себе глаза... Чтоб не видел меня, когда буду связывать тебе руки. Я не профи, но я осторожный...

Он пробурчал:

— Ага, другому скажи... А ты живучий, гад.

— Наука бессмертна, — ответил я. — А вот мафия нет.

Он сказал с усилием, словно вдавливал в мягкое дерево гвоздь:

— Но ты здесь умрешь...

— Вряд ли, — сообщил я. — Как постчеловек я предпочту вечную жизнь. А потом, когда вселенная начнет схлопываться, посмотрим, как ее бигбангнуть снова.

Он спросил неожиданно:

— А почему... не ликвидировал? Ни в тот раз, ни в этот?

Я ответил словно бы нехотя:

— Думаю, твою дочь это огорчило бы. Не хочу обижать ребенка.

Он дернулся, лицо стало еще бледнее.

— Что?.. Какая дочь?

— Анастасия, — ответил я. — Анастасия Васильева. Достойная у нее фамилия, не то что Львиное Сердце, который получил это прозвище за звериную жестокость к пленным. Она вчера заняла первое место среди виолончелистов на всероссийском конкурсе школьников!.. Подумать только, первое... Нежная такая, трепетная, беззащитная, но волевая... Глаза синие, как у тебя, но личиком больше в маму... Да ты и сам знаешь.

Он смотрел на меня остановившимися глазами.

— Что?.. Не может такое быть...

— Может, — заверил я. — Говорю же, пошла в маму. Та тоже музыкальное училище закончила, но с тобой какая музыка...

Он помотал головой.

— Ладно, это знаю я, но откуда ты...

Я сказал с тем презрением, с каким говорят олигархи с бездомными нищими:

— Ты даже не знаешь в этой пустыне, как далеко шагнула наука. О каждом человеке можно узнать все... Нужно только знать, как.

Он сказал медленно:

— И ты та самая сволочь, что знает, как?.. Понял, можешь не отвечать. Значит, ты птица более высокого полета, чем нам сказали. Или выполняешь какое-то очень важное задание, раз у тебя все ресурсы... Надо было запрашивать за твою голову больше.

— А ты не совсем дурак, — ответил я, — хотя если побегать в этой пустыне наперегонки с обезьянами, как делаешь ты, можно вообще самому стать бабуином. Или павианом. Здесь все выходы под наблюдением?

Он буркнул:

— Все.

— Не бреешь, — сказал я с удовлетворением. — Понятно. А дальше по улице?

— По центральной, — ответил он нехотя, — просматривается до конца квартала, на перекрестке с восемью камер, в переулке еще две... Кроме того, каждая фирма считает своим долгом держать под наблюдением весь квартал вокруг себя!.. Здесь живут богатые люди, не заметил?

— Ты что-то знаешь, — спросил я, — почему такие силы брошены, чтобы остановить нас?

Он буркнул:

— Наверное, что-то сперли важное?

— Напротив, — ответил я, — стараемся не дать важное вывести в Европу. Из секретной лаборатории, которую мы уничтожили, везут опасный вирус, что убьет в Европе несколько миллионов человек. Или несколько десятков миллионов.

— Ого, — сказал он с невольным уважением. — Кто-то играет по-крупному. А где тот вирус сейчас?

— В пути, — ответил я, — похоже, мы его упустили.

Он потрогал плечо, поморщился.

— Отсюда только один путь. В Келибию. На сколько вы отстали?

— Боюсь, — ответил я, — на два-три часа.

Он кивнул.

— Тогда вы проиграли. Келибия на мысе Эт-Тибе, оттуда до Италии можно доплыть даже на весельной лодке.

— Прощай, — сказал я. — Подумай над своей жизнью, Иван Львиное Сердце...

На улице уже тишина, я выбежал с разбегу и сразу прокричал маячившему у соседнего лома Левченко:

— Машина есть?.. Быстро уезжаем! Дорога на мыс Эт-Тибе!.. В Келибию.

Куцардис подогнал джип, мы попрыгали в кузов, дальше он выжимал все из двигателя, а в кузове впервые стоит тишина, тяжелая и гнетущая, а на лицах я тоже в первый раз увидел тень поражения.

Шурале прав. В Италию проще и ближе всего попасть из Келибии, так большинство беженцев и делает. Я моментально прикинул, сколько и на что у них уйдет времени. Гонец с таким ценным грузом не рискнет в одиночку, постарается прихватить отряд боевиков, а для этого придется взять какое-то судно. То ли захватят, то ли арендовано уже заранее. Скорее всего, уже стоит у причала арендованное, эти ребята денег не жалеют, Саудовская Аравия платит щедро.

Та-а-ак, надо посмотреть насчет аренды... Хотя вряд ли эти ребята проводят платежи через банки, скорее нал из рук в руки, это проследить труднее, но это неважно, сейчас важнее, когда какой корабль отдаст швартовы и выйдет в море...

Холод пробежал по спине, я крикнул Куцардису:

— Жми! Все зависит от нашей скорости!

По нашим российским меркам до мыса Эт-Тибе рукой подать. Удивительно, но по дороге никто

не попытался нас остановить. Келибия хоть и рядом, но порт чуточку в стороне, чтобы рабочим настроением не мешать беспечной курортной жизни.

На скорости влетели на самый крайний причал, там уже пусто, разве что далеко-далеко виднеется уходящее судно, огромный двухпалубный паром.

Только один человек идет навстречу по причалу, спокойный и с таким видом, что наконец-то выполнил трудную и тяжелую работу, что спасет мир.

Куцардис остановил машину резко, я выпрыгнул и, не доставая пистолета, заорал:

— Тебе последнему передали флягу с вирусом!.. Где она сейчас?

Немолодой араб бесстрашно взглянул мне в лицо непривычно светлыми глазами.

— Ты опоздал, франк, — ответил он кратко.

— Давно корабль отошел?.. Это вон тот, да?.. С двумя палубами?

Он кивнул.

— Вам его не догнать. Скоро будет в Италии. И все сойдут на берег.

— У кого из них фляга?

Он посмотрел на меня с видом полнейшего превосходства.

— Ты во всем опоздал, франк. Фляги уже нет.

Из машины, направив на него стволы, слушают, затаив дыхание, только Челубей ругнулся вполголоса.

— Что случилось? — спросил я резко.

Он сказал победно и с воспламененным взглядом:

— Фазлур Хосейн и его люди принесли себя в жертву!.. Они вобрали в себя этот дар карающей длани Аллаха, а когда придут в проклятую Аллахом землю франков, сразу разойдутся во все стороны.

— Сколько их? — крикнул я.

— Их почти сто человек, — заявил он, — но пока доплывут, уже все люди на корабле станут носителями кары для франков! И ваш мир содрогнется и обрушится в ад...

— Но сперва туда пойдешь ты, — прошипел я.

Пистолет я выхватил, выстрелил и убрал обратно в одно движение, но в теле такая тяжесть, словно оказался на поверхности нейтронной звезды, убийство этой сволочи все равно ничего не решило, даже не утешило.

Левченко сказал быстро:

— Командир! Мы все слышали. На корабле не меньше шестисот беженцев. Если они все будут заражены...

— Будут, — ответил я. — И помешать мы не в состоянии.

Ингрид прошептала в отчаянии:

— Мы... проиграли?

— Это не игра, — ответил я тяжело, — но, похоже, мы потерпели поражение. А с нами и весь мир.

Все умолкли, глядя, как я стиснул челюсти, обдумывая ситуацию. Напряжение стиснуло череп с такой силой, что голова разболелась, как при дикой мигрени, а барабанные перепонки щелкнули, и даже стал хуже слышать. Мозг, будто квантовый компьютер, просеивает город и его жителей через крупные и мелкие сита, выискивает, за что уцепиться.

Отойдя в сторонку, я набрал в мобильнике номер, дождался настороженного «алло» и сказал быстро:

— Сэр Джонс, я по рекомендации наших общих друзей. Миллион долларов за один срочный рейс вашего самолета.

На том конце некоторое время молчали, наконец голос ответил сухо:

— Не думаю, что у нас есть общие друзья. Вы ошиблись номером...

— Секунду, — быстро сказал я. — Если на ваш счет сейчас упадут полмиллиона долларов авансом, признаете меня клиентом?

Он ответил после паузы:

— Ну, если знаете мой банковский счет и в каком из банков...

— Дайте две минуты, — сказал я, — затем проверьте счет.

— Хорошо, — ответил он и тут же отрубил связь.

Головная боль уже прошла, я с облегчением перевел дыхание. Чтобы перекинуть деньги с одного из тайных счетов наркомафии Колумбии или Парагвая, хватило бы и полминуты, давно к ним присматривался, но пусть лежат, хотя можно сделать и свой тайный счет для финансирования вот таких непредвиденных затрат.

Через две минуты я позвонил, тот же голос, заметно повеселевший и чуточку удивленный, ответил бодро:

— И что вы хотите?..

— Ничего противозаконного, — заверил я.

— Точно? Как интересно...

— Ничего противозаконного, — уточнил я, — с точки зрения человечества и нашего Белого Брат-

ства. Ваш самолет, как вижу, на приколе. Вам добраться до него всего пятнадцать минут. Еще десять на разогрев...

— И десять на проверку, — уточнил он. — Сами поведете или...

— Можем и сами, — ответил я, — но куда лучше, если за рулем будете вы. Убедитесь, что самолет не повредим.

— Гм, — сказал он, — надо было запросить больше. Хорошо, поведу я сам.

— И вообще, — добавил я, — убедитесь, что с нами сотрудничать можно. Мы по одну сторону против тьмы и невежества. Вторая половины суммы ваша, когда самолет будет еще в воздухе.

— О'кей, — ответил он бодро. — Что-то особое захватить?

— Нет, — ответил я, — хотя у вашего приятеля, не буду называть его имени, он живет в соседнем квартале, я бы кое-что купил.

Голос стал настороженным снова.

— Хорошо. Заедете сперва к нему?

— Да, — ответил я. — Звякните ему, мы сейчас и подъедем. А оттуда сразу к самолету.

Куцардис крикнул торопливо:

— Куда гнать?

— Здесь рядом, — ответил я. — Три минуты. Но лучше на машине.

Я вскочил в кузов, Куцардис тут же развернул машину в обратную сторону и погнал в город.

Я сказал быстро:

— Всем оставаться в машине! Ингрид, сделай вырез пошире, улыбайся, как шлюха. Любая порочная леди должна уметь вести себя так, чтобы все шлюхи сдохли от профессиональной зависти...

Остальным ждать!.. Куц, останови вон перед тем домиком!

Дверь открыл высокий плечистый блондин в майке, под тонкой тканью отчетливо бугрятся как мощные пластины груди, так и бицепсы, лицо красиво мужественное, шрам на подбородке и на скуле, нос ломали дважды, если не трижды, зубы красивые, с несточенной кромкой, явно вставил недавно.

— Ганс Мюллер? — спросил я. — Наш приятель обещал предупредить, что по дороге на рыбалку заедем к вам.

Он отступил в глубь дома, успев бросить взгляд по сторонам.

— Заходите.

Ингрид вошла следом за мной, уже раскованная и разбитная, но Ганс заметил что-то еще, ухмыльнулся, признавая ее профессионализм совсем не в женских делах.

Едва за мной захлопнулась дверь, я сказал напряженным голосом:

— Срочно пару зажигательных бомб. Чем мощнее, тем лучше. За ценой не стоим. Дело чрезвычайное.

Он посмотрел внимательно.

— Рискованная затея...

— Называйте цену, — сказал я быстро. — Ганс, мы тоже из Белого Братства. Потому я пришел к вам. Это не только бизнес, мы сражаемся за чистоту белой расы против всяких грязных негров, вздумавших командовать в нашей трансвальской Африке! И прочих арабов.

Он подумал, вздохнул.

— Хорошо, идите за мной.

Дальняя комната заставлена старой мебелью, он подошел к огромному книжному шкафу, ухватился, с силой потянул в сторону. Я помог, за шкафом оказалась плотно закрытая дверь из толстого листа стали.

Я ждал, пока он открывал ее старинным ключом, навстречу пахнуло достаточно чистым и сухим воздухом, хотя ступеньки повели в подвал.

Еще одна дверь, за нею распахнулся во всей красе мужской мир: на стенах развешаны автоматы, винтовки, десятки разных пистолетов, парочка гранатометов...

Я сказал восторженно:

— Здесь бы и спал... и видел прекрасные сны!

Он довольно ухмыльнулся.

— Я тоже сюда прихожу отдыхать. Наверное, я буддист в душе. Такое умиротворение и единение со Всеми́рным Ду́хом... Какие вам заряды?

— Две фугасных, — сказал я. — Вижу, у вас только мелкие... А помощнее нет?

Он покачал головой.

— Эти и так разнесут все, что угодно. Куда вылетаете?

— Скажу на борту самолета, — ответил я. — Стоп-стоп... это что, осколочная такой мощи или термобарическая?.. Вот уж не ожидал... Откуда?

Он ответил уклончиво:

— Я покупаю все, что представляет ценность. А эта штука, хоть и нигде применить, все-таки редкость...

— Миллион долларов, — сказал я.

Он посмотрел на меня внимательно.

— Уверены?.. Тогда деньги вперед.

— Минутку, — сказал я. — Пусть моя женщина побудет с вами, а я отойду на полминуты...

Я в самом деле отошел в сторону с планшетом, потыкал пальцем, пару раз они слышали, как я ругнулся на медленных операционистов, но через полминуты я крикнул:

— Готово! Проверьте счет.

Он сунул руку в карман за смартфоном, Ингрид тут же сдвинула ствол автомата в его сторону.

Он улыбнулся.

— Хорошая у тебя жена. Сколько за нее хочешь?

— Я бы отдал и даром, — сказал я со вздохом, — а то еще и приплатил бы, но, увы, она берберка...

Он сказал понимающе:

— А-а-а, это она тебя покупала?.. И сколько дала?

— Двух коз, — сообщил я грустно. — Неужели больше не стою?

Он покачал головой.

— Действительно, даже оскорбительно. Я бы оценил в трех коз... Ого, наши банки работают лучше, чем правительство! Все, счет пополнен. Забирайте. Узнаю профессионалов высокого класса.

Левченко с ребятами перенесли, прикрывая на всякий случай от постороннего глаза тряпками, три бомбы в кузов джипа: фугасную, зажигательную и осколочную с дистанционным подрывом, а через шесть минут примчались на поле к самолету Джонса.

Он вышел навстречу, такой же крупный и чем-то похожий на Ганса, наверное, такими и были первые европейские поселенцы в Африке, основавшие прекрасную республику Трансвааль, что потом стала называться Южно-Африканской республикой и дольше всех оттораживалась стеной апартеида от коренного населения негров.

Я вскинул руки в нацистском приветствии.

— Слава Белому Братству!.. Самолет в порядке?..
Вылетаем немедленно.

Он кивнул.

— Полетят все?

— Со мной двое, — ответил я, — помогут. Нет, лучше трое.

Он кивнул, понимая меры предосторожности, дождался, когда бомбы перенесут в салон, где с ними сели Челубей и Левченко, закрыл за ними и, по-свистывая, пошел к кабине, куда уже сел Куцардис с пистолетом в руке.

Я занял место в салоне, дистанционный взрыватель в нагрудном кармане, теперь только страх, что можем опоздать, судно с усиленным мотором развивает приличную скорость, а это значит, могут высадиться на берег Италии в тот момент, когда колеса самолета оторвутся от земли.

Самолет живо вырулил по траве в сторону моря, мотор зарычал громче, пропеллер раскрутился так, что лопасти превратились в полупрозрачный круг.

Самолет начал разбег, от земли оторвался достаточно легко и сразу пошел над морем в широком проеме между ярко-синим небом и сине-зеленым морем.

Купол над нами выгнулся ярко-синий, далеко внизу вода светло-зеленая, кое-где виднеются рыболовецкие суденышки.

Мир безгранично просторен, эпичен и радостен, каким может быть только в этих краях, где много солнца, ярких красок, вообще не бывает ни зимы, ни даже хмурой осени.

Я всматривался в раскинувшийся под колесами самолета простор, суденышки попадают доста-

точно часто, но все не то, наконец высмотрел со спутника, что среди всех судов в этом регионе наш паром направляется сразу в Италию, хотя могли бы добраться до острова Пантеллерия, что всего в сорока трех милях от Туниса, что тоже Италия, но это не то, оттуда можно тоже только морем, а Фазлура эти задержки точно не устраивают...

Потому сразу в Сицилию, там напротив Туниса город Марсана, откуда воздушные пути, железные дороги, а еще ходят превосходные пассажирские лайнеры на материковую Италию, как и во Францию, Германию и всюду-всюду.

Я сказал с облегчением:

— Как хорошо, что не стали размениваться на Пантеллерию, а выбрали цель покрупнее. У нас есть шанс... Пока доплывут до Сицилии, мы догоним.

— Тьфу-тьфу, — сказал Челубей.

— Два раза тьфу-тьфу, — согласился Левченко. — И еще раз тьфу.

— Но как набрали столько людей, — сказал Челубей, — готовых умереть...

— ... ради того, — договорил я, — чтобы навредить Европе?.. Шутишь, да?.. Шахиды обвязываются взрывчаткой, чтобы взорвать себя и прихватить на тот свет пару неверных, а лучше трех-четырех, а тут каждый может убить десятки тысяч!.. Представляешь, десять тысяч каждый из них заберет вместе с собой!.. А потом помрут миллионы! Можно ли вообразить такое щасте?.. Да там за место на судне точно драка была.

Левченко пробормотал:

— Да один только островок под названием Сицилия неплохо опустошить, это же пять миллионов проклятых европейцев!.. Но, понятно, никто там не

останется, все поспешат нанести удар в сердце Европы, заражая все на пути...

Челобей сказал быстро:

— А если сообщить итальянской погранслужбе, что среди беженцев люди халифата, что везут опасный вирус?

Левченко покачал головой.

— Начнется бюрократия, пойдут перепроверки, не провокация ли, чтобы обидеть и без того измученных беженцев и вызвать волну негодования в исламском мире и среди правозащитников, чтоб они передохли...

Челубей сказал кровожадно:

— Вижу!.. Вон там!

Левченко всмотрелся, бросил лениво:

— Простое рыбацкое...

Еще через полчаса полета уже Левченко прокричал:

— Судно!.. Прямо по курсу!

Челубей ответил довольно:

— Да вот так, нашего пилота не собьешь... Прет прямо за ним по курсу, щас догонит...

Я с тревогой смотрел в появившийся далеко на горизонте берег. Корабль идет шустро, хотя и не на пределе, но только потому что переполнен.

Сердце на миг сжало неприятное чувство, судя по всему, там не меньше пятисот человек. На палубе сбились в такую плотную кучу, что дышать наверняка трудно.

Челубей сказал довольно:

— Что они делают, что делают!.. Не повезло тем, кого притиснули к бортам, там наверняка ребра трещат... Так им и надо.

Левченко ответил жизнерадостно:

— Это еще что!.. А тем, кто в трюме и во внутренних помещениях, вообще ад и геенна огненная... Там точно сидят друг у друга на головах.

— Даже в раскаленном машинном помещении, — сказал Челубей почти с сочувствием. — Оттуда точно вынесут трупы. Не всех, конечно, но кто-то откинёт копыта.

Левченко крикнул в тревоге:

— До берега всего ничего!.. Считай, они уже приплыли!

Я пробрался к кабине пилота, прокричал, перекрывая грохот двигателя:

— Джонс, заходи на цель!

Он сказал несколько нервно:

— Не успеваем... Нужно сделать маневр...

— Просто заходи, — прокричал я. — Челубей... готовь, все три, я сам сброшу.

Джонс сказал быстро:

— Погодите, я снижусь...

— Некогда, — крикнул я. — Берег уже рядом!.. Давай прямо...

— Не попадешь с такой высоты.

— Другого шанса у нас нет, — сказал я с отчаянием. — Давай!

Челубей, бледный и взмокший, придвинул мне бомбу, я держал ее у края люка, быстро-быстро просчитывая скорость самолета, судна, поток воздуха, угол падения снаряда...

Челубей вздрогнул, когда я толкнул бомбу в люк, но тут же придвинул следующую.

— Второй заход! — крикнул я.

Джонс заложил крутой вираж, мы ухватились за ремни, самолет закрипел от натуги, но развернулся. Я продолжал всматриваться и в тот момент, ко-

торый мне показался единственно верным, вытолкнул вторую бомбу, почти молясь богу, чтобы я не просчитался.

Первая все еще продолжала падение, набирая скорость, я увидел с остановившимся сердцем, как ударила в судно ближе к корме. Мы не услышали взрыв, однако там внизу на месте судна вспыхнуло огненное облако, закрыло его полностью.

Вторая бомба ударила ближе к середине, но это я предположил по траектории, на этот раз из огненного шара вылетели куски обшивки корабля.

Челубей сказал дрогнувшим голосом:

— Третью давать?

— Обязательно, — отрезал я. — Что, перепродать решил?

Джонс молча сделал третий заход, за это время огненный шар опал, разбился на отдельные очаги огня, да и те быстро уходят под воду, а судна уже нет, только на волнах качаются десятки тел, некоторые подают признаки жизни.

Я вытолкнул третью бомбу. Джонс проследил за ней взглядом, прокричал:

— Где так точно научились бомбометанию? С такой высоты...

— Нужда научит, — ответил я.

Челубей вздрогнул, когда я коснулся кнопки дистанционного взрывателя.

С самолета видно было только, что бомба исчезла еще в падении, не коснувшись воды, но даже Джонс понимал, что взорвал я ее ювелирно точно на высоте в два-три метра над поверхностью, и тысячи осколков со страшной силой врезались в качающиеся на волнах тела, будь там живые или мертвые.

Самолет сделал завершающий круг над погружающимися в море обломками судна и последними телами. Мы со всех глаз всматривались в то, что осталось от такого огромного судна. Несколько тел некоторое время еще качало на волнах, затем их одежда пропиталась водой, и они медленно пошли на дно.

Джонс ухмыльнулся.

— Какое прекрасное зрелище!.. Вообще-то я такое мог бы и бесплатно, но хорошо, что заплатили вперед!

Я ответил с облегчением:

— Фу-у, от души отлегло... Деньги? А что деньги, ерунда... Да и не наши они, а казенные...

Он покосился в мою сторону.

— Что, серьезно?

Я ответил уже без улыбки:

— Там на судне был Фазлур Хосейн, ответственный за двойной теракт в Тель-Авиве. Среди всей той толпы были и сто боевиков ИГИЛа!.. Их натащали и подготовили для терактов в Европе. Фазлур Хосейн всегда был за спинами других шахидов, но сейчас у него рак четвертой степени, потому решил уйти из жизни красиво, чтобы запомнили. Сам придумал эту операцию и сам повел своих фанатиков.

Он проговорил настороженно:

— Так вы... из МОССАДа?

Я ответил уклончиво:

— Мы выполняем разные поручения разных нанимателей... если те хорошо платят и если заказы не противоречат нашим принципам первенства белой расы.

Он вздохнул с облегчением.

— А-а, а то я иудеев тоже не люблю. Не так сильно, как муслимов, но тоже... Но за такую операцию я бы тоже взялся. Хорошо, когда одни твари уничтожают других.

— Теперь это не секретная информация, — сказал я. — Пусть мир знает, МОССАД умеет мстить радикальному исламу! А мы ни при чем.

Он крикнул:

— Поворачиваю обратно?

— Да, — ответил я. — Челубей?

Челубей доложил, не отрывая бинокля от глаз:

— Последние тела тонут. Никого не спасут, это однозначно.

— Задание выполнено, — сказал я. — Мир спасен.

Джонс крикнул с нервным смешком:

— Крутые вы ребята. Если бы не сказали, что из МОССАДа, я бы подумал, что русские.

Челубей спросил с негодованием:

— Почему это?

— Не обижайтесь, — крикнул Джонс. — Говорят, только русские действуют так круто и жестоко. По всему миру ходят легенды про ГРУ... Правда, моССАДовцы тоже почти все из России, так что я вас понимаю...

Впереди появилась береговая линия, мы молча ждали, Джонс ведет самолет ювелирно, чувствуя его, как продолжение своего тела, наконец море осталось за спиной, впереди и под нами побежала земля.

Я указал, где нас можно посадить, место удобное, чистое, ровное, хотя и здорово заросшее травой. Джонс красиво повел на посадку, земля медленно начала подниматься, наконец колеса коснулись земли.

Челубей вздохнул с облегчением.

— Успеха, — сказал Джонс. — Было приятно с вами работать!.. Ха-ха, спасители Европы.

— Ты тоже спаситель, — ответил я серьезно. — Помни.

Самолет остановился, мы выпрыгнули и отбежали в сторону, а Джонс тут же развернул и послал своего любимца в обратную сторону.

Взлетел легко, на высоте развернулся и ушел в сторону запада. Челубей помахал ему рукой, видно было, как Джонс в ответ приложил кончики пальцев к виску.

— Все, — сказал Левченко, — думаю, надо поскорее отсюда выбираться?

— Я заказал билеты на рейс Тунис — Москва, — сказал я, — нужно только успеть до начала регистрации. Хотя тут не за пару часов, как в Москве, но все же придется промчаться с ветерком. К счастью, московских пробок тут нет.

Челубей поинтересовался с ухмылкой:

— А что теперь Ганс подумает, узнав, что мы выполняли поручение МОССАДа?

— Не поручение, — уточнил я. — Мы же наемники, которых МОССАД нанял, чтобы уничтожить группу шахидов.

— Но все-таки...

— Догадываюсь, — ответил я. — Человек всегда ищет подпорки своей веры или идеологии. Начнет рассуждать, что евреи — это все-таки европейцы, что приняли иудаизм. А те настоящие, которые семиты, уже давно перебиты. Остались только белые, так что и в МОССАДе рулит белая раса... И все, его совесть сразу успокоится. Или хотя бы наполовину.

— Миллион кого угодно успокоит, — сказал Челубей ревниво. — Джонс всего за один вылет получил миллион, а Ганс еще больше за какие-то три бомбочки.

— О финансовых делах ни слова, — предупредил я. — Даже начальству. Деньги такая вещь... лучше о них помалкивать.

— Во избежание проверок, — уточнил Левченко. — И нецелесообразной траты средств. А ребята эти здорово помогли... И даже с охотой. Чувствую, они бы такое и без денег...

— Вот-вот, — согласился я. — Не все так просто в мире. Убежденных людей все еще хватает. И как жаль, почти все на той стороне.

С шоссе съехал джип песочного цвета, а когда приблизился, мы узнали за рулем Затопека, рядом с ним Куцардис, а из кузова машет Ингрид.

Затопек улыбался, хотя лицо напряженное, баранку вертит одной рукой, другая на перевязи.

— Хороший джип, — крикнул он. — Правда, не новенький, боевики такие бросали здесь сотнями, но до аэропорта не просто довезет, а домчит!..

Мы с Челубеем и Левченко полезли в кузов. Левченко оставался серьезен, сказал с некоторым напряжением в голосе:

— А мне как-то не по себе. Умом все понимаю, но на душе скребет. А как у вас, босс?

Я покачал головой.

— У меня душа тоже мозг.

— А-а, — протянул он несколько озадаченно, — ну да, понимаю... А я вот еще недоразвитый. Ингрид вообще с лица спала. Хотя ей это идет.

Ингрид промолчала, старается вообще не смотреть в нашу сторону. Я сказал ровным голосом:

— Это не наша вина. Если бы отдел по предотвращению катастроф создали хотя бы год тому! Возможно, даже лабораторию выявили бы в самом начале. И прикрыли бы без выстрелов. Административными методами. А так.. у нас не было другого выхода. Будем надеяться, что в следующий раз успеем раньше. Думайте не о том, что убили несколько сот невинных... хотя среди них точно были и боевики разных групп, а что спасли несколько миллионов европейцев! За неделю вирус охватил бы всю Италию, а оттуда пошел бы по Франции, Германии, да и вообще по маршрутам самолетов, поездов, автомобильных трасс, а то и просто воздушными потоками. Там ветры бывают нехилые, мчат быстрее самолета!

Челубей повторил меланхолично:

— За неделю...

Куцардис спросил быстро:

— Подумал о том же, что и я?

— Нет, — ответил Челубей, — на этот раз я не о толстых жопах. И не о сиськах. За неделю вирус точно не доберется до тех, кто все рассчитал, планировал и выстроил лабораторию так далеко от дома, чтоб вообще на другом конце планеты.

Куцардис сказал сердито:

— Я как раз об этом и подумал! А о жопах это ты все время, помешался просто. Хотя авиарейсом можно успеть.

— К жопам?.. Ах да, ты на этот раз почему-то не о них... Во-первых, несколько туристов — не потеря для страны, во-вторых, в аэропорту можно организовать досмотр тех, кто прибывает именно из Италии... Под каким-нибудь предлогом. У таких людей длинные руки. И действуют не в одиночку.

Затопек оглянулся от руля, взгляд очень подозрительный, поинтересовался у меня:

— А вы в самом деле профессор?

— Посмотри в Вики, — посоветовал я.

— Гм, — пробормотал он. — Вернусь, засяду за Вольфштейна.

— Там новый аддон вчера выпустили, — сказал я. — Сплошной замес.

Ингрид посмотрела на обоих несколько странно.

— Вы о чем?

— О высоком, — ответил Затопек. — Мы же мужчины. О духовном. Мужчины все эстеты.

Челубей посмотрел на обоих, сказал с тяжелым вздохом:

— Эх, надо было идти в науку... а я все выбирал, где поинтереснее, пожарником или охотником на медведей.

Левченко спросил меня тихонько:

— А кто за всем этим стоит?.. Есть идея, что снова англичанка гадит. Или Штаты, они всегда хотели раскатать и утопить Европу..

Я двинул плечами.

— Трудно сказать. Пока одни предположения. Американцы — неплохие люди, но решенный квартирный вопрос и обильное питание их испортили.

Ингрид под села ко мне с другой стороны, зябко передернула плечами.

— Бесчеловечно... Как оправдаешься?

— Перед своей совестью? — спросил я с сарказмом.

Она отмахнулась.

— Сказала бы, что совесть у тебя гибкая... если бы вообще была. А что скажет общественность?

Я переспросил:

— На что? Что Израиль утопил судно с беженцами?

Она вскинула в изумлении брови.

— Почему именно Израиль?

— А на кого легче списать? — спросил я. — Русские сплошь пьяницы, французы бабники, греки танцуют сиртаки, испанцы дразнят быков, шведы... ну, про них даже мне говорить стыдно, а вот в Израиле есть МОССАД, про который всем известно, что жесток, свиреп и всегда убивает своих врагов.

Она спросила озадаченно:

— Но... как ты на них бросишь... тень? Что сказал пилоту, с ним и останется.

— Могу поместить сообщение в инет, — ответил я, — что МОССАД ликвидировал опасного террориста Фазлура Хосейна, ответственного за двойной теракт в Тель-Авиве. А чтобы поверили, что именно он повел ту сотню из «Племени Ибрагима», укажу, что у него неоперабельный рак в последней стадии, потому придумал эту операцию и сам повел своих фанатиков, чтобы умереть красиво.

Она смотрела на меня вытаращенными глазами.

— Ну ты и жук... Просто жучище!.. Нет, жучара... МОССАД с ума сойдет. Если у них столько отделов, как у нас, сто лет будут показывать друг на друга пальцами.

Я двинул плечами.

— А что, здоровая конкуренция. Хорошее приписывай себе, даже если чужое, а сомнительное спихивай на конкурентов. Ничего личного, просто здоровые деловые отношения. Мы же разведка, а не демократы на палочке.

Левченко пробормотал:

— А если сделать еще хитрее...

— Например?

— Заявить, что Фазлура Хосейна ликвидировала группа «Сыны Пророка». Они и сунниты, и соревнуются с ними за власть в регионе.

— Хорошая идея, — одобрил я и взглянул на Ингрид. — Видишь? А говоришь, что это я один коварный на всем белом свете!.. Хорошая идея, майор. Делаем утечку, что группа «Сыны Пророка» по заданию коварного госдепа ликвидировала пламенного борца с империализмом доблестного Фазлура Хосейна и его доблестных бойцов из «Племени Ибрагима»!.. И вообще, майор, в следующих операциях не буду путаться у вас под ногами. Вы показали себя прекрасным тактиком и умелым командиром.

Он широко улыбнулся.

— Спасибо, профессор. Особенно интересно это слышать, когда практически всем руководили вы...

— Да и взрывали везде вы, — сказал Челубей с некоторой обидой. — А я так это дело люблю!

— И виски вы тогда в лагере нашли первым, — сказал обвиняющим голосом Затопек, — а мы могли бы вообще пройти мимо!

— В следующий раз будем знать, — сказал Левченко, — где искать.

На самолет в Москву успели снова буквально в последнюю минуту. Уже в салоне Ингрид, разместившись рядом, спросила с понятным интересом:

— Но откуда ты знал про этого пилота?.. И про Ганса-оружейника?..

— А общий некультурный уровень высокообразованного человека? — напомнил я. — Ты меня счи-

таешь каким-то одноклассником, а еще Достоевский варивал... ага, вспомнила!

Она вздохнула.

— Наверное, зря перешла к вам из контрразведки. Там заняты чистым делом, ловят врагов в своей стране... А тут с ублюдками из Белого Братства разговариваешь, как родной.

— А чем плохие ребята? — спросил я уязвленно. — Идеиные! Любые идеиные лучше простого быдла, что с пивом в руке смотрит футбол по жвачнику и через губу указывает президенту, как править страной. К тому же идеиные радикалы с возрастом становятся такими консерваторами, что куда там Чемберлену! А вот безыдейное быдло так и останется быдлом.

— Но все-таки почти Ку-клукс-клан...

— В России его не было только потому, — напомнил я, — что и негров не было. Как и радикального ислама. Так что не надо кичиться нашей святостью на пустом месте, когда возможности грешить просто не было. К тому же...

Она спросила почти враждебно:

— Что?

— Не всегда, — ответил я, — следует тащить прямо из Москвы целый отряд. Иногда на месте можно использовать вот таких ребят... Местность знают, связи есть, оружия с запасом, боевой опыт имеется.

Челубей, что сидит следом за нами рядом с Левченко и Куцардисом, сказал с сомнением:

— Так они не воины. Давно с этим завязали. Теперь только приторговывают.

— Они да, — согласился я, — но у вас есть и настоящий боевой дружбан. Правда, он об этом еще не знает...

Левченко, которому я передаю вожжи руководства будущими операциями, удивленно и настороженно переспросил:

— Даже дружбан?

— Точно, — ответил я. — Ты с ним знаком. Иван — Ричард Львиное Сердце по прозвищу Шурале, что значит, если не ошибаюсь, шайтан на татарском. Думаю, наберет отряд еще круче. Да вы все его видели... Не забыли?

Челубей пробормотал:

— Его забудешь... Ингрид с этого красавца глаз не спускала. Уже раздеваться вроде бы начинала.

— Пошел ты, — отрезала Ингрид. — А с чего этот викинг станет дружелюбным?

Притихли даже Куцардис с Затопеком, начали прислушиваться со своих мест.

— Он великолепный полевой командир, — пояснил я, — но не спецгент. Сразу проболтался, откуда родом и какая у него родня. Я уже знаю все о его семье, ребенке, родителях, сестренке... Сестренке, которую он нежно любит, можно помочь поступить в универ, она как раз заканчивает школу, родителям подкинуть денег... или хотя бы починить забор в их огороде. Но сперва, конечно, спросить, не будет ли против, если его жене, с которой тогда так бурно разругался, помочь выплатить ипотеку, он ее взял, а выплачивает бедная женщина... Номер его мобильного у меня есть.

Левченко покрутил головой.

— Профессор... вы не у самого ли дьявола уроки брали?

Ингрид зыркнула сперва зло, потом лицо приняло чуточку виноватое выражение.

Челубей сказал почтительно:

— Не груби. Напротив, это профессор его иногда консультирует свысока. По дружбе. Хотя, может быть, и по-родственному.

Они заговорили между собой, Ингрид проговорила мне жарким шепотом:

— Ты обещал мне пузо почесать, забыл?

Я сказал нерешительно:

— Но ты вроде не совсем мышь... А я только мышек люблю.

— Мышь, — заверила она. — Большая теплая мышь. И без шерсти на пузе.

Самолет развернулся на взлетной полосе и побежал навстречу солнцу.

Оглавление

Часть I

Глава 1.....	5
Глава 2.....	13
Глава 3.....	24
Глава 4.....	33
Глава 5.....	46
Глава 6.....	53
Глава 7.....	62
Глава 8.....	73
Глава 9.....	84
Глава 10.....	93
Глава 11.....	101
Глава 12.....	112
Глава 13.....	118
Глава 14.....	130
Глава 15.....	141

Часть II

Глава 1.....	149
Глава 2.....	159
Глава 3.....	167
Глава 4.....	178
Глава 5.....	186
Глава 6.....	194

Глава 7.....	203
Глава 8.....	212
Глава 9.....	216
Глава 10.....	226
Глава 11.....	235
Глава 12.....	245
Глава 13.....	254
Глава 14.....	264
Глава 15.....	276

ЧАСТЬ III

Глава 1.....	288
Глава 2.....	295
Глава 3.....	304
Глава 4.....	315
Глава 5.....	324
Глава 6.....	333
Глава 7.....	343
Глава 8.....	349
Глава 9.....	358
Глава 10.....	368

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

КОНТРОЛЕР. ФАНТАСТИКА ЮРИЯ НИКИТИНА

Никитин Юрий Александрович

КОНТРОЛЕР

Книга третья

РОЖДЕНИЕ КОНТРОЛЕРА

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Тагирова*

Художественный редактор *А. Сауков*

Технический редактор *О. Куликова*

Компьютерная верстка *Л. Панина*

Корректор *Н. Понкратова*

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86.

Тауар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибутор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 16.09.2016. Формат 84x108 1/32.

Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.

Тираж 5000 экз. Заказ 6971.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»,
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

В электронном виде книга издаётся в формате
купить на www.litres.ru

ЛитРес:
ОДИН КЛИК ДО КНИГ

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:
142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

**По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными
оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж**
*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department for their orders.*

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.:**
+7 (495) 411-68-59, доб. 2261.

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса:**
142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

Полный ассортимент книг издательства для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел.: (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: 603094, г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29,
бизнес-парк «Грин Плаза». Тел.: (831) 216-15-91 (92/93/94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», 344023, г. Ростов-на-Дону,
ул. Страны Советов, 44 А. Тел.: (863) 303-62-10.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел.: (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел.: +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел.: +7 (383) 289-91-42.

В Киеве: ООО «Форс Украина», г. Киев, пр. Московский, 9 БЦ «Форум».
Тел.: +38-044-2909944.

**Полный ассортимент продукции Издательства «Э»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД»,
Невский пр-т, д. 46. Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14.

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН

ISBN 978-5-699-89305-8

9 785699 893058 >

ЮРИЙ НИКИТИН К О Н Т Р О Л Е Р

Кому много дано, с того много и спросится. Еще Пифагор говорил, что стыдно стареть, не узнав, на что способны твои ум и тело. Владимиру Лавронову дано было немного, а чего недоставало, он взял сам, без спросу. Он и не подозревал, что пользоваться сверхчеловеческой мощью, все равно что идти по тонкому канату над пропастью...

ISBN 978-5-699-89305-8

9 785699 893058 >